АРСЕНИЙ
МЕРКУШЕВ

МАМА

АУДИОКНИГА ГЕННАДИЯ КОРШУНОВА

Annotation

Обычно условиях зомби-апокалипсиса супергерой спасется сам, и, может быть спасает еще кого-то. А все остальные, которые не обладают качествами супергероя, или не могут рассчитывать не его защиту, конечно же, гибнут.

Вот вам нравится такой подход? За вас не знаю, но меня он точно не устраивает. Ибо мир, где все предрешено – ужасно скучен и уныл.

И поэтому мой главный герой – это женщина, причем не трепетная девица или бой-баба, а обычная тетка, вступившая в пору зрелости, тетка, которая не умеет обращаться с оружием, и которая вовсе не жаждет спасти абстрактное человечество, а лишь себя, да еще вполне конкретную группу детей, которую ей доверили.

Она не супермен, не стрелок, не генно-модифицированная сучка-лаборантка из секретной лаборатории. У моей героини нет «стальных яиц», у нее случаются нервные срывы, она болеет, страдает, радуется и влюбляется как обычный человек. Как мы все…

- Пролог
- ГЛАВА ПЕРВАЯ "Екатерина Тимофеевна"
- ГЛАВА ВТОРАЯ – «Кравчий»
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ – «МОЗАИКА - утро, день и ночь»
- ГЛАВА ЧЕТВРЕТАЯ – «Танатос и Эрос»
- ГЛАВА ПЯТАЯ «ЗАГОВОР»
- ГЛАВА ШЕСТАЯ «Леди Макбет Мценского уезда»
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ – «САМАЯ КОРОТКАЯ»
- Аудиокнига

Мама

Пролог

Тот день должен был стать самым обычным - мартовским и теплым. Люди все еще куда то спешили, спорили, решали свои проблемы - мелкие, и те, что пока казались им крупными.

Работали и отдыхали, умирали и рождались, женились, - и просто жили. Президент одной крупной страны в северном полушарии готовился к импичменту, а какой-то студент не самого престижного ВУЗа города Воронежа готовился к своему первому "настоящему" свиданию.

Молодой доктор в индийском городке Мумбаи размышлял над предстоящей операцией, а его пожилой коллега в далекой русской Вологде заполнял заявление на перерасчет пенсии.

Но и неудачливый политик, и играющий гормонами юноша, и оба доктора, и миллиарды остальных людей образовывали одну общность, именуемую громко и красиво - ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

И именно в этот день это самое человечество прошло в своем развитии очередную точку бифуркации, в просторечии именуемую точкой невозврата, - когда были возможны несколько вариантов развития - "или - или".

В тот теплый мартовский день пришла БЕДА: на свободу вырвался "лучший друг человека" - вирус, получивший имя - "шестерка".

И он действительно был лучшим другом для каждого конкретного человека, и кошмаром для всех людей.

При попадании в организм своего носителя через воздух, он всячески оберегал его здоровье, подавлял болезнетворные вирусы, борясь за жизнь своего хозяина до самой его смерти... И что гораздо хуже, даже после ее, "возвращая" уже умершего в мир живых, создавая своеобразную и неповторимую форму "некротической" жизни. Очень голодную и очень агрессивную форму. Таких называли "обратившимися", "зомби", или, как удачно окрестил их один врач - "вернувшимися".

Если же вирус попадал в своего носителя чрез кровь, то ударная форма "лучшего друга человека" быстро приводила к смерти носителя

... но совсем ненадолго. - Вирус не позволял человеку умереть окончательно, и боролся за своего носителя - как бы "возвращая" его "оттуда".

Пускай эта форма "некротической жизни" была поначалу достаточно тупа и неповоротлива, что бы убить в одиночку взрослого человека, но она была вполне способна его укусить, обрекая укушенного на скорую смерть и такое же скорое "возвращение".

Старая индийская легенда гласила, что изобретатель шахмат в награду за свое изобретение попросил зерна: всего лишь одно зернышко "положенное" на самую первую клетку шахматной доски, два зернышка - положенные на вторую, четыре - на третью, и так до самого конца шахматной доски.

Простое удвоение зернышек приводило к тому, что уже на десятой клетке необходимо было "готовить" более чем тысячу зерен для следующего шага. И хотя это была не Древняя Индия, но люди-зернышки шли в оплату пришедшей Беде почти по правилам древнего мудреца.

В первый и второй день Беды только один "обратившийся", до того как его окончательно не останавливали выстрелом в голову, часто успевал несколько раз "продублировать" себя, и мог быть причастным, прямо или косвенно, к появлению нескольких новых сотен таких же как он сам.

И именно с этого мартовского дня Мир получил новый вектор развития.

А каждый из живущих вступил в жуткую игру, в которой два слепых крупье - судьба и случай - стояли на раздаче, тасуя и раздавая всем подряд и без разбора свою колоду. Ну а успех игрока зачастую зависела не столько от принятых карт, сколько от его умения успеть понять правила игры.

При этом солдат-первогодок с автоматом в далеком Усть-Илимске имел в этой игре на руках куда больше козырей, чем его сверстник - студент-филолог в центре московского мегаполиса, а водитель-дальнобойщик на трассе "Чита-Хабаровск" куда и куда как больше чем какой ни будь питерский таксист.

Но все это были лишь частности. А в целом суровая логика жизни говорила что, наилучшие шансы вытянуть короткую соломинку жизни получила особая группа населения - здоровые и молодые мужчины…

мужчины, бывшие "на Ты" с оружием и умеющие убивать... мужчины, свободные как ветер, способные прыгнуть и за руль "Урала" и сорваться с места, уходя от опасности, или первыми "столбя" добычу... ....мужчины, жесткие и решительные, готовые и способные отстаивать, спорить, противостоять, гнуть свою линию, быть несгибаемыми и твердыми...

Их было немного, но лучшие шансы на выживание были именно у них, - у тех, чьим символом мог бы стать сильный, умный и матерый одинокий волк или волчья стая.

И эта самая суровая логика жизни настойчиво подсказывала, что женщине, которая уже вышла из возраста юности, слабо разбирается в оружии, "прикована" к месту многочисленными детьми, и не имеет возможности "дать сдачи" нахальным соседям, - такой женщине, эта самая проклятая суровая логика жизни ПОЧТИ не оставила шансов.

ПОЧТИ.....

ГЛАВА ПЕРВАЯ "Екатерина Тимофеевна"

«Конец начала». - 23.03.2007г. - Третий день с начала пандемии, около 18.00.

... "Маленькие пальчики - маленькие мальчики ... девочки и мальчики - маленькие пальчики ... " ... - Эту фразу женщина тихо повторяет про себя уже минут двадцать. Под ней мокро, но она этого уже не чувствует: губа ее закушена, а пальцы побелели от напряжения, вцепившись в шпингалет с внутренней стороны двери шкафа. Больше ей тут хвататься не за что. Слезы у нее давно уже не текут по щекам - кончились.

Женщина знает, что если разожмет пальцы, то дверь шкафа сразу распахнется наружу, и она умрет. А эти маленькие пальчики продолжают настойчиво ощупывать, как будто в слепую, гладкую поверхность шкафа: маленькие пальчики маленьких детей. Неживых детей.

Ее палец, белый от напряжения, неожиданно соскальзывает. Дверь только начинает распахиваться наружу, а тело уже понимает - все и сразу! Это конец ...

"Каждый утопающий имеет Право на одну соломинку "- Это и не правило, и не аксиома, и даже не молитва. Это - просто мысль, которая проносится у нее в голове в тот момент, когда первый луч блеклого света врывается в шкаф.

Она с силой помогает двери распахнуться. Та открывается в левую сторону, отталкивая мелких. - И ей везет: дверь немного отпихивает их от шкафа. А самый опасный сейчас - ее бывший зам, стоит, хотя и напортив, но их пока еще разделяет целый метр.

Но справа, справа еще никого нет! - Рывок туда! Еще рывок!!! Скользкая от чего-то рука хватает ее за плечо, соскальзывает, снова пытается схватить и ловит воздух. А зареванная тетка, закусив нижнюю губу что бы не заорать от ужаса, молча буром прет к противоположной стене зала - к своему спасению.

Она добегает до широченной, на всю ширину гимнастического зала, шведской стенке. И тут же лезет на нее, тихо подвывая от

животного страха. Для того, что бы оказаться в трех метрах над уровнем земли ей хватает и нескольких секунд. Стороннему наблюдателю, если бы он бы тут, могло бы показаться, что она сошла с ума. Но он был бы не прав, этот сторонний наблюдатель. Так могут выть только те, кто почти оказался ТАМ, но смог получить, крохотный, микроскопический запас времени, для поиска своего личного, персонального шанса.

А теперь вот она наверху, а эти - внизу. Их пятеро: четверо детишек и ее бывший зам. И все они неживые и очень голодные.

Женщина понимает, что долго она тут не продержится. Ей остается одно только одно: отдышаться, спрыгнуть и, несмотря ни на что, прорваться к металлическим грифам. А затем попытаться, пусть и ценой своей жизни, но защитить своих детей и тех, кто еще не инфицирован из персонала. Звать на помощь и кричать она не будет. Это опасно для тех, кто придет ей помогать. Они снаружи, в соседнем здании. И они не знают, что тут происходит. Если услышат ее голос, то могут просто заглянуть, - а этого допускать ну никак нельзя.

Луч солнца, выглянув из-за тучи, прорезает темный полумрак комнаты, - и попадает в глаза самому рослому из стоящих внизу - ее бывшему заму. Неупокоенный вздрагивает на пару секунд и обескуражено мотает головой. Пару секунд ... Пару секунд ...

Они чувствительны к резкой перемене света! Вот будь у нее световая граната ... зеркальце… или что еще …

"Идиотка! А еще два образования?! " - женщина тихо плачет от счастья, - у нее появляется ШАНС, охренительно большой шанс. Первый раз ей, наверное, так повезло при зачатии, а второй - вот тут, на этой перекладине шведской стенки, здесь и сейчас.

До чего она сможет дотянуться рукой? - До выключателя!

А что это значит? - А это значит, что она сможет изменять освещенность в комнате ...

Женщина начинает разминать затекшие ноги, переставляя их. И неожиданно, почти соскальзывает, повисая на перекладине. Ее нога ударяется в плечо того, кто совсем недавно был Порфирием Николаевичем. Но разум побеждает инстинкт, и вместо того, что бы одергивать ногу ставшую на плечо *обратившегося* - она с силой отталкивается от его плеча, помогая тоненьким ручкам поднять свое тело, а неупокоенному немного осесть вниз.

"Дура, скотская дура" - радостно шепчет женщина, кусая нижнюю губу, и с наслаждением глотает сочащуюся из прокушенной губы кровь. Свою и живую кровь, - такую горячую и соленую.

Она еще раз вглядывается вглубь зала, стараясь максимально точно запомнить, где стоят грифы, мысленно представляя свой короткий 50-метровый забег, - что б не потерять ни одной лишней секунды, не отклониться ни на метр от своей "беговой дорожки".

Но зал чист и пуст, все его обитатели находятся тут, у шведской стенки. А в противоположной стороне, находится то, что ей сейчас жизненно нужно - ящик с грифами. Дело лишь за малым - добежать до него. А уж как вывести из строя ЭТИХ в сети появилась информация еще на утро второго день Беды: голова, хребет, ноги.

Итак ...

ПЕРВОЕ ... Свет выключен

ВТОРОЕ ... Ждем, ждем, ждем ... 10 минут ... больше ей тут не продержаться - сил уже не хватит ...

ТРЕТЬЕ Женщина бет рукой по выключателю, и свет солнца врезается ей в глаза. *"Потом! - Жмуриться мы будем потом "!* - шепчет она себе. Прыжок с высоты двух метров на мат и пронзительная боль в пятках ... Потом ... Рывок по-памяти в дальний угол зала ... Двадцать метров, десять, пять, один… Бинго! Тяжелая палка весом в 6 кг у нее в руках ...

Сначала она упокаивает Порфирия Николаевича - шаркающей походкой бывший зам подходит к ней первым ...

А маленьких ударить она не может до самого конца. Да, отступая от четверки тех, кто еще недавно были ее подопечными, и за кого она отвечала, кружа по залу, она неожиданно для самой себе понимает, почему не может их упокоить. - Она втихую ненавидела своего подчиненного, навязанного ей сверху. - Не за что-то плохое и нехорошее, не за то, что был "настоятельно рекомендован", а просто так. Не нравился он ей, и все тут. И поэтому так легко разнесла ему, уже неживому, череп. Но бить по голове ребенка?! - Неживого, но ребенка? - Увольте!

Она тратит чуть ли не целую минуту, кружа и маневрируя по залу, пока наконец не находит в себе силы нанести каждому из «мелких» по одному точному удару по шее, и лишь затем оседает, сильно упираясь спиной в ребра батареи.

Но боли она не уже чувствует - ее мозг и чувства заняты совсем иным. Хотя вряд ли это «иное» можно назвать даже мыслями. Скорее это что среднее между медитацией, тяжелыми родами и решением уравнения со многими неизвестными.

Когда-то старый знакомый и пациент ее отца рассказывал им с братом об авиакатастрофе, в которой ему довелось побывать и повезло почти не пострадать, - физически не пострадать, - так будет точнее. Оказывается, после того как самолет сваливается в штопор и начинает стремительно приближаться к земле - пассажиры вовсе не кричат. Острое понимание приближающейся смерти, ее неотвратимость, предметность и явственность, - все это парализует людей. Они сидят, вжавшись в кресла, и с ужасом, помноженным на тупую обреченность, смотрят на приближающуюся поверхность. Так, по крайне мере было в их самолете. Осознание того, что смерть - вот она, так близко, и с каждой микросекундой - все ближе и ближе, парализует человека. И только когда становятся видны барашки волн на воде, детали кораблика и фигурки внизу, все они, пассажиры гибнущего самолета, как по команде начинают кричать, закрывать лицо руками и делать что угодно, словно посылая месседж в вечность: я кричу, я борюсь, и, следовательно - я еще живу. Геннадию Николаевичу, которого отец консультировал по поводу ночных кошмаров, вызванных той катастрофой, повезло. Он оказался одним из немногих кто остался в живых после падения, и смог найти в себе силы продержаться до прибытия помощи. От него она и услышала эти откровения бывшего смертника.

Примерно тоже состояние обреченности падающего пассажира испытывала и она три этих последних дня, старт которым дал папин ночной звонок. Тогда отец и сам толком ничего не знал и не понимал, в слухи, распускаемые съехавшим с катушек москвичом Дегтяревым не верил, но на всякий случай просил быть поосторожнее, потому как был все-таки очень умным человеком и умел держать нос по-ветру. Это была последняя ночь, когда она выспалась, и их предпоследний разговор с отцом .

А потом началось... Интернет, панические звонки знакомых, коллег, сюжеты по ТВ - быстро, просто и доходчиво объяснили, что все они - пассажиры самолета свалившегося в штопор. И смерть - вот она, на экране старенькой "Тошибы", на мониторе двух компьютеров, -

смотрит на нее, кричит дурным голосом насмерть испуганного человека из телефона, становится все ближе и явственнее. И ничего нельзя сделать. Совсем ничего! Земля приближалась, ее самолет свалился штопор, а она в оцеплении смотрит в иллюминатор, и ничего нет в ее душе кроме тупого ужаса, страха и обреченности. Кто-то из персонала бежал в город спасать родных и не возвращался, кто-то уходил в сторону шоссе - просто уходил, дезертировал по-сути дела. Ну а она, и еще с десяток взрослых в этом маленьком мирке просто обреченно чего-то ждали и продолжали работать, или, правильнее сказать, дорабатывать.

А к концу вторых суток ВСЕГО ЭТОГО ей перестали отвечать даже ее старые знакомые, руководство и друзья. Они могли быть уже мертвы, а могли быть ... Да кто хочет связываться, брать моральную ответственность за тетку с парой сотен детей и подростков, да к тому же находящуюся в сотне километров? Куда проще сбросить вызов или просто не отвечать. Она их даже не осуждала, и вполне возможно, что и сама бы так поступила - будь она на их месте. Но она была не на их месте, а на своем собственном.

Лишь два звонка третьего дня Беды запомнились ей, и клещами впились в ее память. Один принёс ей взвинченный и испуганный голос отца. Он был еще жив, не инфицирован, и оставался в Киеве, запершись вместе со своими лаборанточками в здании института. Они говорили около часа, пока у отца не закончился заряд мобильного телефона. А второй звонок ... Второй звоночек был вовсе не от бывшего мужа с пасынком, и не от коллег, и даже не от начальства - давно сгинувшего или сдрыснувшего, а от старого друга ее папы, ее покровителя и бывшего "трех-ночного" любовник Фортунатова Мишеньки. - Мишенька, еще не старый 60-летний мужчина, был сильно изувечен укусами. Он не истерил и не плакал в трубку, не просил и не проклинал. Он просто сказал то, что хотел сказать - спокойно и взвешенно: слова благодарности за знакомство, за их три ночи, после которых он снова почувствовал себя лет на двадцать моложе, пожелал удачи, простился, и повесил трубку. Сам. И за это она тогда была ему очень благодарна.

А сегодня вечером в ЭТОМ спортзале она таки увидела, что барашки волн уже совсем близко, и еще немного и ЕЕ самолет таки врежется в темную линзу воды, неся смерть ей, и всем тем, кто рядом с

ней. И женщине тоже захотелось закричать, закрыть лицо руками, сделать слабую, отчаянную попытку уцелеть, крикнуть в лицо вечности - *"Я борюсь, следовательно, я живу! "*.

Женщина открывает глаза и смотри на железную палку в своих руках, на сами руки залитые кровью, и на тела в зале, что еще утром были живыми людьми

Она кивает собственной мысли, как бы соглашаясь сама с собой, и поднимается, опираясь на гриф как на посох. Затем выходит из этого маленького спортзала, закрыв его снаружи, а затем и из пустого здания. Она идет со своим металлическим дрыном сначала наперевес, а потом - держа его как младенца, через плац, баскетбольную площадку, - в Главный корпус, где ее давно ждут.

Дежурный мальчик лет 15-16, Витя, так, кажется, его зовут, и завхоз Прохор смотрят на нее и хотят что-то сказать, но движением руки она закрывает им рты. А затем поднимается в свой кабинет. Там женщина достает микрофон, и, включив громкую связь, произносит слова, которые на долгие годы определят судьбу более чем полутора сотен ее воспитанников и нескольких преподавателей: **"Всем Внимание. Старостам групп. Немедленно запереться в комнатах и не открывать до моего распоряжения. Преподавателям и административному персоналу - запереться в своих комнатах изнутри и не открывать до утра ".**

Потом, подумав - добавляет: **"Все правда, и в этом я сейчас убедилась лично".** А еще через минуту, фельдшер Мария получает вызов от Самой с просьбой прихватить спирта, кофеина, и чего там еще нужно при сильном стрессе - все на ее усмотрение.

Машенька, хрупкая девочка 23 лет, прибыла практически сразу. И, открыв дверь после формального стука, поняла, что просьба взять что-то от стресса - была не лишней, ой как далеко не лишней. Ее пациентка сидела на кровати, и даже не-медику было бы видно, что держится она из последних сил. Но не изможденное лицо, прокушенная губа или острый запах мочи и еще чего-то непонятного и неприятного испугали Машу. У Катерины Тимофеевны были прекрасные черные волосы. Были... А сейчас на все еще черной копне волос четко проступали две пепельно-белые пряди.

"Вот что, Маша, - голос женщины был тих и глух, - *Я не знаю, что ты мне сейчас вколешь или вставишь, но завтра у нас будет*

тяжелый день. И ты это понимаешь прекрасно. Я должна выспаться "

А потом не выдержав начала всхлипывать - *"Машка, они были от меня совсем рядом ...совсем рядом... не оставляй меня этой ночью, - я хочу чувствовать рядом живого. Просто живого человек. Мне страшно, Машка "*

Интимом тут и не пахло. Просто всю ночь напролет ее начальница, такая грозная и въедливая стерва Екатерина Тимофеевна, лежала в кровати и прижималась к ее телу - как младенец к матери.

И обе они знали, что утро следующего дня начнет новую главу в их жизни.

«Первое утро» - 24.03.2007г., около 04.30

Свет лампы бьет сквозь веки. Наверное, пора вставать. Подожду.

Боль в кистях и спине. Боль - это хорошо. Значит - я еще жива.

Мягкий толчок в бок. Эта Маша. Хорошая девочка.

Резко сажусь. Маша рядом. Держит меня за руку.

Ведет меня за руку в душ. Я иду. Раздевает.

Вода. Горячая, холодная, снова горячая, и снова холодная...

Выхожу. Вытираюсь. Вдыхаю знакомый аромат.

Чашка очень, очень крепкого кофе. Есть не хочу и не буду.

Маша снова рядом. В ее руках моя 'тройка'.

Улыбаюсь через силу и беру одежду.

Кажется, уже могу говорить.

Теперь немного усилий над собой, и к людям выйдет не вчерашняя зареванная - обоссаная истеричка, а причесанная и одетая в свою любимый костюм (только на защиту своего диплома его и одевала) Лядова Екатерина Тимофеевна - директор Детского Дома №5 имени Макаренко.

Гляжу на себя в зеркало и не добро улыбаюсь: капитан тонущего корабля должен быть при полном параде.

Беру свою вчерашнюю «палочку-выручалочку» и обхожу этажи. Большое трехэтажное здание, приспособленное под жилой корпус Детского дома, сейчас выглядит очень странно: в нем чувствуется присутствие жизни, но сейчас вся эта жизнь очень напуганная, заперлась внутри спален и кабинетов и не знает что делать. И я пока что не знаю.

Слава Богу, коридоры пусты, и вчерашних шаркающих шагов не слышно. - И это хорошо, значит те четверо в спортзале - пока что наши единственные потери.

Сама я иду достаточно тихо - свои туфли я оставила у дверей рабочего кабинета, и теперь холод бетона прикрытого лишь тонким слоем линолеума приятно холодит ступни ног. Раньше вспомнила бы о больной правой почке и с трудом залеченном нефрите, о риске подхватить воспаление легких, о цистите и прочих "радостях жизни". Но сейчас тело хочет чувствовать себя живым, тело хочет ощущений - любых ощущений, хоть хороших, хоть плохих, но только бы не опять заглядывать ТУДА, где уже не больно, не страшно, и уже не надо мучатся. - Нет, уж лучше помучаюсь, думаю про себя, вспоминая образ товарища Сухова.

Возвращаюсь в свою обитель - в свой рабочий кабинет, совмещенный со спальней и душевой.

Система громкой связи бывает очень удобной и даже незаменимой, как в сегодняшнем случае.

Приглашаю всех сотрудников на экстренную планерку к шести утра.- В утреннем мартовском воздухе здания, наполненном прохладой, тишиной...и страхом, мой голос раздается очень громко, - приходится даже умерить тон.

Но надолго я сейчас их не задержу. Максимум минут на 10-15. А пока есть время для того, что бы выпить еще одну чашку кофе и подумать обо всем, - или не думать ни о чем вообще. Часто - это практически одно и тоже. Если задача слишком сложна, если в уравнении есть уйма неизвестных, и выхода не видно. Да! - Тогда подобно буддистам решающим свои нелогичные задачи - коаны, остается попробовать найти ответ не логикой, а интуицией и просветлением. По крайне мере, если загрузить себя проблемой, а потом выкинуть ее из головы, и просто сидеть, растягивая чашку крепкого кофе, в голову иной раз приходят интересные мысли.

Снова зову Машеньку и прошу поработать на «ресепшене» рассаживая гостей, а потом возвращаюсь в свой "будуар". У меня есть еще свободных 10-15 минут, дымящаяся в руке чашка и приватная зона моей спальни.

24.03.2007г. - 06.03

Они сидят и смотрят на меня. Даже не испугано, а скорее с интересом. Так, наверное, мог бы смотреть Лорд Астр с тонущего 'Титаника' на подступающую воду. Или, что было бы вернее, как официант, только что поднесший этому лорду бокал шампанского: безразличный интерес человека, которому некуда бежать, и который скорее честно дорабатывает, чем работает. Весь наличный персонал собрался в моем кабинете и с интересом ждал, что я скажу. - Весь наличный персонал Детского Дома №5 имени Макаренко ...

А ведь это был хороший детский дом. Возле соснового леса, на природе, на территории почившего года два назад крупного опытного аграрного института. Два корпуса - для воспитанников и для персонала, небольшой ангар, гараж с еще бойким ВАЗом. Несколько заколоченных хозяйственных построек - деревянных и кирпичных, зарастающая пашня, да дорога, петляющая около километра в небольшом сосновом лесочке, мостиком перепрыгивающая через ручей и «смачным матюгом» выныривающая на трассу.

Сама идея создания такого Детского дома была неплоха. - Дети будут ближе к природе, персонал получит удовольствие от работы на фоне соснового леса и вдали от страдающего метеоризмом выхлопных труб города. Ну, а благодаря рокировке можно будет успешно закрыть небольшой Детский дом в центре Днепропетровска, грамотно при этом «утилизировав» землицу под очередную офисную стекляшку.

Последнее и удалось наиболее успешно, а вот с первыми двумя благими пожеланиями еще пришлось поработать. В первый же месяц выяснилось, что самогон неплохая замена клею и другим "веществам", а немногочисленные деревенские жители ничем не лучше "'ужасной городской среды". Частично эту проблему удалось решить возведением стандартного бетонного забора вокруг жилых корпусов. Его выкрасили с двух сторон в зеленый цвет - типа, что бы на мозг не давил и с сосняком гармонировал. Помню как Семенов, (один из младших воспитателей, драпанувший в первый же день Беды) утрировал а-ля Бабель, что никто не знает, где заканчивается зеленый забор, и где начинается зеленый лес. Забор, тем не менее, со своей функцией худо-бедно справлялся.

А с преподавателями было намного хуже. Планировалось рокировать их из закрываемого учреждения, но оказалось что часть их закрытие «старой» работы восприняла как предательство, и ехать на

новое место не стала. Ну а остальные просто не хотели расставаться с семьями, - ведь от нас до города почитай километров с пятнадцать будет.

В итоге предложение было принято теми, кто готов был за небольшую зарплату работать с детьми, вдали от города, и, что важнее, вдали от семьи, если она конечно была. И контингент собрался тот еще!

Но возможно именно благодаря этому, когда в персонал подобрались люди несемейные или люди с «прошлым» хоть кто-то тут в первые дни и оставался.

Ну и я, собственной персоной, Лядова Екатерина Тимофеевна, 39 лет, русская, в разводе - первый, ну и, наверное, последний, директор Детского Дома № 5 имени Макаренко. - Да-да, имени того самого педагога, идеи которого я и пыталась внедрить в эти два недолгие года своего директорства. Нельзя конечно сказать, что за два года мне удалось создать педагогический «парадиз». Но все-таки! Все-таки оказалось, что второе педагогическое и дипломная работа на «макаренковскую» темы были чем-то большим, чем обеспечение работой преподавательского персонала того ВУЗа, где я училась

Да, и с идеей дипломной я угадала. Мысли о переводе детских домов на самообслуживание по типу «макаренковского» и сокращение обслуживающего персонала попали в струю. В министерстве готовились к массовым и недетским сокращениям, и идея доложить, что досрочно и, идя навстречу пожеланиям премьера, сократили несколько тысяч человек "низового" персонала, людям в МинОбразе пришлась по вкусу. Необходимо было лишь обкатать мои идеи экспериментально. А потом ставить дело на поток...

«*Вот, Катя Батьковна*, - как сказал мне Миша Фортунатов, друг моего папы и тогдашний зам министра образования, - *вам и карты вам в руки»*. И я начала их тасовать. Да, я «тасовала карты», и еще три дня назад у меня было 144 более-менее дисциплинированных воспитанника, преимущественно сироты с минимумом бывших беспризорных и социальных сирот, и 30 человек более-менее вменяемого персонала.

А сейчас у меня в кабине за 10 минут собрался весь оставшийся персонал Детского Дома №5 - целых шесть человек:

- Маруся Григорович - младший воспитатель.

- Тамара Дмитриевна - наш повар.

- Омар Оглы (а дальше - увольте...) - Кладовщик

- Дима Кореньков - водитель

- Машенька - фельдшер (кажется, девочка ко мне не ровно дышит, или просто слепо предана - не знаю, потом разберусь)

- Прохор Иванович - наш трудовик.

Да, их было тридцать, а стало шестеро. Слово «было» - бывает страшным. Оно означает событие, случившееся в прошлом, но еще не окончившееся полностью. - Было тридцать, стало шестеро, - ну а сколько будет завтра и я сама не знаю.

Но нет Яныча, нет Ольги Марковны, Крутицкого и еще нескольких человек, на присутствие которых еще вчера можно было бы рассчитывать. Но, видимо, происшествие в спортзале их окончательно добило, и они сбежали-ушли, как, впрочем, и остальные до них.

Обвожу взглядом всех собравшихся и произношу, – общее собрание переносится на 10.00. А пока что нужно успокоить и накормить детей.

Тамара Дмитриевна, - говорю я, поворачиваясь к поварихе, готовьте завтрак. А вы, - обращаясь к остальным, ей поможете. Встретимся через 2 часа, тут же. Да, еще, Маруся, задержитесь на минутку.

Маруся, еще совсем юная девочка, сразу после «педа», порывами инициативы не блещет, но и не дура. В общем - хороший исполнитель.

«Вот что, - продолжаю я, дождавшись пока мы останемся вдвоем, - нам нужна помощь со стороны старших. В старших группах полсотни троглодитов от 15 и старше. Я понимаю, что ты мало кого знаешь досконально (а она покраснела! - честный человек) так что пиши хотя бы тех, кого мы сможем мобилизовать прямо сейчас»

Пишет с два десятка фамилий, и столько же я. Дюжина имен совпадают. Дело остается за малым. Вдвоем с ней оправляемся в спальню старших мальчиков. Процедура проста - сначала кратко обрисовываю ситуацию, - что осталось только шестеро старших и нужна помощь, и просим выступить добровольцев. И добровольцы находятся - на удивление много. Нам остается только выбрать НАШУ дюжину.

А затем начинается раздача пряников. Пройдя с Марусей и ребятами в приемную, я толкаю краткую речь о том, что в связи с чрезвычайной ситуацией и позорным бегством большинства персонала, Марина Сергеевна Григорович с этого момента назначается Старшим воспитателем и моим личным референтом. Ребятам же предоставляется должность Младших воспитателей. Как знак различия, само собой разумеется, они должны носит красную повязку на руке.

Великий психолог Наполеон I, сказал: **"Иногда можно человеку дать пуговицу и взамен ее потребовать жизнь"**. А я даю им куда как больше чем пуговицу...

Маруся и большая часть ребят отправляются успокоить детишек помладше, а остальные на кухню - помогать готовить завтрак и разносить по спальным для малышей и девочек.

А у меня остается еще целый час свободного времени. Что можно успеть сделать за час?! - Вздремнуть, провисеть на линии телефона, полазить в нете? Это все я уже делала в предыдущие три дня. Ничего кроме чувства беспомощности это не принесло. Нет! - Как сказал Ильич, - мы пойдем иным путем. Для этого я собственно и организовала сегодняшний «смотр войск»: снова, на этот раз сама, завариваю турку крепкого кофе, и беру личные дела моих сотрудников. Это все, что меня сейчас интересует.

Шесть папок прочитать легче, чем тридцать, а понять, как управлять шестью, куда как легче чем полутора сотнями.

Когда они снова, через пару часов, будут тут - у меня, то я уже буду знать что им надо предложить, и почему именно они тут остались.

Милый папочка, когда-то рассказывал мне, маленькой сопливой девчонке, что такое морской бой, сражение, капер, пираты и прочую чушь. И кое-что, несмотря не пол и нежный возраст, я все же запомнила. И поэтому я предложу всем уцелевшим начать говорить по старшинству от младшего к старшему.

А потом слово возьму я.

«Совет в филях» - 24.03.2007г. - 10.02 - Десять часов ровно. Дети накормлены, и снова заперты, а за каждой группой младших наблюдает пару человек из отряда юных «хунвейбинов» с красными нарукавными повязками. Так я про себя называю наш новонабранный

персонал. По моим прикидкам этого должно хватить часа на три-четыре. Потом обязательно случится, какая ни будь жопа. Обязательно случиться, если рядом не будет старших.

А у нас совет. Настоящий совет оставшихся ТУТ.

И я вновь стою перед ними. В костюме, с нарисованной красотой на лице, приняв спокойно-уверенный вид. Сейчас я само спокойствие и уверенность. А над моей головой так и веет аура фразы: все будет хорошо - я договорилась.

Они смотрят на меня, а я на них смотрю. И понимаю, что сейчас мы будем решать то, что я сама уже решила и за них, и за себя, и за тех детишек, что пытаются уснуть.

Неожиданно спазм сживает живот. Давлю его. Изыди! Н-да, красавица, на одном кофеЮ далеко не уедешь. Жрать надо хорошо и вовремя.

Дурацкая мысль: не хватает еще и газы пустить. То-то смеху будет - торжественное собрание, посвященное началу апокалипсиса, типа, что такое конец света и как с ним жить, а начальница тут пердит при всех, нарушая траурно-торжественную обстановку.

Ну да ладно, поехали!

Предлагаю начать с того, что каждый изложит то, что знает, слышал, узнал за последние 2-3 дня из Internet, радио, от 'внешних' знакомых по телефону, и выскажет предположения - что нам делать. Ну, а если что делать не знает, то пусть просто скажет сразу и сэкономит всем время.

Первой начинает Машенька. Доклад ее краток: пандемия в стране. И в мире. Неизвестная форма бешенства, передающаяся через укус или кровь. - Делает паузу, и продолжает: заболевшие сначала псевдо-умирают, а потом переходят на новый уровень существования. О случаях, сколько ни будь успешного лечения или исцеления, не слышно. Наибольшему риску подвержены живущие в густонаселенных районах. Характер распространения эпидемии - молниеносный. Лучший способ борьбы - изоляция и нейтрализация зараженных больных.

Я злобно улыбаюсь. Опыт лечения у меня уже есть. И Маша это знает, но девочка хочет остаться корректной в выражениях, а то, что «изолировать» можно ударом по черепу - все и так понимают.

Затем Маруся, которая добавляет к сказанному, что убив последние деньги на роуминг выяснила, что в Израиле, где живет ее двоюродная тетя, то же самое.

А так же то, что со вчерашнего утра в тридцати километрах от Днепропетровска и в 70 километрах от нас, ориентировочно в районе ПГТ Томаковка, какие-то военные начали разворачивать что-то типа лагеря спасения, куда принимают всех беженцев - обещая еду и защиту. При условии, конечно, что спасаемые прибудут к ним сами. Это в радиообращение подчеркивалось несколько раз: спасаемые должны добираться своим ходом, а еда будет выдаваться нормировано.

Как работают фильтры, отсеивают ли укушенных людей от здоровых - неизвестно. А понять логику военных, впрочем, можно - чем дальше расположить от города лагерь, тем больше шансов, что дойдет здоровый, а больной загнется в пути. Да и склады там, какие неподалеку...

Маруся говорит еще около 5-10 минут, но это уже мною слышано-читано, да и судя по лицам присутствующих, для них это тоже уже не новость.

Очередь Омара. Он встает, и что-то пытается сказать, но вдруг начинает рыдать. Позже мы узнаем, что он таки дозвонился к своим в Баку. Хотя нет, правильнее сказать - телефон его жены начал вибрировать и играть светом в его маленькой уютной квартирке, где-то в Саруханском районе города. И рука существа, как мягко выразилась Маша, вышедшего на иную форму существования, по все видимости, стукнула по телефону. На тот момент кто в квартире еще был жив, отбивался и кричал - громко и протяжно, а он слушал это, схватив себя за голову не смея ни выключить телефон, ни крикнуть. А сейчас он, наконец, заплакал.

Тамара, Дима и Прохор говорить отказываются, заявляя, что им больше добавить нечего.

«Э, нет, ребята - думаю я про себя, - психов нам тут не надо, и хотя у нас не гештальт - терапия, хоть слово, да сказать вы должны. И скажите, но чуть позже».

От себя добавляю, что на иную форму существования выходят и те, кто уже умер, как это ни странно.

Так, сколько у нас времени? - Ого!? - Мы болтам уже больше часа. Как бывший психолог-мозговед, я бы заставил их еще два

выговариваться, но сейчас все решает скорость, а мы и так целых три дня в коматозе пребывали да сопли жевали. А потому - ближе к конкретике!

- Итак, - переходим к основному блюду, - говорю я, - еще три дня назад нас было 30 человек, а сейчас только шесть. Почему не сбежала Я, думаю, что понято всем. - До Киева далеко, с транспортом сейчас жопа, - некуда мне бежать. Но вот с вами что делать? Дима, - обращаюсь я к водителю, - почему ты не ушел? (и хотя об их мотивах я догадываюсь - сказать они должны сами).

- Куда? - Отвечает Димчик, - я же сирота. Первый выпуск «старого детского дома». А Нюра (его зазноба) уехала в Питер учиться.

- Тамара, а Вы?

- А кому нужна одинокая сорокалетняя баба, без мужа и детей? Да и папа, Царствие ему небесное, помер в том году (это я знаю, как и тот факт, что мамы у нее не было, ее воспитывал отец)

- Маша, а ты?

- А я и сбегала. - Маша смущенно улыбается и продолжает. - До самого шлагбаума дошла, а потом слышу, как машины едут из города. Много. Вот и подумала, что тут куда как безопаснее. Раз оттуда бегут - зачем мне домой возвращаться?

- Маруся, ты что скажешь?

- Так я ж такая сирота казанская, как и Дима. Мы ж с ним «старожилы». Тут мой и стол, и кров и работа.

Прохору, из деликатности, я вопрос задавать не стала. Он работал тут уже около 5 лет - сначала на «старом», а потом на «новом» месте. Сперва дворником, а теперь трудовиком и завхозом. Мужчина проживал тут свою третью жизнь. Первая жизнь его длилась от рождения и до того момента, когда, еще совсем молодой, тридцатилетний инженер пришел домой на полчаса раньше, чем было нужно ему, его жене, и молодому студенту, решившему «замутить» с замужней. А дальше были два хладных трупа, 105 УК РФ часть 1-я (прокурор, сука, со слов Прохора, хотел влепить 2-ю и пожизненное) и 12 лет принудительного сервиса. А что потом? - А потом выход по двум третям за примерное поведение. И, непонятно каким образом, получение вида на жительство в Украине. И еще более непонятно как он сумел так трудоустроиться.

Не знаю, как его мой предшественник Виктор Олегович принял, царствие ему небесное, но решение оказалось хоть и рисковым, но вполне удачным.

Обвожу взором свою «бессемейную» команду.

- Итак, - начинаю говорить негромко, но ровно, так что бы слышали все, - бежать нам в принципе некуда. Вернее - незачем. Тут - наш дом, работа, жилье.

И у нас есть целых три варианта.

Первый - каждый сам за себя. Но для меня, как и для вас, это не подходит. Там, - я машу в стону города и шоссе, - Армагеддон, конец света и стабилизец в полном разгаре. Никто за нами армию спасения в лице участкового не пришлет. А если участковый и явится, то власти начальства над ним уже нет, а вот оружие и дурость - останутся.

Второй - эвакуация всем детским домом, - слегка повышаю голос, и продолжаю, - и не мне вам рассказывать как и куда за последние дни я кричала и просила, что бы нас куда ни будь забрали в место побезопаснее. Но, - опять делаю паузу,- но сейчас я думаю, что спасать нас уже некому и некуда. - Единственный вариант - в 80 километрах отсюда, как я поняла из радиообращения, разворачивается городок спасения. Военные ставят палатки, раздают пищу, дают душеспасительные указания и тому подобное. Но, может я такой перестраховщик в юбке, но не нравится мне, что-то в этих призывах. Честно, не нравится, и даже не знаю, как сказать.

Вдруг вижу поднятый указательный палец Прохора: как бы незаметно поднятая рука. Молча киваю ему, и он говорит.

- Катерина Тимофеевна, тут я с вами согласен. Мне тоже этот лагерь кажется каким то хитрожопым..

- Поясните, пожалуйста, Прохор Николаевич.

- Я до работы инженером лет пять в МЧС прослужил: 2 года по срочке и три по контракту. Так вот, я тоже вчера вечером услыхал то, что передают из Томаковки. Около 12 ночи...

- И?!

- Ну, как бы вам сказать... Если бы я хотел отсидеться подальше от опасности, да спасти как можно меньше людей - ведь их надо еще и кормить, то я бы тоже там беженцев «спасал»: пеший туда не дойдет, а «конный» в этот лагерь и так не поедет. Как ни как 70 км. от города. Как-то так. Да и склады Гос. Резерва, там кажется, находятся.

Молча киваю Прохору: он очень сформулировал то, что вертелось у меня на языке, но так и не смогло разродиться в логичный вывод.

Смотрю с прищуром на своих приспешников и продолжаю говорить. - И сдается мне, что там нам будет не лучше, чем тут. - А военные любят командовать. И еще, мы не знаем- во что потом выльется покровительство и добрая воля военных. Сейчас они сидят на складах и там реально много жратвы. Но она не безгранична, а потом начнутся терки, и, к примеру, лбы Димы и Прохора так и просятся для того, что бы их забрили, а их владельцев - мобилизовали или пристроили на общественно полезные работы ('сладкая парочка' ежится, отмечаю я про себя). Относительно женщин - я не думаю, что будет совсем уж плохо, но... может быть по-всякому.

Беру стакан воды, и делаю глоток. Надо сделать паузу, что бы мой последний месседж шел отдельно от первых двух. А затем продолжаю. - Третий вариант - остаться пока тут, попытаться обустроиться, и найти помощь - хотя бы тех же спасателей из Томаковки. И попытаться выклянчить у них продуктов, и, - делаю паузу, глядя на Диму и Прохора, - оружие для нас.

Как ни странно, но со мною соглашаются… Не сразу, не полностью, но соглашаются.

А теперь главная задача, - продолжаю я. - Первые три-четыре дня, пока армагедец не настал, нас спасало то, что нас всех раньше бесило (начинаю загибать пальцы) отдаленное местоположение, по-дибильному сделанные подъезд, который с трассы сразу не разглядишь, небольшой мостик над речушкой, и шлагбаум перед ним. Теперь дванаших корпуса - ваш и детский, кому то могут показаться ну просто замечательным домом для временного и постоянного жилища.

Понятное дело, - мы сейчас не сможем никому противостоять. И если нас попросят отсель, включится вариант №2. Но зачем доводить до крайностей? Итак, ваши предложения?

Наш милый междусобойчик затягивается еще на 30 минут. Предложения сыплются разные, а Маруся, как мой секретарь начинает все стенографировать:

- Взорвать и разрушить мост. (ДИМА) - Нечем, да и зачем? Мы же не в глухую осаду садимся.

- Баррикада на мосту. (ДИМА)- Ага! Лучшей визитной карточки, что тут что-то заслуживающее пристального внимания - и не надо.

- Завал из деревьев (МАША)- Смотри про баррикаду на мосту...

- Попросить военных прислать патруль (МАРУСЯ) - А кто к ним сейчас поедет, и главное - где гарантия, что детский дом не будет выселен в благоустроенный палаточный лагерь (с самыми благими намерениями), а сюда не будет поставлен гарнизон солдатиков охранять офицерских жен с детЯми?

Это словоблудие продолжается еще около получаса, пока Прохор не предлагает идею - настолько же извращенную, насколько и гениальную.

Об извращенной сообразительности бывших зеков мне как то рассказал сама папА (вернее не мне, а Тоше - моему братцу). Ну а из Тоши я сама выдавила - что они там ржали, аки мерины? Оказалось, что папа рассказывал случай из своей молодости, когда проходил практику. Из деревни мужик на кобыле привез продукты в рабочую столовую. Это был его не первая ходка и не последняя в этом месяце. А надо ж такому случиться, что один поселенец «на химии» ввиду отсутствия денег проиграл в карты своим коллегам одно «желание», и теперь, по приговору товарищей (довольно таки гуманному) должен был трахнуть кобылу. Проигравший был в принципе готов морально к этому, но был вопрос с техническим исполнением задуманного - ведь кобылка большая и совладать с ней трудно. Да и лягнуть может.

Решение нашлось быстро: пока мужик неистово собачился с завскладом, несчастная кобылка была заведена на металлическую плиту, а ее подковы были прихвачены аргоном, после чего проигравший начал «выплачивать» карточный долг под радостные комментарии остальных «химиков».

Нечто равнозначное по извращенности придумал и Прохор. В уголке гражданской обороны был взят списанный костюм химзащиты, ну а Маруся начала бойко рисовать плакат нужной тональности. С намерением потом его прикрепить к фанере и защитить от влаги целлофаном.

В помощники по исполнению своего плана наш трудовик Прохор взял меня, Диму и пятерых «хунвейбинов» (наших мальчиков-добровольцев 14-17 лет), за которыми сбегала Маша. Все остальные были отпущены к детЯм и к Тамаре - готовить ужин.

А потом началось самое неприятное: одевать труп моего бывшего и горячо нелюбимого зама в костюм хим. защиты и противогаз,

дышать проклятым запахом ацетона, а затем тащить его к нашему ВАЗу. На удивление только один из ребят показал свой богатый внутренний мир. Остальные вели себя стойко, хоть бледность, пот и тремор рук выдавали их нешуточное волнение.

Дальше - проще. Десять минут неспешной езды и вот мы уже на мостике. Перед мостиком, на наше счастье, стоит небольшой, почти игрушечный шлагбаум. А вот за шлагбаумом несколько субъектов, вышедших на *"иную форму бытия*". И, по-видимому, очень голодных.

Не из наших, кажется - выдыхаю с облегчением.

Но не только шлагбаум задержал их. - Буквально вплотную к полосатой перекладине стоит старенький джип. Эту машину я знаю. На ней ездил Яныч - высокий плотный седеющий мужчина, старший воспитатель, дернувший отсюда одним из последних - на третий день Беды. Джип поставлен грамотно - при попытке его обойти без посторонней помощи - непременно бухнешься в ручей, узкий, но достаточно глубокий в этом месте.

Колес у джипа нет. Они были расстреляны в упор чем-то крупным, скорее всего картечью. Должно быть стрелявший очень торопился, и его не устраивала возня с проколом шин.

Внутри машины мы находим Яныча. Его костюм, его машина, его правая беспалая рука. Отмечаю, что рука в покусах. А вот головы почти что и нет - разнесена выстрелом картечи в подбородок.

Вынимаю из мертвых рук старенький ИЖак. Вспоминаю слова Верещагина – *«А пулемет я вам не отдам!»*. Вот уж точно. Ни ДИМЕ, НИ ПРОХОРУ Я НЕ ДОВЕРЯЮ ПОЛНОСТЬЮ. Дима дурак, а Прохор мудак, - рифмую про себя.

Костин Миша, паренек лет 15 вдруг начинает плакать. То, что Изотов Леопольд Янович был ценителем человеческой красоты, невзирая на пол (как мягко выразилась Маша о его бисексуальной ориентации), я знала давно, как знала и то, что он был просто очень хорошим и светлым человеком. Да и детей он любил (в хорошем смысле слова), и не обидел бы их. Поэтому плач Костика мне понятен. Яныч ему помогал. Но успокаивать мальчика пока что нет ни времени, ни желания, - пусть сейчас лучше прорыдается - пробздится. Потом нервы будут лучше.

Дима указывает на лист бумаги, сложенный рядом с ветровым стеклом. Разворачиваю, читаю крупный рваный почерк: *«Меня*

укусили. Что это значит - уже понимаю. Простите - я струсил. Я хотел вернуться - но опоздал. Там - ад, сидите тихо. Патроны и продукты - в багажнике. Прощайте и простите... PS любой укус - смертелен, бейте их в голову».

Милый старый Леопольд Яныч. Мягкий и добрый человек не знал, как поступить, растерялся и сделал ошибку, которая стоила ему жизни. Мне его искренне жаль, и, что б не расплакаться, кусаю верхнюю губу. Нижнюю кусать - увольте, и так болит после вчерашнего. Тех продуктов, что он, видимо уже инфицированный в спешке бросал в машину - не хватит даже на то, что бы накормить одним завтраком полторы сотни детей, - и он это знал. Но все равно вез сюда - как свою посмертную лепту в благополучие тех, о ком должен был заботиться. Полмешка старой картошки, две пачки сахара, домашние консервы и специи, да пачка с инсулином для трех наших диабетиков, - спасибо ему и за это!

- Костя, Дима, обращаюсь я к ребятам - все, что ценного есть в машине, - тащите в полуторку, Прохор вам покажет, как слить бензин (мой трудовик - в ответ кивает). - Он, чувствую, нам скоро понадобится.

А вы, - обращаюсь я к оставшейся троице, копайте для Яныча могилу. У вас 20-30 минут. Не более. На сколько глубоко выкопаете - так и закопаем.

Ребята начинают бегать и суетится. Мой «командный – армейский» действует успокаивающе: если она знает что делать, то беспокоиться не стоит. Один начинает тыкать землю взятым у Прохора ножом, а двое - выгребать ее руками. Лопаты в полуторке не оказывается.

А наша троица - Дима, Прохор и Я, - начинает делать «Готичную Икебану», как цинично выразился наш трудовик.

Перед окончательной установкой «Икебаны» приходит очередь боевого крещения дух наших мужчин. Странно, но разбить голову упырю металлическим грифом оказывается куда проще молодому водителю Диме, чем уже два раза отнимавшему жизнь, Прохору. Старшие ребята будут свидетелями, а значит, уже сегодня вечером все дети будут знать, что все взаправду.

На все про все нам хватает 40 минут, а затем - путь назад. Нас встречает Маша. Мужчины и мальчики получат по 200 грамм спирта

или укол успокоительного, а я - право на крепкий сон.

Сегодня буду спать в Машкиной комнате, - у себя почивать пока повременю. Здоровая паранойя пока меня еще не подводила, а Прохор с Димой мне что то не нравятся.

Засыпая зову Марусю, и прошу наполнить водой все, что можно наполнить. На всякий случай.

А теперь спать. Сквозь сон улыбаюсь – «икебана» получилась красивая: у джипа перегородившего мостик лежит человек в противогазе и костюме Хим. Защиты. Видимые повреждения, кровь или укусы - отсутствуют, а для того, что бы стянуть с мертвеца противогаз, нужны очень сильные стимулы. Кажется, что человек отдал последние силы, что бы только остановить, предупредить, спасти...

А на боковом стекле авто размещена простая и страшная надпись:

'Настоятельно рекомендуем покинуть новый очаг эпидемии.

Вирус снова мутировал.

Возможна молниеносная передача воздушно-капельном путем с последующим летальным исходом. '

И ниже подпись - 'Центральная бактериологическая служба при и.о. президента Украины'.

«Миссия спасения» - 25.03.2007 г. – «Детский корпус» нашего убежища был построен еще лет тридцать назад. Работать там должны были ученые, академики, выращивая новые сорта на ныне зарастающих бурьяном гектарах пашни. А сейчас тут живут дети.

Соседнее здание - наше, уже почти пустое, так как персонал по большей части в первые два дня разбежался.

Встаю рано утром, часа в 4 утра, и выясняю, что на соседской койке спит Тома. Ей тоже, оказалось, страшно спать самой. На лице дородной, но еще моложавой сорокалетней тетки, вселенская скорбь и усталость. Мы просыпаемся почти одновременно и она, пытаясь воспользоваться близостью к телу начальника, начинает бессвязно жаловаться. Это длиться около минуты, пока я наконец не вникаю в суть главной проблемы, которую Тома толком не может сформулировать.

Движением руки плавно закрываю ей рот. А затем, работая на упреждение, спрашиваю:

- Нет помощников, а дети - не самая лучшая подмога?

- Угу!

- Потерпи до вечера. Максимум до завтрашнего утра. Думаю, что люди будут и скоро. Конечно не самалучшие, но мотивированные.

Встаем, быстро завтракаем бубликами с крепким сладким чаем и все втроем идем в мой кабинет.

Там меня уже ждет Маруся. У нее креативная идея, а вернее креативное опасение. Детдомовские дети имеют свою специфику - в этом убеждаются все усыновители. Дети могут плакать и смеяться беззвучно - так их приучали, ибо воспитатель, как бы он добр ни был, не может постоянно слушать рев или смех одного из тридцати воспитанников и очень быстро дети у него начинают выражать свои эмоции без лишних звуков.

А еще, если заведение хорошее, их могут и хорошо кормить, за счет спонсоров, конечно, - заменяя при этом овощи и фрукты - кашами и бобовыми: дешево и сердито.

И Маруся права в своем опасении - у нас очень много детишек 15-16 лет, по виду выглядящих даже немного старше, а вот малых и убогих – как-то не очень. Военные вряд ли будут особо рьяно помогать шестнадцатилетним дылдам, коих у нас едва ли не половина, оказавшимися к тому же в относительной безопасности. *«Ведь Вам сейчас, в данный момент, ничего не угрожает?»* - уж точно спросят меня. И правда, просить о помощи с позиции силы даже не смешно, а вот умолять с позиции слабости и беззащитности... Да не только можно, но и нужно! Но для вящего эффекта эту слабость и беззащитность нужно именно что подчеркнуть, хотя бы чуть-чуть, привнести изюминку. И этим мы тоже сейчас займемся, - хотя это далеко не основная наша цель, далеко и далеко не основная.

Вынуждено соглашаюсь с Марусенькой (вот ведь умная девочка), в мыслях внося в свой «хитрый план» существенные коррективы. Но они, пожалуй, нужны - это вклад в будущее. Сейчас это трудности, а через 2-3 года они мягко перетекут в бонусы. Да какие 2-3 года!? - Они уже через 2-3 дня в них начнут перетекать, если не ранее, если их, конечно, грамотно разыграть.

Затем наступает очередь Маши, которая ненадолго отлучалась.

- Катерина Тимофеевна, вы звали?

-Да. Как у нас со здоровьем?

- У меня нормально.

- Глупая! - Говорю шутливо, - не у тебя, а у детей.

- Ну, неделю назад было нормально.

- Значит так, - тон сейчас у меня серьезнее некуда, - сегодня-завтра освобождаю тебя от всех работ кроме одной: делаешь тотальный шмон детских организмов, и душишь болячки и инфекции в самом зародыше. У нас нет больницы, и поэтому разных абсцессов и воспалений допускать нельзя. А пока есть вода, и есть электричество - организуй с десяток старших девочек, пусть стирают все что стирается - вплоть до штор и ковриков, и моют у детей все что моется.

И еще, - добавляю я. - По секрету скажу - эвакуация все-таки будет, не сейчас и не полностью, но будет.

- ? (удивленный взгляд)

- У нас есть диабетики на инсулине, онко-больные и ...ну, в общем, ты поняла критерии?

- Ну, человек десять будет. Тех, за которых не хотелось бы лично нести ответственность.

- Я не знаю, будет ли сохранено производство инсулина, но думаю, что рак лечить лучше не станут. А поэтому - им особое внимание. Составь для меня полный список, и случись возможность, мы попытаемся их-то как раз и эвакуировать в первую очередь. И подальше.

- Вы их!? (Глаза ее полны ужаса.)

- Дура! Просто эвакуируем туда, где есть лучшая возможность лечения или поддержания жизни. - Как зовут твоего диабетика?

- Бухтияров, ммм... Колечка.

- Вот мы и постараемся, при возможности, услать Колю туда, где есть мед-оборудование и врачи. Или ТЫ хочешь держать его за руку, когда от недостатка инсулина он впадет в кому? А там, у Коли появится чуть больше шансов достичь половой зрелости и оставить этому миру еще несколько людей склонных к сахарному диабету… А у нашего Начальника Медико-Санитарной частью появится возможность получше следить за здоровьем оставшихся больных.

- Так я повышена? (горькая усмешка)

-Да, и с сегодняшнего дня. И еще, когда будешь осматривать малышню - возьми в помощницы пару девочек и мальчика, если будут добровольцы. Это будут твои будущие подчиненные.

Я делаю паузу. Каждый сходит с ума по-своему: один впадет ступор, другой в истерику, а третий лезет в бутылку. Моей же страстью были шахматы, а вернее построение многоходовых операций.

Маша девочка умная, и, пожалуй, ей стоит знать немного больше чем другим.

- Вот что Маша, - продолжаю я. - У нас около 20 девчонок старше 15 лет. Поговори с Марусей и пусть она даст тебе список наиболее вменяемых. Отберешь этих комсомолок-доброволок, и прямо сейчас начинай их вводить в курс дела. Пусть они тебе ассистируют, делают уколы, примочки и т.п. Твоя цель, что бы через пару тройку месяцев они уже могли, хотя бы в теории, принять роды, или наоборот... Ну, понятно?

- А это зачем. У нас кто-то в положении?

- Не знаю. Надеюсь, что нет. Но, думаю, что переломы и нежелательные беременности никто не отменял. Но, давай не будем торопить события?

Кажется, Маша начала постигать, - она девочка умная и понимает, что ей это тоже выгодно.

К выходу готовимся достаточно долго. Старшей в Доме остается Машенька. Выезжаем в 9 утра: Дима, Прохор, Маруся и Я - собственной персоной, директор «миссии спасения».

Выезд производим при том скромном оружии, что у нас есть: у Димы и Прохора - металлические грифы из спортзала, у меня ружье покойного Яныча, а Маруся, ввиду своей хрупкой внешности и пацифизма натуры, безоружна.

До мостика доезжаем ВАЗом, а потом, сделав небольшой крюк и перейдя брод, выходим на трассу.

Перед мостом Дима обращает внимание на то, что мы не увидели вчера вечером. - Его лицо вдруг, совершенно неожиданно, преисполняется мировой еврейской тоской и грустью.

Не выдержав, спрашиваю: Дмитрий Олегович, вам до-ветру надо, али иная тяжесть на душе.

В ответ Дима кивком головы указывает на свои «вьетнамки» - дешевую прорезиненную обувь, уже, кстати мокрую.

- Дима, ты идиот? Почечников нам тут не хватало?!

- Так об обуви и думал.

- Колись...

- Я - по-поводу тех, что мы вчера с Прохором упокоили. Тех пятеро было, и один из них явно козырный.

- И?

- Ботинки у него классные... явно новые. Я про такие шузы в телевизоре слышал - ROCKY Shoes.

- И?!

- Ну, с мертвого снять - как-то стремно. Да и воняет от них. Вот и грущу - близок локоть, да не укусить.

И смотрит, паршивец, на меня так вопросительно. Я задумываюсь.- А ведь это мысль.

- Дима, будешь возвращаться - сними. Не побрезгуй, а уж мы, что-то да придумаем. И еще. Если на них что-то золотое или с претензией на качество - то же снимай.

- А запах? Воняет же.

- А над этим будет у меня уж голова болеть.

Когда мы выходим на шоссе, то становится очевидным, что основной поток машин шедший из города, уже спал.

Да, машины ехали, в среднем 10-15 штук в минуту - и легковые и грузовые, но это было не сравнить с тем мерным гулом, которые мы слышали в первые два дня Беды.

- Катерина Тимофеевна, так кто наша целевая аудитория?- интересуется наш штатный «Шумахер».

- Дима, вчера нас было шестеро взрослых против 130 детей. Как и сегодня. Ты от этого в восторге?

- Честно?

-Ага.

- Материться можно?

- Нет

- Тады я промолчу.

А я продолжаю.

- А хочешь, мы сейчас набьем наш преподавательский корпус молодыми, с активной жизненной позицией дезертирами, солдатами, одинокими отставниками и военными, которые с семьями или без них, валят из города и ищут прибежища?

-Издеваетесь? И мне быть у них на побегушках?

-О! Ты и Прохор (Прохор усмехнулся, хитер, видать сам докумекал) сейчас в уникальном положении. Вы единственные

взрослые мужики в этом зверинце. Омар не в счет, он сейчас и надолго в ауте, если не навсегда

- Так кого ж мы ищем?

-Погоди. Ты знаешь, что я скоро к военным поеду с тобой.

-И?

- Если у нас будет туева хуча суперменов - то хрен нам военные помогут. Типа - народу у вас много здорового, крутитесь, как хотите.

- Ясный-красный! Но делать то что?!

-Сейчас увидишь. - И переключаюсь на Марусю.

- Готово?

- Угу, - отвечает мой референт, и разворачивает с Прохором заготовленное полотнище.

Кто-то спасается сам, а кто-то кует капитал на будущее... По шоссе спасались люди. Их было еще достаточно много. Но простое объявление красными буквами на белом листе было видно всем:

«Детский дом-интернат примет инвалидов - на конкурсной основе.

А так же детей-сирот.»

В рушащемся мире, когда самый близкий человек вдруг оказывается тем, кто хочет тебя убить и съесть, ребенку выжить куда труднее, чем взрослому. Если в квартире обратился ребенок - у взрослого шикарные шансы на спасение, но если взрослый - то ребенок в этой ситуации был практически обречен.

Но все равно - очень многие спаслись. Укушенные родители успевали передать детей здоровым соседям, дети успевали спрятаться в ванную или туалет, и дождаться помощи, да мало ли как еще маленький человечек умудрялся уцелеть между бетонных плит рушащегося дома цивилизации.

Впрочем, если следовать логике и быть рациональной в своих суждениях, то спасшихся детей должно быть немного - на пару порядков меньше чем взрослых.

Но человек создал логику, а поэтому он и выше ее - порою случай, звезды, фатум или судьба сходятся так, что все самые рациональные расчеты дают сбой, два плюс два начинает быть равно пяти, а задуманное идет совсем не так, как хотелось бы. - С инвалидами, как главной целью нашей Спасательной операции, до самого конца

первого дня нам тотально не везет. - Увы, «героя своей мечты» я встречаю лишь к концу дня, да и то только одного.

Зато были дети, - и совсем не в том количестве, на которое мы рассчитывали.

ОТСТУПЛЕНИЕ:

КОЛЯ. Со слов десятилетнего Николая, их звали «Иван да Марья», - так шутили о них соседи по лестничной площадке. Хотя вообще-то звали женщину Дарья, но смысла этого не меняло. Соседей они не любили и регулярно подкидывали им мусор на коврик. Но так получилось, что именно тогда они же и оказались единственными, кто не побоялся открыть дверь соседке-Гале, которую сильно погрыз за руку и щеку инфицированный муж. Галя не рыдала, и не голосила, а просто протянула два предмета - маленький мешочек с золотыми украшениями, и большой с продуктами - всем, что было в доме из съестного, а потом втолкнула в их квартиру маленького сына Колю. И молча встала на колени перед соседями.

Дебилом Иван не был, сволочью тоже, а потому понял все и сразу, и просто взял мальчика на руки. Но нельзя его было назвать и святым, а его супругу - матерью Терезой: как только появилась сбагрить ребенка с рук, они его сбагрили.

Они попались нам потом через полгода, - в кювете. Их автомобиль был обстрелян какими то местными пейзанами. Картечь попала Ване в грудь и голову, а Даше в живот, перебив позвоночник. Оба умерли почти сразу. О том, что Бог впустила в рай жмота, бросившего нищему перо лука они, наверное, и не знали. Но сделали они куда больше.

КАТЯ. Как я поняла потом, из сбивчивых рассказов маленькой семилетней девочки, и частично, сержанта ее привезшего, уцелевшая группа «оборотней в погонах» уже собиралась покидать зачумленный город, когда самый младший их них обратил внимание на стук, доносящийся из окон дома. Отчаянная металлическая дробь раздавалась с верхних этажей. Так может только стучать труба или молоточек в руках не очень сильного, но очень испуганного человечка о водопроводную трубу.

Когда они ворвались в квартиру, то увидели всю бывшую семью девочки: папа, мама, бабушка, и младшая сестричка царапали дверь ванной комнаты, пытаясь ее открыть.

А внутри, маленькая девочка стучала обрезком трубы, найденным под ванной в отчаянном призыве спасти ее от родственников.

Сержант ДПС-ник с красивой фамилией Нежный вынес ее из того дома, и отдал ее мне на трассе. Как он рассказал - дите не разомкнуло рук вокруг его шеи от самого города. Оно же и устроило истерику, когда Нежный пытался отдать ее мне. Успокоила кроху лишь фраза: *«Тетя тоже живая, она не отдаст тебя маме»*.

ИВАН. С полным мужчиной представительской внешности я говорила около получаса. - Стресс многим развязывает языки и провоцирует на разговорчивость. И, как я поняла со слов Павла Тимофеевича, еще примерно за месяц до Катастрофы, он решил, наконец, сделать тест ДНК своего старшего. Ничего нового он ему не сказал. Его жена (ныне покойная) действительно ему изменяла. Да и что можно сказать о ребенке, цвет кожи которого говорил, что его предки точно из Африки. Пусть и не в первом поколении, но точно оттуда. И его откровенная нелюбовь, если не ненависть к своему первенцу, пятилетнему пацану Ваньке, была теперь в какой-то мере понятна. Наверное, Павел Тимофеевич был сволочью, и осознавал это. Жить тогда становилась куда как легче. Поэтому, увидев ЭТО объявление, он повернулся и сказал своей бывшей домработнице, которая нянчила грудничка, обняв второй рукой его брата: позови, - показывая на меня.

Паша был сволочью, но он же единственный кто дал к ребенку приданное - маленький аккуратный пистолет «берету» и три магазина. Наверное, уж очень несуразно смотрелась в моих руках здоровенная двуствольная охотничья бандура.

И через 10 минут единоутробные братья были разлучены. Наверное, навсегда.

Маленькие дети, сироты, или брошенные прямо родителями - родными или приемными, все они нуждались в защите, тепле и уходе. Все они были - МОИ!

Петя Анциферов - его маму убили на его глазах, - теперь он мой.

Катя - отчим отдал ее просто так, без ничего, - она тоже моя.

А еще Вася, Альбиночка и Даша... они все мои, и только мои. Я не отдам их этому миру и этой смерти. Прохор, Дима и Маруся хмурятся. Пусть... Они еще не поняли, и не поймут очень долго, а сейчас каждый

лишний здоровый ребенок у нас, - это...это... Странно, но логичной мадаме слова отказали. Рифмами начала уже думать.

Отпускаю их с детьми назад, а сама решаю подождать еще немного. И чуйка меня не подводит.

Через десять минут я наконец вижу ЕГО. Не увидеть его было трудно, как трудно не заметить, наверное, смерть с младенцем на руках. - Девочку двух лет отроду звали, так же как и отца - Женей. Странное они представляли зрелище: идущий пешком, худой как сама смерть мужик со слингом на животе, в котором, обхватив его тощую шею, спала маленькая девочка.

То, что это была девочка, можно было определить по розовому комбинезончику, а то, что это ее отец я узнала чуть позже. Необычен для выживальщика был и набор его рюкзака: памперсы, молочная смесь, ПМ с тремя патронами, лупа, котелочек, нож, фото жены, документы, витамины и морфий. Много морфия. Очень много.

Это человек не был обычным наркоманом. Он просто был больным, - больным раком лимфомы. Эта химия, уже 4-я по счету в его жизни, сделала все, что могла сделать, и лечащий врач гарантировал ему ремиссию на 3-4 месяца. Ну а следующую химию уже можно было не проводить.

Беседую с ним и узнаю его простую и в чем-то даже трогательную историю. Женя болел давно и серьезно. Супруга подала на развод с ним, будучи еще беременной, и даже успела выйти замуж за давнего школьного друга, который был в нее влюблен еще чуть ли не с ясельной группы садика. Женя не осуждал ее, и даже в чем-то одобрял. Ведь его маленькая Женечка будет расти с живым папой, а ее мама будет счастлива?!

Еще вчера он, как и все прочие больные Днепропетровского областного онкодиспансера, слушал радио, пытаясь по крупицам выловить информацию из того, что еще передают.

Вызов старенькой «Ноки» был ему до боли знаком. Это был вызов с номера его бывшей жены Кати, - его Катеньки! Экс-супружница была лаконична и невозмутима - пожалуй, это была единственная модель поведения, которая была в ее положении уместна. Ситуация была прескверная: Глеб, ее муж, откусил ей фаланги нескольких пальцев, и сейчас находился в спальне, постоянно стуча в дверь и что-то воя. Ну а она успела выскочить и запереть дверь. Дурой она не была и

«Интернетом» пользовать умела, а потому, позвонив по номеру 103 и в милицию, решила обратиться еще к одному человеку, - к тому, кто сможет позаботиться о ее дочурке. Она сказала просто: приезжай и спаси дочь. И он приехал. Успел приехать.

Евгений просил взять к себе его девочку. Себя он уже считал смертником. Да так в сущности оно и было.

Давным-давно мой папА сказал, что два высших образования - социолога и психолога - это лишнее, а вернее не то. - Когда ты возбуждена - ты действуешь импульсивно, но когда спокойна, то сам Макиавелли перед тобой мальчик. Из тебя была бы великая шахматистка...если бы не излишняя возбудимость.

Смертник, смертник... Хм. А в этом, что-то есть. Я задумываюсь, и через пару минут излагаю сказала Евгению свое решение - предложение, показав кнут и пряник в одном флаконе.

Он соглашается практически мгновенно, а затем, смотря как бы через меня и в сторону, добавляет: если тебя не убьют в первый же месяц, ты далеко пойдешь. Прошу лишь об одном - позаботься о дочке.

Давно пора сворачиваться. Мы оставляем наш транспарант с запиской, что сбор сирот и инвалидов будет продолжен послезавтра, - кому надо - пусть ждут. И тут Женя просит меня о том, в чем я просто не могу ему отказать.

Пассажиры редких проезжающих машины в свете ночных фар могли видеть как худой как сама смерть мужик, в драных джинсах и куртке, сидит на отбойнике и держит на руках маленький розовый сверток, а из глаз его льются слезы, и он что-то шепчет. Проезжающие могли подумать, что ребенок умирает, и с ним прощается отец. Они были правы только наполовину: умирал отец, но он действительно прощался с ребенком.

В тут же ночь наш Интернат пополнился еще двумя постояльцами - маленькой годовалой девочкой Женечкой переданной нам каким то проезжающими военными, и Осиным Евгением Ивановичем, умирающим от рака доходягой, взятым мною из чистого сострадания, так как ему было некуда идти.

Больше Женя ни разу не называл Женечку своей дочерью. Таково было мое условие, и он сказал, что это вполне разумно. Если он сыграет ту роль, которую может сыграть, никто не должен отыграться на его дочери.

«Команда, без которой нам не жить..» - 26.03.2007г. – «Последний день Помпеи» - великая картина. В правом нижнем углу на не ней, видно, как сильный и мускулистый легионер спасает своего старого отца. Ему помогает его сын-подросток. Мамы рядом с ними не наблюдается... Видимо с мамой уже все....

Легионер - мужик он крепкий и папу-инвалида точно спасет.

А дальше то, что с ними будет? Вот выбрались они из гибнущего города, отдышались. И что дальше? - Кто виноват и так ясно - Везувий. А что делать то?- Наверное, легионер пойдет дальше служить, сына постарается пристроить в свой же легион. А папин папа - то есть дедушка? А вот с дедом беда. Домов престарелых тогда не было. И это действительно проблема - куда пристроить немощного или инвалида после конца света, пусть даже местного масштаба. Особенно если родственники погибли, а из одежды - шлем да эротическая набедренная повязка.

Желание спасти во время катастрофы женщин, детей и пожилых бабушек с фикусами - благородно и понятно.

И правда, дети - это действительно наше все, да и женщина чего-то стоит: к примеру, по ценам античного рынка - несколько меньше боевого коня, но гораздо и гораздо выше боевой собаки. Но вот что делать со спасенным инвалидом - это действительно проблема. Одно дело вынести незнакомого дедушку из гибнущего города, и совсем другое - выяснить, что никто его у тебя забирать не собирается, а дедуля обладает скверным характером, хорошим аппетитом и потребностью в регулярной смене памперсов.

Инвалидов и стариков, больных и немощных спасли многие - своих и чужих, но потом с таким же упорством пытались их, нет, не бросить, а скорее - хорошо пристроить и желательно подальше от себя. Наверное, не столько от жесткости, сколько от нежелания нести за них и дальше моральную ответственность.

В то утро возле странной вывески собралось пара десятков автомобилей, пара грузовиков и даже один ретро-мотоцикл с коляской.

Было около семи утра, когда собравшиеся увидали странную троицу выходящую к ним из кустов: женщину около 40 лет, одетую цивильно и даже с претензией на изящество, но в чудовищных резиновых сапогах и охотничьим ружьем в руках.

А вслед за нею - еще двоих: тощего белобрысого парня, лет 20-25, с металлической палкой в руках, и здорового и хмурого мужика, с таким же железным дрыном.

Впрочем, наличие таких предметов в руках мужчин не было лишним. За время стоянки к людям уже успело приблизиться несколько обратившихся. И их упокаивали, как и чем могли - кто из охотничьего ружья, кто из пистолета. А кто-то - просто запирался в машине, ожидая, пока другие сделают то, что он сам не может или не хочет.

К удивлению многих, женщина не спрашивала документы, а просто подходила к каждому инвалиду и привезшим его людям и беседовала с ними - пять-десять - пятнадцать минут. Впрочем, некоторым был дан отлуп практически сразу: пожилой ДЦП-шник и слепой парень были возвращены родственникам без объяснения причин.

Третьим, к кому подошла эта странная женщина с ружьем, был кряжистый седой мужчина на протезах, с лицом, делающим его похожим то ли на похотливого сатира, то ли на Джека Николсона. И он, по-видимому, был ей хорошо знаком.

- Добрый день, Михаил Ефремович! Рада, что вы живы!

- Катенька?!- В голосе мужчины слышалась неподдельная радость и удивление.

- Она самая, - ответила женщина, улыбнувшись.

- Ты как, я вижу, занялась избирательным гостеприимством?

-Ну, что-то вроде этого. И Вы нам очень нужны.

- Ну и на кой ляд я тебе?

- Михаил Ефремович, вы знаете, где я работаю?

- Воспитываешь малолетних имбецилов и рецидивистов.

- Зря вы так. Сейчас - они самое ценное в мире.

- Не тупой. Это они, - мужчина кивает в сторону дочери и зять, - самоспасателством занимаются. А я тут думал... И даже к некоторым выводам пришел, о чем они пока еще не думают. Но я то тебе зачем?

- Если я сейчас уйду, и ваша дочь с зятем повезут вас к военным, в Томаковку, - расскажите, как будет протекать ваша дальнейшая жизнь?

- Какая нахрен жизнь? - Доживание! Запрут в клетку-палатку, и будут кормить, что бы под ногами не путались. А потом в один день решат, что инвалиды много внимания требуют и притравят как щенков.

А еще пожить хочу! - В голосе мужчины послышалось возмущение, смешанное с мольбой.

- Тогда один вопрос - вы уже не курите?

- Милая моя, мне из-за курева ножки выше коленок отрезали. А руки я терять - не намерен! Доктор - диагност и хирург в одном моем лице, но без рук - это форменное издевательство над собой.

- Тогда вот мое предложение: там, - женщина машет в сторону леса, - полторы сотни детей и один фельдшер - девочка умная, но и ей нужен опытный ментор. - Женщина вспыхивает улыбкой озарения, и продолжает уже более уверенно, чем в начале, - а поэтому с сегодняшнего дня, я введу на территории нашего серпентария должность МЕНТОРА. Вы будете у нас Ментором - медицины.

- И что значит сие ругательство. То, что ментор – значит наставник, я и так знаю. Зачем я тебе?

- Михаил Ефремович, - думаете, мне легко?

- Тебе тяжелее сейчас чем мне, - на тебе, если не врешь, 150 жизней, а на мне одна, да и та - моя собственная.

-Вот! Будете детей учить, Машу натаскивать, а я вам дам возможность начать, по сути, новую жизнь. Согласитесь, что куда приятнее быть главным Ментором медицины в небольшом мирке, где на вас смотрят как на последнюю и единственную надежду, чем быть одни из множества иждивенцев...там, - женщина машет в стону предполагаемого городка военных.

- Я подумаю...Тут, - мужчина чертит вокруг себя на земле воображаемый круг, и замолкает на минуту.

Женщина дает ему время погрузиться в размышления, а потом неожиданно продолжает, -

- Маша - заведует медициной. А вы... А вы будете ей помогать советом, примером и помогать лечить детей. А еще вернее - делать так, что бы они не болели. Это куда как важнее.

- Так я буду трудоустроен?

-Именно. Своя комната, ученики, ученица фельдшер, и я постараюсь сделать так, что бы ваша жизнь была тут и умеренно трудна, и очень интересна. Не существование, а именно жизнь.

- А ты получишь безного пулеметчика на свою махновскую тачанку, который будет стрелять до конца, и гарантировано не сбежит?

- Вас отвезут к военным, - женщина разворачивается и собирается идти к следующему кандидату.

- Идиотка, - мужчина срывается на крику, - Катя, не обижайтесь, пожалуйста, прошу вас, простите старого дурного склочника, - Я СОГЛАСЕН!!

Следующим был **Герман Сергеевич**, угрюмый мужик лет 35. Но на удивление крепкий и сердитый, если не злой. Он был электриком и сварщиком, но ногу потерял не на стройке, а в ДТП задолго до Беды.

Исаак Аронович, 40 лет, щуплый и маленький «воробышек» оказался механиком автотранспорта.

- Еврей-механик, - улыбается женщина, чуть мене экзотично, чем еврей – оленевод. - Исаак - молча улыбается ей в ответ. Свои ноги чуть выше колен он потерял, когда полетел домкрат, и здоровенная туша машины буквально отдавила ему конечности, уменьшив его «рубль шестьдесят» еще на пару десятков сантиметров...

Бронислав Петухов, 42 года. Профессиональный строитель. С его слов, он прошел путь от подсобного рабочего до начальника строительного участка. Имел даже свой кабинет и секретаршу. Благодаря личному кабинету и выжил, когда его работники, вышедшие на иной уровень существования захотели его употребить в пищу.

А благодаря секретарше лишился руки. Девочка не хотела верить, что умрет, и наличие легкого укуса просто игнорировала. Все шло так, как и у всех. - Ночью Бронислав и Даша легли спать на стульях, а там к девочке пришла смерть во сне, и *«обращение»*..

То, что на него надвигается упырь, сонный Бронислав сообразить успел в самый последний момент, и Дашенька вцепилась зубами в его инстинктивно вытянутую руку, а не в шею.

Он не стал ее выдергивать, а наоборот - покрепче схватил свою бывшую секретаршу за челюсть, удерживая, таким образом, ее на расстоянии, а пальцами правой вцепился в тяжелое пресс-папье для одного сильного удара.

А еще через 30 секунд его кабинет огласил жуткий вой. *Обратившиеся* не кричат. Они вообще не умеют говорить. Даша была мертва. Уже насовсем. - Это Бронислав электролобзиком отрезал себе укушенную левую руку чуть ниже локтя, - он очень хотел жить и готов был рискнуть.

А сейчас он нуждался в операции. Рана была грязная, резка костей электролобзиком обуглила кость, что привело к ее некрозу и требовало новой и правильной ампутации.

Григорию Петровичу, худому и начавшему опускаться мужчине 40 лет, странно повезло. Раньше он работал там, где сейчас был Дом, но лет десять назад бороной ему отрезало ноги. Это академик может без ног на работу ходить, а вот агроном - нет. И что такое пенсия по инвалидности он знал не понаслышке.

А сейчас ему было предложено работать по старой специальности, и там, где он работал раньше - но со своеобразным повышением.

Бортник. То, что обитатели Дома остались живы, и в их тихий и уютный мирок зараза добралась только на третий день, - в какой мере была его заслуга. По крайне мере именно Игорь Петрович Бортник был тем, кто первым принял звонок в первую ночь беды от шапочного знакомого биолога Дегтярева из Москвы. А, узнав про группу риска - люди, собаки, крысы и обезьяны, - он не стал думать или гадать, а поступил с изяществом древнего грека: вышел на улицу и из табельного оружия прострелил первой попавшейся дворняге грудную клетку, стараясь не попасть в голову.

Действовал он скорее по наитию, но через 2 минуты бобик встал, посмотрел на Игоря Петровича, и медленно потрусил к нему.

С четвертого выстрела пес упокоился окончательно, а сам Игорь Петрович начал звонить начальству, стараясь не сорваться в истерику. Ругался, ехал, показывал, убеждал...

Благодаря его стараниям вокруг города таки сняли к концу второго дня Беды ранее выставленный карантинный кордон, - по сути, он никого не защищал, и лишь задерживал людей в зоне максимального риска. А семья его брата была спасена практически в полном составе. Брат, его жена и двое детей сидели сейчас в стареньком джипе. Дети держались за руки, брат с женой - тоже.

Руки, руки... А теперь у Игоря была только одна рука – правая, а левая была потеряна, - так же, как и у Бронислава. Только, в отличие от квелой мертвячки, на него напал быстрый и подвижный упырь, - морф, как он сам его назвал. Ампутировали руку так же быстро - ударом пожарного топора.

Сам Игорь был холостым. Родители померли, и свое желание отстать от брата он объяснил просто: очень многие потерли своих близких, не поверив ему. А такое не прощается. Да и кому нужен однорукий калека?

Михаил, Исаак, Григорий, Бронислав, Герман и Игорь – они оказались теми, кого эта странная троица «отфильтровала», и кто сам согласился быть «отфильтрованным».

Михаила доставили родственники его жены, и у него же было хоть какое но «приданное». Остальные были «бесприданниками». Ситуацию скрасил лишь Игорь, продемонстрировав тяжелый АПС. И это было хорошо. Это значило, что тащить безногих Михаила, Григория и Исаака будет легче. Ведь прикрывать Диму и Прохора от разных неожиданностей будет уже вполне себе профессиональный чекист.

Оставив записку, о том, что сбор с последующим отбором буде осуществляться 27-го, т.е. послезавтра (дело происходит 26-го), процессия медленно потянулась сквозь кустарник к лесу.

К обеду, добравшись до Дома, как она его теперь называла, женщина вызвала к себе в кабинет четырех человек.

- Омар, помогаешь Марусе - вымыть и устроить на первом этаже наших новых менторов.

- Кого?

- Ты можешь починить автомобиль?

- Прохор...или Дима? - Ответил-предположил Омар

- Прохор или Дима могут посредственно водить, а вот хорошо починить - нет.

- И?

- А теперь у нас есть свой автомеханик, агроном, военный, электрик, доктор , вернее - второй доктор, и строитель. Если бы это были здоровые взрослые люди, то, скорее всего они бы тут и не задержались. Но! Они теперь тут. И им должно быть тут интереснее, чем там, - женщина машет в сторону условного лагеря спасения.

- А мне то, что делать? - спрашивает ее Маша

- Тебе отдельное задание... потом, - отвечает ей женщина и переводит взгляд на Прохора, - у нас есть цемент?

- Ну, пару мешочков...

- Они все ходящие, хотя Аарон частично колясочник, но ходить на протезах постоянно - очень утомительно. Так что бери в помощь всех, кто еще не работает - и делайте пандус на крыльце преподавательского корпуса.

Женщина делает паузу...

- Далее, Прохор, сразу после пандуса с Димой готовьте машину. Будем ехать к военным за помощью.

- Продукты? - В голосе "трудовика" скорее утверждение, чем вопрос.

- И не только. Ты из пистолета стрелять умеешь?

- Плохо... Но я способный ученик.

- Умника! А теперь все, кроме Маруси и Маши, свободны.

Женщина стоит, повернувшись к окну.

- Маруся, сколько у нас в Доме ребят старше 15 лет?

- Около 50.

- А девочек?

- Более 60...

- А как они сейчас задействованы, - эти самые девочки?

- Ну, там уборка, присмотр за теми, что помладше, помощь Томе..

- Вот что, нашим менторам понадобиться помощь. Принести поесть, взбить подушу и прочее...и прочее. Парней на такое направлять - глупо и нерационально. Так что вот вам девушки задание: над каждым нашим спецом-ментором должно быть взято шефство. Две-три девочки должны заботится, что бы они были на накормлены вовремя и хорошо, постель поменяна, и в комнате чисто подметено. Ну и не мне вас учить...

- А каких девочек выбирать?

- Умный вопрос...Старайся дурнушек. У нас тут мирок замкнутый, и шекспировские страсти нам нужны как зеркало слепому. Еще треугольников не хватало, типа - Ромео-Джульета-Завхоз. Рома любит Юлю, Юля втайне - завхоза, а завхоз от отсутствия явного женского вынимания на Ромчика глаз положил.

- Так все равно будут. Эти страсти. Девочки скоро станут девушками, ежели еще не стали,- отчетов о дефлорации они мне не подают. Да и Исаак с Мишей, к примеру, даром что безногие, а глазками по ним так и шныряли, когда сюда на своих ходульках шкандыбали. - Сама видала.

- Мария, какой пулеметчик на тачанке самый страшный для врага?

- Меткий?

- Может бать... А еще лучше, что бы был - безногим. Ему терять нечего и никуда не убежит. И будет стрелять до последнего. От романов и беременностей нам не уйти! Смирись, потому пусть уже лучше первым мужем у нашей дурнушки будет нормальный мужик, а не прыщавый подросток. А случись беременность... Так ячейки общества нам сейчас ой как необходимы. А от того, как потом Арик нам машины буде чинить - будет зависеть и как судьба его детей сложится. Безногим он отседова вряд ли сбежит, а с женой и дитем - тем более.

В 16.00, пока солнце еще не село, по громкой связи женщина дает распоряжение: через 20 минут всем воспитанникам, персоналу, и спецам-менторам покинуть помещения и собраться внизу. Персоналу и младшим воспитателям, как она называла ребят - помогавших им, быть при оружии...Оружием они громко и пафосно называли метровые металлические грифы.

То, что последовало за этим можно было назвать чем-то средним между митингом, кружком политинформации, клубом знакомств, и массовым аутотренингом на тему "я сумею, я смогу".

А "на сладкое" - групповая фотография на память. Основная масса воспитанников младше двенадцати лет, а так же все худощавые, низкорослые и с задержкой роста выдвигаются вперед. А пара дылд постарше вообще усаживаются в найденные в подсобке сломанные инвалидные коляски, поставленные на самый передний план. На первый, да и на второй невнимательный взгляд может показаться, что основная часть детишек находящихся под ее патронатом - это малолетки, еще не вступившие в пору обретения вторичных половых признаков, инвалиды или отстающие в физическом развитии задохлики.

А когда все расходятся, женщина возвращается в свой в кабинет. Электричество все еще работает - и это хорошо. Просто отлично!

Включив компьютер и цветной принтер, она делит фото на восемь частей, и по частям печатает гигантское фото. А потом, немного задумавшись о чем то, повторяет операцию.

Один «плакат» будет теперь висеть в ее кабинете. Четверых детей она уже потеряла, и она не потеряет больше ни одного ребенка, и

постарается не потерять ни одного взрослого, какими бы тупыми или глупыми они не были.

Сто тридцать детских и дюжина взрослых взглядов теперь всегда будут устремлены на нее со стены. И она в ответе за них...

Второй экземпляр она аккуратно складывает в портфель, положив туда перед этим паспорта своих сотрудников и менторов-инвалидов, истории болезни самых «тяжелых» из детишек и свидетельства о рождении самих старших из ее воспитанников. Но потом вновь о чем-то задумывается, - и метрики ее оболтусов покидают портфель и вновь ложатся в ящик стола. - ТАМ, куда она поедет, они будут не только лишними, но и вредными.

В сущности, митинг и нужен был ей лишь только ради этой фотографии. Завтра или послезавтра, а может дня через три, она будет просить, требовать, умолять дать им еды - много и разной, а еще, если получиться, - оружие и инструменты. И для обоснования необходимости этого нужны доказательства. И одно из них уже лежит у нее в портфеле.

Все! - А теперь можно и вздремнуть, а вернее - забыться на полчасика - она это заслужила! Ну а все остальные и так находятся при деле.

- Ее «ближняя рада» - Маруся и Мария - сейчас должны руководить стиркой всего, что пачкается, и помывкой всех, кто еще не помылся. Слава Богу - электричество и холодная вода пока еще есть!

- Бронислав руководит десятком пацанов, которые месят раствор и закладывают кирпичами окна нежилых комнат. На всякий случай.

- Омар копает четыре маленькие могилки. Их надо вырыть ему, и именно ему, - своих он не смог похоронить, так пусть порыдает над этими. Четырех детишек, которые до сих пор лежат в спортзале на матах слегка присыпанные солью, они похоронят вечером. И помянут.

- Тамара и большая часть оставшихся взрослых - сейчас просто с детьми, - с теми, что помладше.

- Исключение составляют лишь Прохор, Дима Кореньков да Григорий Петрович. Последний учит их простой и нехитрой мародерской премудрости, которую в свою очередь слышал когда- то от своего деда-партизана. Шикарные и почти новые ботинки 'ROCKY Shoes' снятые Димой с упокоенного *обратившегося*, неплохая спортивная куртка и обычные кроссовки, имеющие то же

происхождение, - будут зарыты в сырую землю на два-три дня. Если, как утверждает Григорий, за это время запах «полностью уйдет» и их останется только немного простирнуть, то надо будет распространить эту практику «дерибана мертвых». Все-таки, одеть полторы сотни человек - это ни хухры -мухры, а хорошие шузы с упокоенного зомби снять куда как безопаснее, чем искать новую обувку в городе с риском для жизни.

...по крайне мере Дима, не будет позориться, шастая в этих убитых 'вьетнамках', думает женщина, проваливаясь в глубокий сон.

«Защита от диплодока» - 22.03.2007 г. – «Мукалтин, обильное питье и постельный режим» - именно такой рецепт написала его маме их участковый врач лет тридцать назад. «*Типичная простуда. Обильное питье, постельный режим, и через три - четыре дня будет как новенький*» - добавила она уходя.

А на следующее утро, в пятницу, кажется, он просунулся от того, что его подушка была липкой от крови. Кровь шла из легких вместе с кашлем. Он хорошо помнил, как уже давно покойные папа и мама истерично и испуганно метались между аптечкой и телефоном, вызывая карету скорой, и зачем-то суя ему в рот градусник, а "папина" бабушка в это время спокойно собирала для внучка больничный тормозок, трусики, маечки, и киселек в термосе. Добрая милая бабушка! - Она хорошо знала рецепт кизилового киселя, но не знала, что положить любимому и единственному внучку больницу, что бы скоротать время. Да, пожалуй, книга из серии ЖЗЛ про Чернышевского была излишней и слишком ранней для него. Но вот вторая, папина, с репродукциями про динозавров, была именно той, что нужно.

С диагнозом 'двустороння пневмония', его сразу же положили под капельницу, - по времени это было ближе к обеду пятницы, а к вечеру понедельника, когда родители смогли к нему снова прийти, ребенок уже успел влюбиться в тот мир хищных, и не очень хищных, ящеров. Больше всего его тогда впечатлил диплодок: тварь размерами до 35 метров только через пару секунд чувствовала, что кто-то откусил ей кончик хвоста.

А сейчас этому 'ребенку' было чуть больше 40 лет. Был он достаточно высок, и еще совсем недавно был во вполне спортивной форме, но уже намечался пивной живот. Отличала его лупоглазость,

лысина и небольшой нервный тик, а так же легкая хромота, так как недавно ломал ногу.

А еще он не умел пить. Не умел, а вернее не мог. Бокал пива он мог выпить безбоязненно, но все что шло сверху - кардинально и сразу меняло строение его нейронов.

Боязнь сокращения, а возможно и желание подсидеть потенциального соперника подсказало его коллегам идею угостить его «слабым ершиком». И результат был немного предсказуем.

Хотя! Хотя еще лет десять назад дело можно было бы замять, но сейчас у кого-то из солдат случайно (ой, случайно ли) оказался мобильный, и уже через пару суток видео с тем, как он гоняет по плацу каской, как футбольным мячом, блюет и валяется в коридоре казармы - было выложено в ютубе. И он стал знаменит.

Родители и супруга звали его Русиком.

Подчиненные - Русланом Вячеславовичем.

В паспорте к этому, внушающему уважение имени, была добавлена фамилия Хохлов.

Ну а Интернет-пользователи окрестили его – *«последней надеждой украинской сборной»* или *«пьяным Пеле»*.

Тогда он очень жалел, что не сумел так же поступить по отношению к подставившему его коллеге, - не найдя у него слабого места, не сбросив первым балласт сокращения с части. А теперь балластом оказался он. Формально он все еще был майором Внутренних Войск Украины, и даже все еще выходил на работу. Но принципиальное решение по нему было уже принято, и его реализация была лишь вопросом времени. И он это знал. И коллеги знали, что он знает.

Все это было еще позавчера, до наступления Беды. А потом в их часть с патрулирования вернулся пострадавший от действий агрессивно настроенных граждан солдат. Он был первым, кто погиб в тот день от укусов *обратившихся* и сам впоследствии *обратился*, но отнюдь не последним.

Укушенные вели себя по-разному. Кто-то бодрился до самого конца, кто-то молился, а кто-то начинал убивать всех и вся, не желая уходить в одиночку. Были у них и такие.

Всего за сутки их часть сжалась едва ли не в полтора раза. А сейчас они сидели тут и ждали у моря погоды.

В том, что наступил конец света или близкий к нему аналог - Руслан Вячеславович не сомневался. Паникером он в принципе не был, да и трусом тоже. А как человек по натуре злой и циничный он ожидал того же и от других, и, по большому счету, не ошибался. К концу первого дня беды началось дезертирство - еще слабое, но к середине второго дня, когда расположение части покинули часовые у КПП - оно приняло обвальный характер.

Его замы, его коллега, подставивший его, и даже начальник части - собиравшийся на пенсию дед, - валили, прихватывая имущество или «уезжали в исполком» налаживать связь, оставив его за главного, на период их отсутствия. И он их понимал - им было реально страшно, а отсидеться в СБУ или охраняемом Горисполкоме денек - это шанс, что за это время картина или разрулится сама собой или примет определенность. Ну а что бездействовал? - Так за него исполняющим обязанности майор Хохлов был назначен, с него и спрос.

А сам Руслан Вячеславович все чего-то ждал, сам толком не зная чего. У него перед глазами все время стояла картинка его далекого детства - 35 метровый диплодок, который узнавал об откушенном хвосте только через пару секунд. Громадная, по-своему умная, сильная, но тормознутая тварь. Государство вдруг стало ему напоминать этого диплодока. Наверное, диплодоки были очень вкусными, хотя и тормознутыми тварями. Но все же, если диплодок не среагировал на проблему сразу, это ведь не означает, что он нее не обратит внимания вообще, и не попытается найти решения?

Дальнейшие события показали, что он был прав. К концу второго дня беды в мозгу диплодока с опозданием дошедшие сигналы таки были обработаны и он начал действовать, как всегда, впрочем, не успевая за ходом событий. Но это было не важно....

Это был звонок по спец-связи. Звонили из столицы. Какой-то усталый подпол из министерства обороны обзванивал всех, кого только можно еще обзвонить.

На его вопрос о ситуации Хохлов честно ответил, что почти все разбежались, остался только он да с пару десятков солдат, которые еще остались верны присяге. На слове ЕЩЕ он сделал упор. О том, что "верным присяге солдатикам" просто некуда бежать - Хохлов разумно умолчал. Ситуация же в целом - прескверная. За ворота части они не выходят - ибо опасно, - трое добровольцев отправившихся с оружием

на разведку (за водкой) не смогли уйти от стаи мелких морфировавших собак, а остальные, видя то, что таки смогло (человеком это было назвать уже трудно), дойти и упасть перед воротами части, решили пока побыть трезвенниками. Ну, а если заставить солдат наводить порядок, отстреливая морфов, да старушек с балконов снимать - так они могут решить, что присяга...В общем - не следует требовать от людей невозможного, а то и их потеряем.

По-видимому, сказанное им не было из ряда вон выходящим, поэтому подполковник просто попросил назваться полностью и быть на связи. И через десять минута Руслан получил указания: выдвинуться из зараженной местности, организовать в удобном месте, с его точки зрения, лагерь спасения для гражданских, а дальше сыпались такие ласкающие слух слова как *'мобилизовать', 'привлечь', 'конфисковать', 'задействовать', 'право пресекать вплоть до...*'.

Приказ обо всех этих плюшках уже не мог быть доставлен из Киева, но усталый человек сбросил ему сканкопию с факсимиле и.о. министерства обороны, а также электронный ключ с подтверждением истинности документа.

Самого Министра больше нет - пояснил он молчаливый вопрос Хохлова, - Есть И.О., уже второй по счету.

Это был конец связи, а для Хохлова был знак того, что диплодок таки среагировав на покусанный хвост, и самым лучшим образом. Лучшим для него, для Хохлова.

Странному и царскому подарку от умирающего динозавра он не удивился. Диплодок это животное. Все живое перед смертью может испытывать судороги, и они редко бывают логичными.

Выйдя на улицу, Руслан скомандовал общее построение. По мере оглашения приказа лица у оставшихся «верными присяге» солдат становились все более злыми и кислыми. Читалась одна мысль - *'Жаль что я не дернул раньше и со всеми'*.

А он все продолжал читать: *'...и наделить Хохлова Руслана Вячеславовича, коменданта лагеря спасения, всеми правами командира по законам военного времени, пресекать дезертирство вплоть до расстрела на месте...право требовать безоговорочного выполнения...'*.

Хохлов поднял на них голову, - моменты ловить он умел и понимал, что если сейчас не сделает паузу, его банально убьют тут и

сейчас, - и спокойно, совершенно неофициальным тоном спросил: - Кто знает, как проехать в Томаковку?

По радостному лицу одного из солдат-срочников он понял, что, во-первых - абориген оттуда есть, а второе и главное - его план был уже понятен по крайне мере части солдат. И это было хорошо.

Его задумка была неплоха. Искать надо там, где теплее и светлее, а организовывать лагерь спасения там, где сам был бы не прочь спастись.

К тому же ПГТ Томаковка находилась в 70 км. от Днепра, а потому пешком туда вряд ли кто дойдет, ну а на машине мало кто будет ехать за ежедневной пайкой тушенки и крупы. Так что народу обещало быть немного.

И был последний плюс выбора Томаковки как лагеря спасения, и самый главный, - именно там находился один из двадцати шести складов государственного резерва умирающей державы-диплодока. Сам Бог велел организовать лагерь спасения вокруг того имущества, которое нужно было спасти, положив болт на старушек, машущих платочками с балконов.

И что важно, у него был мандат от прошлой власти, делающие его действия не только разумными, но и легитимными. *'Конфисковать, мобилизовать, привлекать, требовать...'* - повторил он про себя, внутренне усмехнувшись. Если его диплодок умрет - он все равно будет сидеть на еде, а если сможет выкарабкаться, или у него будут наследники - у него будет индульгенция на все свои действия.

Через два часа два БТРа и армейский грузовик начали пробиваться через завалы и пробки в сторону выезда из города. За тещей и женой, которая не однократно за последние две недели после его «пьяного матча», заявляла о готовности к разводу, он заезжать не стал.

Их целью была ПТГ Томаковка, и объект № 26, который там находился. (Примечание автора: информация о расположении, номенклатуре и системе охраны складов Гос. Резерва – является закрытой. ПГТ Томаковка и объект № 26 – в данном случае являются собирательным образом).

Впрочем, нельзя сказать, что Хохлов был полностью прожженным мерзавцем. Он допускал, что диплодок может умереть не весь и не сразу, а поэтому тупо и внаглую садиться на харчи он и не собирался.

Скорее наоборот - он был готов начать делиться, умеренно конечно, с теми, кто придет искать спасения в его лагере. Но таких, по идее, ожидалось немного.

Поэтому он все-таки начал давать радиообращения во всех возможных диапазонах о том, что тут, в Томаковке, развернут лагерь Спасения, и всем прибывшим гарантируется безопасность и еда. Прибывших, слава Богу, было немного - от силы пара сот человек за первые два дня, которых он размещал в палатках аккуратным радиусом вокруг объекта.

Для себя же он решил, что если тенденция гибели «диплодока» будет неизменна, то через месяц он нахрен прогонит всех дармоедов прочь, ну а если нет, то будет действовать по ситуации и согласно полученных полномочий. Кроме того, судя по эфиру, вокруг города развертывалось еще несколько Городков Спасения, и он посадил одного из своих слушать эфир и записывать. Врагов надо было знать в лицо.

Это случилось два дня спустя после его триумфального въезда на территорию объекта № 26 и вручения «верительных грамот», подкрепленных парой десятков автоматных стволов. - Ту машину он увидел первым, - побитый жизнью грузовичок поднимая пыльную завесу за собой двигаясь по проселочной дороге ведущей к Объекту №26. Хохлов испытал глубочайшее разочарование. Еще один едок.

Но дело оказалось куда как хуже. Едоков было много, - почти полтора сотни рыл и ушлая бабенка, которая просила, нет, скорее требовала, еды для них. Она что-то постоянно показывала ему - то свою простыню с изображением детишек, то предлагала съездить убедится самому, и (Вот ведь тварь!?) рассыпала ему на стол с пару десятков личных дел детишек, которым нужен особый уход и хорошее питание.

Впрочем, о женщине он думал теперь вполне уважительно и с симпатией, ведь она не стала сдавать ему свой Сиротариум. А ведь могла бы! А зачем ему полторы сотни детей и калек?! Брать ему «на постоянный пансион» эту ораву ой как не хотелось.

Наверное, тетка просекла и почему Лагерь спасения расположен так далеко и неудачно, и почему беженцев немного, поэтому она дала понять, что ее запросы более чем скромны. Она не стала настаивать на отгрузке ей многих тонн гречки или риса, а лишь попросила

посмотреть номенклатуру того, что храниться, без указания объемов и размеров, а она уж довольствуется малым.

Этот листик был очень замусолен, - Хохлов сам его перечитывал не раз и не два, испытывая чувства близкие к тихому оргазму. На листике были указаны лишь наименования. А объемы?! - А объемы Хохлов видел лично, и они вдохновляли его еще больше.

Возможно, бабенка обладал легкой формой гипноза или была умелым психологом, но Хохлов автоматически сунул в руки ей эту замусоленную бумажку, - и тут же пожалел.

Нет! - Он не боялся того, что Катерина Тимофеевна, как звали женщину, узнает что-то важное. Просто ему показалось, что с бумажечкой он отдал ей и свой «клад», как будто отдал в руке ведьме «свою» куклу для «иглопротыкания».

Поэтому с невероятным удовольствием он потом забрал его обратно.

Инвентарный перечень предметов хранения объекта № 26

Гардероб

шапки

носки

нательное бельё

утеплённое - кальсоны и пр.

нательное бельё обычное

Продукты

зерно

мука

замороженное мясо/сало

мясные консервы

сахар-песок

сливочное масло

кофе, чай - чёрный листовой индийский

Быт

одинарные ватные матрацы

байковые одеяла

подушки

постельное бельё

хозяйственное мыло

оцинкованные

вёдра
палатки
марлевые повязки, респираторы
Кладовая
полиэтилен
электропровода
листовое стекло
рубероид
автошины
печи-буржуйки
электростанции
Топливо
дизельное топливо
бензин А-76
топливо для реактивных двигателей

Торопливо засунув свой список в нагрудный карман, он поднял глаза. Женщина смотрела на него и странно улыбалась.

Ее странную улыбку он вспомнит неделю спустя, когда проснется после тяжкого ночного кошмара около трех часов ночи, понимая, что это был всего лишь сон, и его «хозяйству» из приснившегося уже ничего не угрожает. И что тяжелого запаха гниющего мяса, роя мух и нашествия крыс, как привиделось во сне, таки не будет. Да, не будет! - Они таки приняли меры.

А тогда она внезапно спросила:

- Как вы думаете, долго еще электричество будет в сети?

Руслан Вячеславович понял все и сразу. Он хотел что-то сказать, но не смог, а чертова баба продолжала...

- У вас много мороженого мяса или масла? Вы представляете, что с ними будет через неделю после того, как холодильники перестанут работать... Или солярку будете жечь, что бы мини-электростанция для холодильников работала. Но ведь мясо - продукт возобновляемый, а вот поставок соляра больше, я думаю, не будет'.

У Руслана было хорошее воображение, и оно, в ответ на слова гостьи, тут же подкинуло ему тяжелый смрадный запах, тучи роящихся мух, и что самое страшное - крыс, которые очень даже неплохо разносят новую заразу. А уничтожить излишки скоропортящихся продуктов на самом деле не так уж легко, как кажется.

Объект № 26 не был предназначен для автономного функционирования в случае атомной войны. Просто государство там держало солидную заначку на случай стихийных бедствий, голода или дефицита продуктов.

И то, что электричество все еще подавалось - было сродни большому чуду, которое они, как слона в зоопарке, не заметили. Но рано или поздно чудо закончиться, остановится в своей работе, какая ни будь из крупных АЭС или ГЭС, и начнется веерное отключение электричества.

Замороженного мяса было много. Реально много. Около трехсот тон, если не больше. Масла тоже было немало. Часть продуктов действительно можно было хранить в одном их холодильников, забив его по самое не хочу, но именно что часть. И сжигать дефицитный соляр на «обогрев» холодильника.

Уже через час матерных подсчетов вместе с Петром Несторовичем, - директором объекта, его новоявленный комендант отдал распоряжение срочно готовить мини-электростанцию и быть готовым к отключению электрики.

А приехавший ВАЗ была загружена одна мини-электростанция, пара небольших коробок сливочного масла, несколько мороженных коровьих полутуш, мешков гречки, ящиков тушенки и рыбных консервов, канистр с топливом, а по совету однорукого, как окрестил его Хохлов, - были взяты с десяток рулонов самого толстого полиэтилена, да с пару десятков мешков 600-го 'фортификационного' цемента. И еще - немного шанцевого и строительного инструмента - лопат, топоров и пил.

Женщина со своими спутниками, - хмурым мужиком, которого она звала Прохор и худющим одноруким охранником, уезжала как будто бы и не расстроенная.

И повод для оптимизма у нее таки был. Хотя она и получила по минимуму, а из оружия ей почти ничего и не дали, но Руслан Вячеславович приглашал ее заглядывать к ним в гости почаще, и быть готовой, в случае чего, помочь ему решить его проблему с излишками скоропорта. А границы своей возможной и вынужденной щедрости, которые он озвучил, его гостью просто шокировали.

Подача электричества была прекращена через двое суток после ее визита, а уже несколько часов спустя он увидел подъезжающий ВАЗ

начальницы сиротариума.

«Комната для раздумий» - Две недели спустя

Она узнала свой кабинет сразу - как только проснулась. Бежевый цвет был ее любимым, и она узнала бы свои обои даже при тусклом освещении, ну а запах старенького пледа быстро дал ей дополнительную подсказку, где она сейчас находится.

- Это вы? - задала она вопрос, уже зная, что перед ней ее ментор медицины Калашников Михаил Ефремович.

- Я голубушка, я. - Голос 'ментора' негромким и каким-то вяжущим. - А Машеньки сейчас рядом нет, так как ровным счетом ничего не произошло, и она выполняет свои обязанности.

- Не поняла?

- Вы сейчас спите, а потом мы с вами будем обсуждать предстоящую операцию по удалению аппендицита у одного из детей.

А потом я уйду, и придет Маша, беседовать о предстоящей вакцинации детей.

А потом придет Игорь, - я полагаю, что ему можно доверять. Он будет с Вами согласовывать список на получение оружия.

-А я?

- А вы в это время будете спать. У вас, Катенька, крайне жесткий нервный срыв. Вам сейчас выспаться надо-ть.

- А?! Кажется, поняла. - Сонливость спадет с нее если и не моментально, то ощутимо быстро, - Спасибо. Вы, как я поняла, побеспокоились не только о моем здравии, он и моем образе «железной стервы»... ладно. А как там? - Женщина машет в стону двери.

- О! С этим все в порядке. Когда все узнали что мы уже «не одни во вселенной», и «братья по разуму» ссудили нас оружием, настроение значительно улучшилось. Дети и взрослые, правда, на говядину смотреть уже не могут, - вороти. Ну да это ерунда. Игорь, слава богу, не всю консервацию на асфальт спустил, так что кое-чем разнообразить меню еще можем.

-Я не об этом.

- А!? Вы об этом? Так все сейчас просто потрясены вашей скромностью. Казалось бы - триумф, а она скучной текучкой занимается - прививки согласовывает, да патроны делит. Так, что если вы и дальше буде практиковать ваш метод прямой демократии, у вас

есть шансы удержаться на этом 'посту'. Не знаю, правда, сколько. Знаете, как вас дети называют?- 'Мама'. О как!

- Спасибо Вам!

- Да нет, это вам мой поклон. Ладно, давайте я вам еще укольчик сделаю - помощнее и погуманнее первого, и вырублю вас часиков на 10-12 здорового и живительного сна.

- Доктор, тут у меня маленькая проблемка нарисовалась, пониже головы.

- Колитесь голубушка, - ухмыляется ее коновал, - «поцелуй Венеры» я вылечить еще смогу!

Только сейчас она поняла, что старый добрый циник Михаил Ефремович, давний друг ее семьи, с которым она столкнулась на шоссе, немного подшофе.

- Старый пошляк! - Ее голос стал тверже и веселее - Все гораздо прозаичнее.

- Варикоз?

- Берите выше...

- По женской части, что ли...

- Запор у меня доктор, третьи стуки не могу.

- Удивила голубушка, ежа голой жопой. С вашим-то нервозом и питанием - странно, что только сейчас такие проблемы. Ладно, валите в клозет, а ежели будут проблемы - зовите меня. Чем смогу - тем помогу.

Он помогает ей встать и она, бредет по слабо совещенному кабинету к своей маленькой 'санитарной' комнате. Веселый цинизм доктора передался и ей, и вслед за шуршанием одежды раздается тихое:

'Достиг я высшей власти /

Шестой уж год я царствую спокойно/

Но счастья нет моей душе...'

Она тихо с сарказмом бормочет как нельзя более подходящие строки, сидя на белоснежной конструкции унитаза, строки - из пушкинского 'Бориса Годунова'. Этот блядун, картежник и задира, как это ни банально, был ее любимым поэтом.

Высшая власть, амбиции, успех! - Королева! - Какое это имеет значение, когда у тебя четвертые сутки запор, живот сводит в судорогах, а безногий доктор все время шепчет что это все от нервов.

'Господи!- Больно-то как!' - стонет она про себя... Вместе с пробуждением приходит и боль мучащая ее уже второй день.

Хотя может он и прав. - Продолжает свои размышления страдалица. Все-таки почти две недели подряд спать урывками, постоянно быть на нервах, да еще и забыть когда последний раз ела нормальную еду и в правильное время.

Ну да ладно. Как говорила некая гражданка О. Харра - я об этом подумаю завтра. А сейчас давайте займемся чем-нибудь более интересным. Например, своим пищеварением и стулом...

Пара листов бумаги, из кипы бумаги отложенной для «хозяйственных нужд», зажаты в ее руке. Она очень надеется что сейчас, смятые и пожмаканные, они действительно будет использованы 'по-хозяйству'. Лампочка вдруг начинает мерцать ярче, видимо это Исаак таки отрегулировал свою электрическую шайтан машину, и она четче начинает видеть то, что схватила из кучи бумаг отложенных на сжигание, когда шла сюда... Да - у судьбы таки есть чувство юмора, правда очень своеобразное, если не сказать что жестокое. И если бы не тупая ноющая боль внизу живота, она бы сейчас улыбнулась.

Тогда, две недели назад, сразу после визита в Лагерь Спасения имени Хохлова, она сразу же по приезду собрала всех дееспособных и «с правом присутствия» - т.е. от 17 и старше, и просто обрисовала ситуацию. Им необходимо освоить пять тон сливочного масла и чуть более тридцати тон мороженого мяса и свиного сала, - и все за две-три недели. По срокам ее пока никто не поджимал, но как она сама объяснила своему 'высокому собранию' из 'первозванных', 'менторов' и нескольких пацанов, достигших 17-лет, *'такая лафа бывает один только раз, и пока мы будем телиться - Хохлов может передумать или изменятся обстоятельства, а что будет дальше - мы не знаем'* .

Тогда, после ее краткой, но информативной речи вечер перестал быть томным практически сразу. Из того вечера, полного сумбура сомнений, споров, проявлений эйфории и упаднического пессимизма, она вдруг вспомнила, как пухленькая домашняя Тома и стройная интеллигентная Машенька, сошлись бешеном споре, переходя на маты и личности, ставя под вопрос сроки, технику безопасности и что-то еще, что она уже успела подзабыть. Да так сошлись в споре, что

заставили краснеть четверых 17-летних пацанов, изрядно уже потертых жизнью.

А через два дня, когда таки вырубилась электрика, она ехала к хитрому менту, как окрестила Хохлова, уже зная, что надо делать. Н-да...Плохой план лучше никакого плана, а в тот вечер они смогли хотя бы набросать, куда им двигаться и что делать.

Но у судьбы есть своя ирония. В день своего триумфа, она, 'королева', сидит на своем «троне», и не имеет возможности этим триумфом насладиться.

А затем она начинает читать, попеременно иронично улыбаясь, или задумываясь о том, что ее референт Маруся напечатала под ее диктовку две недели назад...

'...Старшему наставнику по строительной части Петухову Брониславу Петровичу, а также ученикам - добровольцам - Карабанову С.А. 17 лет, Броверману П.П. 15 лет, Пусину В.А. 14 лет. Говте А.А. 15 лет, определяются следующие задачи:

- Очистить от мусора подвалы капитального строение **№ 3 - 200 метров м2**

- Провести гидроизоляцию подвалов и сделать стяжку

- Начать установку по периметру подвалов систему стеллажей (много и крепких) - сколько успеете.

На период работы добровольцы освобождаются от всех прочих работ.

По окончании работ и успешной сдаче объекта в эксплуатацию - Карабанову Сергею Александровичу предоставить отдельную комнату в 'Общежитии персонала'.

ОСОБО: Петухову Б. П. - представить в течение 12 часов список необходимых материалов...'

Все 'пациенты' закрытых детских домов расположенных в сельской местности, с точки зрения персонала страдают одним и тем же 'геморроем', - им хочется посмотреть - как там снаружи. Это желание, наверное, усилилось в разы, после того, как стало известно, что снаружи пришел «пушной северный зверь», по типу «28 Дней спустя». И поэтому, когда однорукий Бортник объявил о том, что нужно пять-шесть крепких и быстрых добровольцев для поездки ТУДА, то вызвались почти все. Почти, но не все. Из десятка ребят

постарше, что были подобранны на шоссе, и уже видевших, что ТАМ такое, - участвовать в поездке ТУДА не вызвался никто.

Идея такого 'грабь - рейда' принадлежа водителю Диме, который не очень давно ездил в этот магазин, используя служебный транспорт 'в левых целях'. Магазин-склад находился в метрах 50 от трассы, но вне городской черты, что бывшего хозяина очень даже устраивало, так как позволяло уйти от настырного внимания некоторых проверяющих органов. Ну а уж его внешний вид в закрытом состоянии ставен вызывал сомнения в том, магазин ли это, или свинарник.

На ее предложение - посидеть пару дней и обмозговать план операции, Бортник тогда внятно и коротко ответил, что другие сейчас тоже сидят и мозгуют, и нужно спешить. Иначе потом придется драться, а этого они, с их тремя условными единицами оружия, позволить себе ну никак не могут.

- Шестеро - в кузове, четверо в кабине. К отъезду готовы и укомплектованы, - так бравурно через час доложил он ей.

Не считая собственно ее, на дерибан склада отправились еще Прохор, Бортник, и собственно их водитель Дима Кореньков.

Это был самый первый и самый быстрый из их рейдов, и он был абсолютно успешен по соотношению добыча/потери. Хотя склад был уже взломан, и поверхностно ограблен, им все равно досталось гора метиза, строительных материалов, которые полностью и с гаком закрывали 'заявку' Петухова, и что самое главное - несколько больших никелированных 50-литровых кастрюль и выварок, стеклянная тара для консервации, и очень - очень много крышек для консервации.

А потом, на обратном пути, мальчиков-добровольцев рвало. Урок практической педагогики на тему '**Не ходите, дети, в Африку гулять**' им, по ее просьбе, преподал Дима, дав возможность из кабины и из кузова на обратном пути посмотреть на 'ТАМ', что бы детишки покрепче сидели 'ТУТ И ЗДЕСЬ' и другим бы наказали.

Поворачивающие в сторону машину головы, бредущие и бегущие за ней обратившиеся, заставили Диму только побледнеть - он это уже видал, зато 'хунвейбинам' ехавшим в обратный путь в кабине и кузове машины - стало 'кисло'. Но они держались, и держались до момента, пока не увидели разбитый 'Запорожец' с заклинившими дверьми, из которого к ним тянулись маленькие обожженные детские ручки. Много ручек, и много неживых и голодных лиц.

'Запорожец' можно было проехать быстро, но Дима (Вот ведь садист мелкий!) специально тормознул, что бы «салаги зрелищем прониклись».

А потом 'салаг' рвало. Она их понимала и даже жалела, но это была дополнительная гарантия от внутренних бунтов или побегов. Детишки должны были слушаться, а страх - самый короткий путь к послушанию.

Индийские факиры принуждают кобру к повиновению, избивая ее дудочкой...Эх, факирам легко - у них кобра одна и рискуют они только собой, а у нее сто пятьдесят детей и шестерых она тогда очень жестоко 'избила дудочкой', для их же блага и блага всех остальных.

'... Митиной Тамаре Дмитриевне составить рецептуру закладки блюд №1 'Масло Топленое' и №2 'Тушенка в банках закатанная'.

Первое. В течение 12 часов подготовить список требуемых ингредиентов и материалов из расчета основного сырья к переработке :

- Масла - 5 тонн,

- Мяса говяжьего мороженного - 30 тонн,

- Сала свиного мороженного - 5 тонн

Второе - из наличных средств, и при их достаточности, заготовить опытную партию Блюда№1 и Блюда №2.

Третье - подготовить четырех сменщиков, ответственных за приготовлению Блюда №2 'Тушенка'

А ведь заготовка - указивка была хорошая! Но вычеркнуть пришлось едва ли не половину. Тома раскритиковала ее тут же. Масло 'оприходовать' смогут быстро, а вот с тушенкой - она категорически и очень настоятельно не советует возиться 'домашними' методами. Чревато ботулизмом. И, короче, она тут умывает руки. Вот здесь, что называется, не было счастья, да несчастье помогло. За подобную честность Томе сейчас памятник поставить надо, а тогда хотелось послать ее подальше... к Хохлову. - Им пришлось организовывать мозговой штурм и привлекать всех, кого только можно...И отказаться от ее планов заготовки еды. Правда, только частично, в пользу других планов.

С маслом было куда как проще: Дима и Бортник смогли забрать большую часть мороженого сливочного масла, - около четырех тонн, - за одну ходку уже через четыре часа после отключения электричества. Что бы неспешно перетопить большую его часть, Томе с девочками

понадобилось около двух суток. Теперь, с одной стороны - они на пару лет были обеспечены запасом отличных жиров, но с другой - на это пошла вся наличная стеклянная тара. А вот с мясом было сложнее...

' ... , Омару Хематияр-Оглы приступить к повалу деревьев всеми возможными подручными средствами вокруг Детского Дома №5.....

-Срок/план - 5 дней/30 деревьев'

«Робот Вася» ныряет в люк, его смена будет длиться 10 минут. Потом его сменит «робот Петя», потом «роботы» Миша, Коля и еще шесть других имен.

«Роботами» себя ребята называют в шутку, - Прохор рассказывал им, что так же работали солдаты на ЧАЭС, посменно по 5 минут. Вооружены «роботы» просто - мочалка и мыло, перчатки, плюс у Томы нашлось бутылка 'Саниты-геля' для чистки плит из нержавейки. И все, ничего лишнего.

Пахнет внутри мерзко, но уже не кошмарно как было поначалу, и есть все шансы, что через час будет пахнуть терпимо. А в финале пахнуть должно исключительно чистотой. Но чем прет сейчас - непонятно, поэтому смена каждого «робота» длится от силы десять-пятнадцать минут, а потом - усиленные водные процедуры и кислородные ванны.

Цистерна из нержавейки была относительно небольшой: чуть более трех метров в длину и полтора в высоту. Для чего она была изготовлена - уже никто не знал. В ней хранили то ли молоко, то ли воду, и бог знает, что еще потом. Главное было то, что содержимое потом поленились слить, и оно так и осталось там, намертво твердой коркой прикипев к стенкам.

«Пищевая» она или нет - было неизвестно, да и не было это столь важно. - Ее обнаружил Броник, как они стали за глаза звать Бронислава, во время обхода территории.

Знали о ней все, но 'обнаружил' именно что домовитый Петухов. Почему на эту 'дуру' никто не обращал внимания стало понятно чуть позже. Последние несколько лет она лежала под навесом дальнего сарая заваленная досками. Но числилась она на балансе еще формально существующего 'НИИ АГРОПОМ - ТЕК', и, как и прочее движимое имущество почившей организации, уже несколько лет делилось в суде между ее кредиторами. Поэтому глаза просто научились не замечать ее.

Цистерна была реально хорошая - толстостенная, вареная на совесть. Раньше их было две, и от второй даже остался нижний остов и еще какие-то кусочки, все остальное же, было давным-давно сдано в пункт приема метала. Ну а самого 'сдавальщика' работники того же пункта сдали в милицию, когда их взяли за яйца «кредиторы мертвых агрономов». И именно благодаря этому показательному уроку - первая уцелела.

Облегченная лопатой и шпателями от непонятного и мерзопакостного содержимого, она была аккуратно, усилиями двух десятков ребят положена на бок, для дальнейшей чистки. А во избежание повреждений, сарай был принесен в жертвы 'дуре' из металла, - к радости заготовителей дров.

«...Сахарову Исааку Ароновичу - подготовить к запуску мини-электростанцию, на случай отключения электроэнергии и предложить наиболее экономный режим работы. Приоритеты:

- свет в бытовых помещениях ночью,

- работа холодильных установок и телевизора - круглосуточно'

- проект 'автоклав.»

Исаака потом сразу пришлось бросить на реализацию нового проекта. Как и Бронислава, и всех остальных спецов, кроме Бортника и доктора. От доктора и чекиста там толку было бы мало - не их профиль. А уж что надо делать - 'менторы' поняли сразу, ну а что не поняли, так прочитали с ее ПК. Благо дело - и она, и, как ни странно, Дима, начиная с конца первого дня Катастрофы, начали скачивать техническую информацию с обваливающегося Интернета. Объяснение Димы, зачем он это делал, тогда неприятно ее удивило. - Придурок надеялся, что станет единственным хранителем знаний в постапокалиптическом мире. - Редкий случай кретинизма помноженного на амбиции.

....крепежные болты с гайкой, сварочный аппарат, болгарка, манометр, термометр, термостойка с автомобильным маслом... - основное, но не единственное, что им понадобилось. И далеко не весь список был тогда в их распоряжении, и в трофеях строительного магазина. Пришлось и у Хохлова клянчить среди 'трофеев', и рисковать, куроча на шоссе брошенные автомобили.

'А Хохлов сволочь хитрая! - Женщина усмехается про себя, - дал им сварочный аппарат, три манометра и еще какой-то хрени, о которой

просил Исаак, но с обязательным довеском: 60-летней одинокой бабкой, незнамо каким чудом пришкандыбвашей к ним из Днепропетровска, и ее внуком, пацаном лет десяти'. Так сказать - 'На тоби небоже, що мени негоже'.

Ну да ладно...Парень подрастет рано или поздно, а бабка хотя бы на машинке строчить умеет, - пусть девчат учит. Будет уроки шитья вести.

'.. На период проведения авральных заготовительных работ дети от 8 до 12 лет в дневное время суток - переводятся в спортзал.

Прогулка раз в сутки - два часа. С 12.00 до 14.00.

Ответственные - Марина Сергеевна ГРИГОРОВИЧ - референт, и Мария Ивановна Коростылев - Нач. Мед., Осин Евгений Иванович - по мере здоровья и физических возможностей'

«Самым важным из искусств для нас является кино!» - ...Прав был Ленин. Если бы не плазма, выпрошенная у Хохлова и не работающая электростанция, питающая ее, - девочки бы за эту неделю повесились'.

'Все лица старше 14 лет неохваченные приказом могут привлекаться к работам ответственными лицами по согласованию с Дирекцией'

....уборка территории, охрана периметра метрическими грифами в руках или дежурство в Дозоре, близ мостика, с Прохором или Бортником, помощь Томе, Маше, Марусе, Петухову, и прочая, и прочая...странно, что у них до сих пор нет бунта. Наверное, потому что бунтовать нет смысла. Но рано или поздно он будет и к этому надо готовиться.

'..Вопрос с тарой остается открытым...И требует скорейшего решения...'

А Игорь его таки решил. И очень скоро, - когда через пару дней после отключения электрики уехал на «поиск предметов срочного освоения». Он вернулся через полтора часа с сообщением, что решение проблемы тары найдено, осталось его только реализовать, и уже через час уехал обратно на их ВАЗе, прихватив с собой нескольких ребят, 'мешочек Томиного инструмента' и еще что-то, типа ломиков.

Тогда ее решение поехать с ними и посмотреть 'чЁ там такое' не было рациональным, просто она дико устала, и ей хотелось хоть куда ни будь да свалить на пару часиков, и не видеть посетителей,

просителей, рационализаторов и жалобщиков, которые ждут своей очереди.

Она проснулась через три часа от звона разбитой банки. Жутко пахло уксусом и кислятиной, а ее Игорь (она отметила, что про себя стала называть Игоря своим) стоял снаружи с пистолетом, 'пася' территорию вокруг. Увидав ее, он махнул рукой, предлагая ей выйти.

Громадина фуры и маленький ВАЗик стояли друг к другу задом, раскрыв двери, словно склещившиеся кобель и сучка.

В принципе, как она потом поняла, от слова 'фура' в ней мало что осталось: бензин был слит, шины сняты, как и часть запчастей, но вот груз, - литровые и трехлитровые стеклянные банки с консервированными помидорами, оказался нахрен никому не нужны, и в целом остался неповрежденным.

А вскоре стал ясно, откуда пахнет кислятиной. Ребята открыли дно фуры и сливали туда содержимое отрываемых банок, не разбивая деревянных ящичков в которых они были "запечатаны". После чего передавали облегченную тару в ВАЗ, который уже был почти забит. А груз фуры все еще казался почти не тронутым. Создавалось впечатление, что убитая машина облегчается, словно у убитого человека после смерти расслабились сфинктеры и содержимое внутренностей вываливается наружу.

Следующий рейс за банками Игорь тогда сделал через час, но уже без нее.

Спазм снова скручивает живот, и пальцы роняют один из двух листов - черновик протокола. В руках у нее остается второй...

'По случаю успешного запуска оборудования 'Автоклав' и 'Объекта укрытие' предлагаю в качестве меры чествования и награды для его создателей:

-Вынести благодарность

- Поощрить неделей отдыха (по завершению всех работ по консервации мяса)

- Высечь на объекте ' имена его создателей'...

- Поставить в первую очередь на получения личного оружия самообороны'

Н-да... Цистерна из нержавейки, укрепленная приваренными листами и кусками от остатков второй, с люком и приборами была

похожа то ли на подводную лодку, но ли на космический корабль. И это был его первый полет.

Сырое мясо, специи, сало, лавровый лист закатывались в банки, - работа радостная, но монотонная. В ней она принимала участие лично. И не потому, что не было свободных рук, - желающих помочь тут было полно, а просто у нее уже 'рвало крышу' и ей нужно было хоть на пару часов отвлечься простым физическим трудом...

А потом банки с полуфабрикатом располагались внутри цистерны, а они, ее творцы, испытатели, наблюдатели - вокруг нее. Их было человек десять, хотя из окон глядели все остальные, и темные окна тогда побелели от лиц детей и подростков

Цистерна уже не казалась ей такой большой, хотя литровых и трехлитровых банок внутри ее – было реально много. Около тысячи литров, стоящих друг на друге и на сваренных внутри полочках и решеточках.

Нет! Неправильно она называла ее цистерной - цистерной она была еще вчера, а сегодня это был их личный автоклав. Чуть менее полутора тонн мяса и сала меньше чем за час при температуре 121 градус под давлением будут превращены в долгоиграющую тушенку, а еще через семь часов операция будет повторена еще раз, и еще раз... - И, меньше чем за сутки, они получат пять тонн продукта, которого хватит им на долгие месяцы неопределенности.

'..и переводится на прежний режим работы.

По работе Автоклава:

- ПЕРОВОЕ. Омар Хематияр-Оглы - ответственный за бесперебойную подачу дров.

- ВТОРОЕ. Митина Тамара Дмитриевна - ответственная за организацию и контроля соблюдения рецептуры при закладке банок, закатка и закладка банок в автоклав.

- ТРЕТЬЕ. Кузин Прохор Иванович - обвалка туш и утилизация отходов путем сжигания.

- ЧЕТВЕРТОЕ

- Сахаров Исаак Аронович

- Петухов Бронислав Петрович

- Корнеев Герман Сергеевич

- Иванов Григорий Петрович (резерв) - ответственные посменно за соблюдением технологического процесса -

температура в течение часа - 121-125 градусов, при необходимы параметрах давления.

- ПЯТОЕ Кореньков Дмитрий Олегович - бесперебойное снабжение - 3 рейса/двое суток. Сопровождение в целях безопасности - Бортник Игорь Петрович.

- ШЕСТОЕ На период отсутствия Бортника И.П. - главный по вопросам поддержания внешней безопасности Кузин Прохор Иванович, с правом мобилизации всех способных и желающих оказывать сопротивление внешней угрозе...'

А энтузиазм детишек к тому времени начал спадать. Нет, бунта еще не было, и недовольства тоже. Но все же перестраховка никогда не помешает, и кнут нужно грамотно чередовать пряником. Именно поэтому она лично продиктовала слова о мобилизации, поощрениях, и наказаниях...

'.СЕДЬМОЕ С целью выполнения возложенных обязанностей ответственные лица могут привлекать всех кто старше 14 лет. -

- Списки и графики добровольных помощников - подать отдельно в течение 6 часов.

- При отсутствии добровольцев - подать списки рекомендуемых к мобилизации на означенные выше работы

- ВОСЬМОЕ. При явном или скрытом саботаже или отказе работать привлеченные воспитанники будут временно переведены в младшие группы или предупреждены о возможности эвакуации в лагерь спасения им. Хохлова.

Все привлеченные воспитанники освобождаются от всех остальных работ.

- ДЕВЯТОЕ. Особо отличившиеся будут занесены в список на первоочередное получение оружия.

- ДЕСЯТОЕ. Общее руководство оставлю за собой'

Доктор считает, что на последнем пункте она и надорвалась - нельзя быть в каждой бочке затычкой... Но Хохлов Руслан Вячеславович не был безумно щедрым человеком, а то, что он расположил лагерь спасения далеко от города, согласился выделить им самых ценных 'долгоиграющих' продуктов максимум на месяц, и что главное, пытался впихнуть им лиц, которые не смогут сами от него уйти - говорило о многом. По крайне мере о том, что он не альтруист, и просто выжидает развития ситуации.

Поэтому и щедрость его была вынужденной. Но по крайне мере с ним удалось найти общий язык, и 'просчитать' его.

Это был их последний визит к нему. В огромном помещении еще весела на крюках 'жалкая' вереница говяжьих полутуш. Жалкая на фоне помещения, которое украшала надпись 'берегите холод'. Но холод уже отключили и в помещении были не жуткие 26, а всего 4-5 ниже нуля, жалкая цепочка весила около трех тонн, и они были их 'финальным призом'. За ними они и приехали...

Порою нервный стресс может копиться очень долгое время, и не выплескиваться наружу. - Их не били, в них не стреляли, а просто запустили на территорию и окружив, направив автоматы. Совсем другие люди, которых было куда как больше чем 'приспешников' Хохлова. Их отвели в бывший кабинет ее 'благодетеля', где двое из «новеньких» начали задавать вопросы....

Выдержка человека откидывает порою странные коленца. Страха у нее тогда не было, его выдавил адреналин и понимание сути момента. С ней беседовал мужчина в остатках той же формы, что была и на Хохлове. Вести допрос он умел, это она поняла сразу, - внешне казавшийся простофилей он все время 'забывал', переспрашивая ее то, что спрашивал минут 10 назад. Впрочем, и она тоже что-то поняла о новых хозяевах - это такие же 'спасатели' как и сам Хохлов, только рангом повыше, организованнее и числом поболее, которые решили, что спасать надо там, где безопаснее и сытнее.

Дело могло принять нехороший оборот, если бы не Бортник, увидавший кого-то из 'бывших своих', и не попросивший передать привет от Игоря некому Сергею Петровичу, да еще и ее предложение ехать за ними и забрать к себе, если им так хочется, почти две сотни детей и инвалидов.

Ее финальные тонны мороженной говядин' так и остались висеть в морозилке - едоков на складах прибавилось и, несмотря на падение температуры в холодильнике, они могли быть съедены раньше, чем испортятся. Зато «добрые самаритяне» вошли в ее положение и согласились, что по нынешним временам три пистолета и ружье на две сотни рыл - это не серьезно, и выделили им с десяток автоматов, и столько же ПМ.

Она хорошо помнила, как их ВАЗ выезжал за ворота объекта.

Помнила, как ехали все семьдесят километров грунтовой дороги, а она, сославшись на головную боль, молча держалась, вцепившись в ручку сидения считая метры и минуты.

Помнила, как приехав, и отпустив Игоря сразу, как только он занес оружие в ее кабинет, вызвала Машу и доктора. Срочно и бегом!

Помнила, как доктор открывал Маше двери, и они вдвоем входили в ее комнату...

А потом она позволила 'пружине распрямилась - и ее 'накрыло' - быстро и жестко. Сначала был легкий всхлип с набором матерных и жалостливых прилагательных, который буквально за минуту перешел в истерику, а затем в судороги, и крики, вернее их попытки, зажимаемые рукой доктора.

Умница доктор, остановил Марию, которая хотела бежать за помощью, - просто зажал ей ее вопящий рот, отправив помощницу 'за нужным уколом'.

Да. - Это должен бы быть ее триумф, а она вот тут сидит на 'очке' и никак не может сбросить 'балласт'.

Вот уж точно '*Достиг я высшей власти...*'. Неожиданно тупой спазм снова пронзает ей низ живота. Все! К Черту - рубеж 'когда уже не стыдно' она только что прошла.

Слабый и измученный женский голос раздается в ночи: 'Михаил Ефремович, тащите-ка но-шпу, клизму, и что еще там - вы лучше знаете. Спасайте своего работодателя'.

Ну, ничего, сейчас он ей поможет, и после у нее будет двенадцать часов тихого и безмятежного сна. Это ее радует гораздо больше, чем заготовленные тридцать тонн тушенки и в разы возросшая безопасность их убежища. - Женщина слабо, через силу, улыбается.

ГЛАВА ВТОРАЯ – «Кравчий»

«Ночной звонок» - 20.03.2007г.

«Ежик» из окурков собранный в пепельнице и включенный диктофон - так началось для него раннее утро первого дня беды.

Он в очередной раз включал диктофон и слушал голос собеседника, а вернее его монолог, пытаясь, что-то понять, придумать, сообразить, в конце концов, еще сам не зная, что именно.

Голос собеседника был ему знаком. Вернее не сам голос, а его интонация, тональность, темперамент с которым он говорил.

Только к шести часам утра он совершенно случайно вспомнил, откуда ему чудилась «знакомость» голоса. Еще лет десять еще назад, когда он работал в совсем другом департаменте и участвовал 'прослушке' одного интересного офиса, он слышал нечто похожее. Тогда его начальству что-то понадобилось от фирмачей. И потому сели на них плотно, в надежде то ли узнать, то ли наехать. О хотелках руководства ему не докладывали.

Тогда он не видел лиц людей, которых они 'слушали', но знал их всех по голосам: и директора Вениамина Яковлевича, и его секретутку-подстилку Лидочку (умную и хитрую блядь, умело косившую под блондинистую дуру), и еще многих других. И менеджера по продажам Валерика (так его называли коллеги) - умного и добросовестного мальчика лет двадцати, в чьи обязанности входило делать ежедневно сотни 'холодных' звонков. Валерик собирался валить из того крысятника, но старался работать честно, хотя 'тяги в соплах' у него уже не было. Совсем не было.

И хотя из диктофона звучал голос не 'продажника' Валеры, а совсем другого человека, он понял, что ему показалось знакомым. Так же говорил и тот парень к концу рабочего дня - честно, старательно, но устало и без эмоций, заканчивая дневной обзвон многих сотен номеров. Так может говорить человек уже успевший сделать десятки, если не сотни звонков, и уже не верящий что у него что-то таки купят, но желающий, при этом, быть честным перед своим работодателем, перед собой и своей совестью. Человек, чью запись он слушал, не работал, а скорее дорабатывал....

Желание подсидеть коллегу - естественно, и вдвойне приятно, если идиот сам дает против себя компромат: теперь кресло под Ващенко, чьим замом являлся звонивший, будет уже не таким крепим. И это можно будет использовать. В перспективе.

Так Сергей Петрович думал еще пару часов назад, после того как ближе под утро у него в кармане пиджака завибрировал мобильный и он ответил - сонно и раздраженно.

Номер был их конторы, но не его департамента, а звонящий был ему шапочно знаком. После короткого приветствия Игорь, так звали его, начал говорить. Услышанное показалось Сергею Петровичу настолько бредовым, что он выключил телефон, сославшись на плохой звук, и начал думать.

А через 5-6 минут Сергей Петрович перезвонил сам.

- Писать меня будешь, - услышал он в трубке голос Игоря.

- Господь с тобой, нет, конечно! - ответил Сергей Петрович, включая диктофон.

-Это ты зря. Больше я тебе звонить не буду. Мне еще многим позвонить надо. Так что уж лучше пиши....

А сейчас, сидя в своем кабинете, куда он приехал сразу после звонка, он старался принять идеальное решение, такое, которое бы не выставило его параноиком и легковерным дураком, но с другой стороны - максимально бы его обезопасило.

Осторожные звонки в Киев и бывшим друзьям по ведомству - в Минск, его немного удивили и напрягли.

Сначала Сергей Петрович решил проверить телефонным звонком - как щупом, чем сейчас они занимаются. Логично было бы предположить, что в 5 утра люди еще спят. Простой способ - звонок старому приятелю, под видом того, что ошибся номером в телефонной книжке, а там, уже по голосу - заспанному и злому убедится, что человек сейчас спит. Или не спит.

Арифметика звонков внушала опасение: из пары десятков 'номеров' не спала едва ли не треть. И совсем не обязательно, что все люди, что-то знали. Важным было иное, - есть какие то обстоятельства, которые вынудили столько народу при чинах и погонах по обе стороны границы встать пораньше. Это могло быть как знание, так и неопределенность, полученная информация, или что еще - какой то общий неучтенный фактор.

И это сильно настораживало.

Повторные же звонки, уже к 'не-спящим' в Киеве и Минске ничего нового не дали: в голосах собеседников чествовалась напряженность и какая то недосказанность.

А это уже пугало.

'Ежик' в пепельнице прибавил в объеме еще немного, прежде чем Сергей Петрович принял РЕШЕНИЕ.

Он не был великим стратегом, да его должность этого и не предусматривала. Но память у Сергея Петровича была хорошая, а его любимым предметов во время прохождения обучения еще лет тридцать тому назад в Академии МВД г. Минска - была история. Даты он ненавидел, но любил 'примерять на себя' разные исторические персонажи.

Из курса 'Военной Истории', когда как они проходили битву при Таненберге в 1914г., он помнил что отозванный из пенсионного забвения престарелый маршал Гинденбург - сонный и располневший человек, целиком положился на работу своего штаба и подчиненных, однако взял на себя ответственность за главное и принципиальное решение, решившее исход битвы. - Историей, человек сидящий в кресле, давно уже не увлекался, но сейчас он чувствовал себя именно что в положении того старого вояки, от которого требовалась приять всего одно решение - но главное и принципиальное... И принять вовремя.

Наконец, решение было принято, - взяв трубку телефона, он набрал простой шестизначный номер

- Алле, пап, это ты? - Раздалось в трубке сонное сопение.

- Да, Ванечка, я. Позови маму.

- (снова сопение в трубке)

- Нет, не твою мачеху, а МОЮ маму.

Свою маму он очень любил, - старушке было уже за 80, но она сохраняла удивительную для ее возраста четкость мысли и жизнелюбие, - что часто характерно для бывших фронтовиков.

Пожилая женщина не стала препираться, когда ее сын сказал брать вещи, детей и новую невестку, вызывать такси и ехать к нему на работу. Прямо сейчас. - За свои 84 года она четко усвоила, что бывают ситуации, когда спросить лучше потом.

Кравчий Сергей Петрович был не только умным, но еще и осторожным человеком. Сказанное ему этим странным параноиком Игорем не могло быть правдой. Этого не могло быть правдой, потому что этого не могло быть...

И все-таки! Все-таки, Сергей Петрович, как человек осторожный решил прикрыть себя и своих близких со всех направлений. И этим пока ограничиться, - никому более звонить он не стал.

Его кабинет, - кабинет начальника Департамента Хозяйственного обеспечения Службы Безопасности по области, состоял из приемной и 'жилого' помещения с парой диванов, санузлом и минимум прочей мебели.

Завезя к себе на работу двух сыновей погодков от первого брака - мальчиков 12 и 13 лет - Ваню с Павликом, а также маму, и молодую беременную жену, Сергей Петрович начал реализовывать остальные части задуманного. Сначала он забежал в секретариат и в экстренном порядке оформил себе 2-х дневный отпуск, затем назначил исполняющим обязанности своего Зама. После этого он отпустил свою секретаршу Анютку Годенко домой на пару дней, предварительно наказав ей закупить в магазине кой какие диетические продукты для жены и завезти их ему на работу.

Мать, жена и дети были размещены в 'жилой' комнате. В своей семейной жизни 'Главный завхоз' Службы Безопасности был обычным тираном. Поэтому сделать им внушение на тему 'не шуметь и не светить' до завтрашнего дня - ему удалось довольно быстро.

После совершения всех этих незамысловатых манипуляций, он заперся в своем кабинете, и просто стал ждать, наблюдать, оценивать и делать выводы...

«Когда паника спасительна»... **где то после 20.03.2007г.**

Корабли 'Титаник' и 'Луизитания' были почти что близнецами-братьями. Количество пассажиров, год постройки, количество спасшихся и погибших - стоят практически рядом друг с другом, почти совпадают и годы крушения, и даже район гибели. И капитаны там оставались на своем посту до самого конца...

Но разница все-таки есть: 'Титаник' тонул несколько часов, а 'Луизитания' - 18 минут. А спаслось же примерно одинаковое количество пассажиров.

Возможно, это произошло и потому, что взрыва торпеды в корпусе 'Луизитании' был куда как убедительнее, чем легкий скребок айсберга.

А возможно дело было еще и разнице поведений капитанов: на 'Титанике' нужно было сохранять спокойствие, вести себя как англичане, пропуская вперед женщин и детей, а на 'Луизитани' капитан сразу и недвусмысленно рекомендовал всем и вся спасться.

И 18-минутная программа спасения на 'Луизитании', которая проводилась под негласным лозунгом **'спасайся - кто может'** оказалась куда как эффективнее слов капитана Смита - **'сохраняйте спокойствие...сначала женщины и дети'.**

Своевременная паника и осознание наступления катастрофы - могут спасти куда больше, чем стоическое спокойствие в духе *'успокойся дорогая, это все нервы'.*

День первого дня беды в Днепре прошел, как и во всех городах мира без особой паники. И в этом была своя, неповторимая трагедия.

Те же Москва и Питер оказались под мощными ударами вируса еще ночью, и уже с утра **«обратившиеся»** - бывшие люди, собаки и крысы - стали подтверждением 'панических слухов', которые успел пустить по телефону умирающий биолог Дегтярев, о новой форме 'некротического бешенства', передающегося через укус инфицированного.

Там тихий исход начался с самого утра, понемногу: кто - то решил срочно съездить на дачу, кто-то понял, что соскучился по маме в заволжской деревушке, а кто-то просто успел увидеть ИХ, и понял что идея 'сохранять спокойствие' - не самая лучшая. И потому громадный поток машин не успел достигнуть той критической точки, за которой следует паралич, частично рассосавшись в течении первого дня катастрофы, который еще был обычным рабочим днем.

В других городах дела обстояли по-другому, не лучше и не хуже, а именно что по-другому.

В русскоязычном миллионере Днепропетровске, осознание того, что пришла БЕДА и нужно валить из города, начало приходить к людям по мере разгорания эпидемии, но с опозданием на 7-8 часов от 'московского времени'. То есть вечером и ночью.

Одно дело, когда массовый исход из города начинается во время рабочего дня и днем, когда он меньше сдерживается загруженностью улиц, и занятостью людей. И совсем иное дело, если он начинается

ближе к вечеру, к концу рабочего дня. Многие к тому времени уже заработали свои укусы, но хорохорились и активно паковались в машины.

Известно, что суммарно, все автомобили в Москве занимали почти 1 % от площади города.

Днепропетровск - это конечно не Москва, но свои '1%' он тоже имел. И вечером большая часть начал от этого самого 1% стала пробиваться из города.

Как и многие города, стоявшие на реке, город разделялся мостами. Обыденный факт, но во время эпидемии он стал роковым. Когда ночью на 4-х полостном мосту застревает автомобиль - это создает медленно рассасывающуюся пробку. А если он не один, а два-три-пять и более?

Того водилу насквозь 'убитой' газели звали Виктором. Укушенным он не был, в слухи не верил, да и бежать он не никуда собирался. В тот день он, несмотря на усталость и странную боль в ноге, вышел на работу, заменяя заболевшего сменщика, и даже смог отпахать две смены подряд. Ну а сейчас просто ехал домой.

Превозмогая ноющую боль в ноге (и откуда она взялась - никогда же не болела, и не стукался он ею), он влился в поток машин ехавших по мосту, и даже успел доехать до его середины. Неожиданно еще не старый 60-летний мужчина почувствовал, как тонкое раскаленное шило вошло ему в сердце. - Инфаркт убил его за 2 минуты, а машину остановил практически сразу.

Его газель, налетев на одну из перил моста и чудом не сбив ее - развернулась, перегородив сразу две полосы движения. Если бы этого чуда не случилось, то у людей, ехавших сзади был бы шанс, - но кто сказал, что чудеса бывают только добрыми?

В обычных условиях люди подождали бы полчасика или часик, дождались бы эвакуатора с той стороны, ДПС-ников, и все бы разрешилось.

Но в тот день было много автомобилей, и много людей в них сидящих - в большинстве своем испуганных и растерянных. При всем своем желании ДПС-ники и эвакуатор уже не смогли бы пробиться к месту аварии. С той стороны освободившуюся полосу уже успели 'запечатать' машины встречного потока.

Но не это было самое страшенное. В машинах сидели люди - и здоровые, и уже укушенные. И они умирали. А это означало, что их

машины превращались в очередные тромбы на мосту.

Через 10 мнут после смерти Виктора, умер и 'вернулся' водитель синего 'Нисана', - его жену и детей спас его пояс безопасности, сковавший движения "обратившегося", и они успели выскочить. Жена его уже была укушена, но два мальчика пяти и шести лет - уцелели, и у детей еще был небольшой шанс не быть раздавленными между плитами рушащегося здания цивилизации.

А за пару часов возникло не менее 20 таких тромбов.

Что будет делать водитель машины, запертый на мосту? - Оставить и пойти домой? - А если ее украдут или попросту спихнут в реку, что бы расчистить 'пробку'?

Нет, очень многие останутся, и будет сидеть, и ждать развязки.

Март в том году выдался теплым, но все равно ночь не самое теплое время, и работа печек съела последние запас топлива у многих 'сидельцев'. А к утру Амурский мост оказался парализован. Надолго. Равно как и остальные мосты города.

Блокированными оказались и выезды из города: на мосту красный свет не горит, а вот на выездах - на Запорожском, Донецком шоссе - горели светофоры. К моменту, когда их догадались отключить, было уже поздно.

Долго ли горит светофор? - От 20 до 40 секунд. Но этого порою достаточно, что бы потерял за рулем сознание молодой мужчина, или женщина устроила в машине истерику, или... или ...Да много ли разных или?!

Выехать на встречную полосу? - Но ведь там тоже едут машины, которые возвращаются в город. Одни едут забрать своих, а другие, просто по делам, едут, еще не чуя беды, или заставляя себя в нее не верить.

В 23.00 первого дня беды мощное ДТП случилось на Запорожском шоссе, в 00 часов – и на Донецком. В обоих случаях сценарий развития событий был одинаков: замершие на 30-40 минут машины, смерть нескольких водителей, и пробка цементировалась их автомобилями. У кого-то кончался бензин, кто-то просто уходил, падал в обморок, умирал или погибал, и к рем часам ночи паника запечатала город.

И те, кто не смог мог уехать, увезти с собой семью, шли домой, в темноту подъездов, лифтов и открытых дверей квартир, где их ждали

те, кто еще недавно были их соседями.

И ТЕ были голодными.

Нельзя сказать, что власти ничего не предпринимали. Их реакция была настолько естественная, и так же естественно менялась, как поведение английского матроса с 'Титаника': от стоического *«сохраняйте спокойствие»* до *«Help me! please!»*. И все - на протяжении буквально одних суток.

Было выступление мэра, было выступление главы областной администрации, были выведены внутренние войска на улицы города...

А потом была сделана ошибка, что часто, хуже, чем преступление: был отдан приказ о незамедлительном умерщвлении всех бродячих животных в пределах города, а так же, по негласной рекомендации из Киева, отданной в конце первого дня беды - у всех умерших от укусов - немедленно повреждать головной мозг. Еще до того, как они успеют 'вернуться'.

О том, что от укуса обращенного, человек может не только умереть, но и сам обратиться поняли все достаточно быстро. Поэтому, по-сути последний приказ столицы (который последним и оказался - в самом прямом смысле) обсуждению не подвергался. Через средства связи, смс-рассылкой, по умирающему Интернету был послан месседж: убей пса, пробей голову умершему, пока он не восстал.

Только несколько дней спустя природа Беды показала что «обратившиеся» тупы и относительно неповоротливы только первые часы. Потом они начинают по-своему умнеть и ускоряться. А при благоприятных условиях - даже морфировать, в сторону кратного ускорения, увеличения мускульной силы, становясь в таком случае крайне и крайне опасными. И лучшим способом для этого было поглощение белка особей своего вида, которые еще не стали или не успели стать «обратившимися».

Люди которых становилось все меньше и меньше, по сути, в течении недели готовили сверх питательную 'еду' для ускоренного ап-грейда 'обратившихся'. И поняли это слишком поздно.

К концу вторых суток беды в городе начался ад.

Когда враг подступает к городу - армия выступит ему навстречу: давать бой в городских условиях не самый лучший выход.

Когда враг прорывается на улицы - начинаются уличные бои. Тут сложно. Но по крайне мере ясно кого ты защищаешь, кого надо

уничтожить.

Но что делать, если враг не носит знаков отличий? Что делать, если на нем может быть форма военного, халат врача, или вообще одет в цивильное, - например, в больничный халат, спецовку уборщика, или костюм офисного клерка. Как поступать милиционеру или солдату, если врага никак не отличить от мирного жителя, - пока не подпустишь его к себе на близкое расстояние?

Практика показывает, что в таких экстремальных случаях, до прояснения ситуации, носители погон и оружия начинаю организовывать 'очаги спасения', где занимают оборону и спасают в первую очередь себя любимых, своих семейных, ну и вообще - всех кто к ним пробьется. Последних - по остаточному принципу, разумеется.

Днепр тут не стал исключением.

«В осаде» - 20.03.2007г. - 8.00 - Его ведомство только проснулось: топот ног по утру в коридорах, хлопки открываемых - закрываемых дверей.- Здание как будто жило прежней жизнью, но его чутье уже подсказывало, что что-то идет не так: толи утренняя чечетка расходящихся по кабинетам людей ему казалась громче обычной, то ли утренних звонков больше чем надо. Но что-то было явно не так, не так как обычно. Не так, как еще вчера или неделю назад.

Закончив нужные процедуры по экстренному оформлению отпуска и передаче текущих дел своему 1-му Заму -КОСЕНКО Евгению Борисовичу - высоченному лбу 35 лет, он стал ждать Анюту. Та прибыла без опоздания. Два баула с продуктами были протащены в его кабинет, и Аня - молодая симпатичная девочка, отправлена домой.

А на двери его кабинета красовалась понятная надпись:

'**В отпуске до 25.03.2007г - И.О. до возвращения назначен - Косенко Е.Б.**'

20.03.2007г. 10.07 - Его мобильный зазвонил в первый раз около 10.00., но Кравчий проигнорировал звонок. - В течение часа ему звонили еще около дюжины раз, с разных номеров - в основном рабочих, но его трубка лишь мигала на столе, показывая номер жаждущего его услышать абонента. - Он сейчас в отпуске - имеет право на 'неответ'. А для решения текущих дел есть И.О. - пусть и отдувается. Сунуться же в его кабинет могут только с санкции Службы

собственной безопасности, а для этого нужно сделать что-то ну совсем 'героическое'.

Около 11 часов дня Кравчий тихо матюгнулся про себя, и полез вынимать батареи из мобильных. Сначала из своего, а потом настала очередь жены и детей: целенаправленно сейчас его искать не будут, но вот исключить ситуацию, при которой прикола ради глянут, где это он ныкается - исключить было нельзя.

20.09.2007г. - между 11.00 и 11.30 - В принципе Сергей Петрович не был злонамеренным дезертиром или трусом. Просто он получил очень противоречивую информацию, которой ну никак нельзя было верить, но которой имелось косвенное подтверждение. А посему он, не мудрствуя лукаво, решил последить за событиям - до конца дня. А там, если информация, полученная от 'этого параноика' не подтвердится, он спокойно и с достоинством выйдет из кабинета и отправится в свой заслуженный 4-х-дневный отпуск абсолютно ничем не рискуя. Так сказать его план 'А'. Но вот что делать, если слова 'параноика' будут хоть сколько близки к истине Кравчий не знал...Он как раз думал над планом 'Б', когда, совершенно неожиданно для него случился бунт.

- Я не могу больше тут находится, Сережа. Мальчикам - нужно в школу, мне и маленькому - свежий воздух, а твоей маме - покой, - начала заводить шарманку супруга уже второй или третий раз за полчаса. Тон ее с каждым разом становился все громче, и того гляди, грозил сорваться в истерику. Ну а то, что беременных баб успокаивать занятие долгое и неблагодарное, Сергей Петрович знал не понаслышке.

Фоном ее очередного заявления в этот раз стало тихое нытье детей и вопросительное молчание матери.

Если бы они были дома, он мог бы на нее гаркнуть, 'протиранить' или сделать другой пасс, дрессирующий персональную покорность и общее послушание.

Но сейчас их тут как бы не было, и, несмотря на то, что кабинет его был со звукоизоляцией, шуметь ему ой как не хотелось.

- Юлечка, сядь и успокойся, - голос его против обыкновения был спокоен, сдержан и почти ласков.

- Сережа!- Голос у Юлечки стал дрожать, рискуя окончательно сорваться на взвизг, - что происходит?

- К вечеру увидим, - буркнул Сергей Петрович. – А сейчас надо посидеть - тихо как мышки.

- А делать то нам что?

- Ноут вы с собой взяли?

- Да! Но... - лицо супруги было растеряно, и она явно не знала что делать.

- Вот значит открывай его и ищи...ищи любую информацию в новостях, которая тебе может показаться странной. А если все будет в порядке, то уже вечером мы будем дома. Если я был неправ - я буду очень этому рад.

- Хорошо, Сереженька, но...- договорить она не успела.

Стрельба раздалась неожиданно и практически рядом. Кто-то стрелял в коридоре. Кто-то истошно истерично кричал, а кто бежал и барабанил в двери вдоль всего коридора. И в их двери тоже кто начал стучать, прося о помощи.

Кравчий успел крутануться так, что бы одновременно сделать несколько разнонаправленных движений: прижать к себе жену спиной и зажать ее рот своей правой рукой, обхватив ее бьющееся в испуге тело левой, повернуть к испуганным детям и матери голову и, приоткрыв рот, показать им демонстративно прикушенный язык.

Его поняли все - и дети с мамой кивнувшие головой, и Юлечка, переставшая биться и позволившая своему телу успокоиться в руках мужа. - Открывать дверь Сергей Петрович не стал, хотя голос кричавшего человека узнал почти сразу, и от этого знания на душе у него стало очень нехорошо.

20.03.2007г. -11.03 - Сейчас он слушал лишь то, что мог прослушать, оставаясь незамеченным, ведя лишь пассивное наблюдение за развитием ситуации. Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что, сидя в кабинете, и не имея связи, мало что можно понять. Но это было далеко не так - у Кравчего были свои источники - прямые и косвенные, которые позволяли ему анализировать развитие ситуации. Он не мог участвовать в селекторе, но мог видеть интенсивность переговоров и число участников, он не мог знать, куда выезжают машины, но видел, что возвращаются далеко не все, - как автомобили, так и люди в них сидящие.

Ситуация в стране и в мире его сейчас абсолютно не интересовали - повлиять на нее он никак не мог, - так стоило ли обращать на это

внимание?! А вот то, что сейчас происходит в 20-30 метрах от него - было для него куда как важнее. Исключения составляли лишь сообщения о «зомбЯх» или «обратившихся», как их успел окрестить местный жаргон, - их Кравчий выделял особо.

Нет, он мог бы конечно окончить свой краткий отпуск прямо сейчас, - но что бы он получил?

В лучшем случае его бы вынудили принимать решения в режиме цейтнота при недостатке информации. А для этого он своего Женю И.О. и назначил - вот пусть и отдувается.

В худшем случае его кинули бы, как, наверное, кинули уже всех остальных сотрудников его Департамента, на улицы. И уж там ему было бы точно не до анализа ситуации.

Поэтому самое разумное для него было - просто ждать, потихоньку собирая и анализируя информацию....Одним словом - 'не светить' и отсидеться.

20.03.2007г - 13.15 - В здании снова кричали. - Громко, истерично, так, как могут кричать взрослые, сильные и до усрачки перепуганные мужчины.

Крик, надрывный и истеричный, шел из одного места, но откуда именно - Сергей Петрович точно не знал.

Затем, через минуту или около того, раздалось пять или шесть выстрелов, и крики смолкли.

Зато стал слышен топот множества ног, бегущих с разных концов громадного здания к источнику задавленного крика.

20.03.2007г. - после 14.00 - Снова стрельба. На этот раз вместо одиночных выстрелов из пистолета, как было в первый раз, были слышны очереди и одиночные выстрелы сразу из нескольких видов оружия. Стреляли и кричали одновременно сразу в нескольких концах здания. Это могло означать сразу две вещи - с одной стороны степень угрозы возросла, но с другой - система охраны здания успевала отреагировать на выросшие угрозы, вызвав заблаговременно подкрепление.

Кравчий отметил, что сыновья держаться неплохо. Мать тоже. А вот Юлечка кажется, поплыла. – Ну да ничего, решил он. Так даже лучше. Было бы куда хуже, если бы у нее случилась истерика.

Остается просто ждать, пока ситуация разрулится без него. Или, что более вероятно, проблема обретет четкость.

«Этих», как окрестила их Юлечка, они видели несколько раз в течение дня, - бредущих куда то или стоящих в тени зданий.

Их намерения сразу стали ясны, когда один из «этих» сумел-таки схватить проходившую мимо бабку (кажется, у той были проблемы с ногами). - То, что было дальше, Кравчий не разрешил смотреть ни жене, ни детям. Матери он ничего говорить не стал, но она и не горела желание быть наблюдателем.

Его неприятно напрягло то, что «обращенный», который навалился на бабку, действовал очень быстро. Очень! Со скоростью не свойственной обычному человеку, - и это действительно беспокоило. И давало повод для раздумий.

Ночь прошла тяжело. Дети не привыкшие спать на полу все время ворочались, да и для беременной жены с восьмидесятилетней матерью кожаные диваны оказались не вполне удобным и привычным ложем.

Но выбирать особо не приходилось.

В городе периодически раздавались выстрелы. Пару раз за ночь кто начинал кричать в самом здании СБУ, и начиналась стрельба. Потом все умолкало до следующего крика в ночи.

И от этих криков его семейные, измученные за целый день, просыпались. Но лишь за тем, что бы снова упасть в объятия липкого дурного сна.

Просто тяжелый день - 21.03.2007г. - - Следующий день выдался тяжелым во всех отношениях.

Сначала было пробуждение, - неприятное и неудобное для всех, вне зависимости от того, кто где спал - на диване под плащом, на кушетке под слоем скатертей или просто в кресле у компьютера.

Затем со стороны сыновей была попытка тихого бунта, подавленного впрочем, в самом зародыше. - Банальное желание сыновей сходить в туалет по-маленькому пресеклось Сергеем Петровичем простым и недвусмысленным образом: и Павлик, и Ваня теперь должны были справлять свою малую нужду не выходя в туалет, а прямо тут - в комнате. Под резервуар Сергей Петрович выделил 10-литровую баклажку из под воды, и сам же первый показал пример как ее использовать. - Сколько они тут пробудут, и как долго он «будет в отпуске», Сергей Петрович еще не знал. И поэтому решил, что стоит придерживаться режима маскировки по типу 'тут никого нет': лишний раз по комнате не топать, воду в санузле не спускать, - уж больно

слышно в уборной соседнего кабинета. Короче говоря - сидеть тихонечко и не отсвечивать. - Для женщин впрочем, учитывая их положение и физиологию, он исключение сделал, посчитав, что лучше пойти на риск чем спорить с двумя бабами сразу, одна из которых его беременная жена, а другая - 84-летняя мать.

Затем был недолгий завтрак после которого обе стороны вернулись к тому, чем занимались вчера: жена с детьми снова оккупировала диван и коврик рядом с ним, а Сергей Петрович - свой рабочий стол. Юлечка 'слушала мир', периодически показывая мужу самые интересные, 'вкусные' места, на которые стоило обратить внимание, а Сергей Петрович - 'слушал' свою контору по мере тех скромных возможностей, которые имел. Дезертировать он не собирался, но и становится жертвой своей или чужой некомпетентности - он отчаянно не хотел.

Впрочем, слово 'слушал' было слишком громким. Сергей Петрович просто отмечал, кто перестал выходить на связь, а кто еще выходит, как идет интенсивность переговоров, как вспыхивают и гаснут 'аватарки' по ходу селекторных переговоров и многое другое. Даже периодически раздающийся треск выстрелов с крыши здания он увязал с активностью десятка 'аватарок' на экране компьютера. - Здорово выручали и пароли зама к паре сетевых ресурсов конторы.

У него не было точных сведений - кто сейчас и чем руководит в этом здании, - он лишь знал, что в мире творится не самое хорошее, и соотносил это с динамикой 'убыли аватарок', со стрельбой в городе и здании, и со многими другими факторами.

Сергей Петрович был не столько аналитиком, а скорее интуитом, но и для интуиции нужна хоть какая-то отправная точка. И ближе к 7 часам вечера, сидя в полутемном кабинете глядя на прислонившихся к дивану детей, на маму и на измученную супругу, Кравчий понял, - пора!!!

22.03.2007г. - 06.30 - Он открыл дверь и вышел 'в мир'. 'Миром' правда, были коридоры родного ведомства, но сути это не меняло. Тут, на 5-м этаже, было относительно тихо, но где-то поодаль был слышен шум шагов. И это была не привычная ему чечетка офисных туфель и ботинок, а настоящий микс из ударных, самыми тяжелыми из которых были армейские сапоги.

Выйдя утром из своего добровольного заточения, Сергей Петрович не узнал то, что еще вчера было его конторой. Изменились люди и стены. Люди были другие - разных ведомств, служб, раскрасок камуфляжа и фасонов штатской одежды, - одни еще спали на стульях, другие - слонялись чего-то ожидая. Их было не так что бы очень много, но почти все они были с оружием. А еще непривычно было наблюдать, как во многих кабинетах располагаются гражданские - в основном женщины и дети.

Он не спеша обошел все этажи здания кроме первого, куда решил пока не спускаться - во избежание. И повсюду видел одну и ту же картину - непонятные люди, незнакомые женщины и какие то дети, одиночки и группки - старательно не замечавшие друг - друга, воющие в истерике женщины и впавший в ступор мужчина, труп подростка с разбитой головой лежавший в темном, мало населенном коридоре второго этажа. - Как правило, рядом с женщинами и детьми располагалось двое-трое вооруженных мужчин, в форме или в штатском, принадлежавших его конторе или какие то левые МЧС-ники...

Вдруг, чей-то тихий и тоскливый то ли вой, то ли стон из ближайшего кабинета привлек его внимание. Он знал владельца этого помещения, и потому рискнул приоткрыть дверь 'шумной' комнаты, где и увидел источник шума. Женщина лет сорока, обняв девочку подростка, сидела на полу и выла, глядя в пустоту - тихо и страшно. Он не стал входить или чем-то обозначать свое присутствие, лишь отметив, что кроме женщины и девочки из приоткрытой двери кабинета видны еще и ноги бывшего владельца этого помещение. Остальную часть тела лежащего на полу из его точки обзора увидеть было невозможно, - впрочем, Сергей Петрович и не горел желание увидеть того, над кем Ларка так рыдает, - и так было ясно, что Иванчук спекся, а успокаивать его вдову интереса у Кравчего не было совершенно никакого.

Впрочем, как человек наблюдательный Кравчий оценивал не только людей, - стены тоже кое-что могли рассказать - они были красные и в отметинах пуль. А это говорило о многом.

Сергей Петрович оказался прав в своих догадках - за эти два дня их контора понесла страшные потери - погибшими,

откомандированными, пропавшими без вести, да и просто - дезертировавшими...

Но положительный момент был - практически все его окружавшие люди были ему неизвестны или малознакомы. И это было хорошо, потому как и на него тоже мало кто обращал внимание.

Женю, своего зама, - высокого мужчину лет 35 лет, с кругами под покрасневшими глазами и заспанным лицом, он нашел там, где он и должен был быть - в его кабинете, этажом ниже.

Впрочем, кабинетом это уже не было, и тем более только Жениным. - Кроме Евгения его жизненное пространство занимали еще двое 'конторщиков' (их Кравчий не знал), а стол был заставлен несколькими широкоэкранными мониторами с выведенными на них квадратиками камер слежения. - 'Конторщики' проигнорировали Кравчего, а Женя, видимо на правах старшего и не пялящегося экран, увидел шефа сразу, и, округлив удивленные глаза, сделал приглашающий присесть жест (На который впрочем, Кравчий ответил кивком головы в сторону коридора).

Последовало короткое и крепкое рукопожатие, и мужчины уже готовы были выйти, когда один из двух внешне интеллигентных молчунов взорвался:

- 7-й, 9-й - какого хуя?! Переход периметра - 3-й раз за час. Снова на вашем участке? Тебе с крыши плохо видно, вниз к Ковальчуку, в штрафники захотел?!

Сергей Петрович находясь уже в коридоре, успел услышать как в ответ, словно извиняясь за недосмотр, из динамиков раздался треск выстрелов, по все видимости с крыши здания.

22.03.2007г. - 06.55 - Досрочному появлению шефа Евгений даже обрадовался. Стала понятна и та стрельба, что случилась два дня назад в управлении, когда сначала так страшно кричали, а потом стреляли.

Оказалось, что Зам. Главы Департамента Контрразведки, Игорь Бортник, звонил не только ему, Кравчему Сергею Петровичу. В принципе едва ли можно было найти человека в Управлении, которому Бортник НЕ успел позвонить.

Ясное дело, что *'бред этого свихнувшегося параноика'*, как назвал его 'папа', никто в серьез не воспринял. Более того, к нему на квартиру была даже отправлена ГБР (Группа Быстрого Реагирования), но его там не оказалось.

'Параноика' удалось повязать только к обеду, но события и факты, происходящие в городе, да и не только в городе, - не на шутку встревожили руководство Управления.

В связи, с этим, к 13.00 'папа' объявил общее собрание начальников всех Департаментов и Служб, - «Великий хурал», как шутили между собой приглашенные. - Столь беспрецедентный шаг объяснялся как событиями, происходящими в городе, так и странной паранойей Бортника, очень удачно объяснявшей эти события.

Кроме того, выяснилось, что 'папе' звонил не токмо Бортник, но и его старый однокашник из Москвы. О чем они там говорили - осталось неизвестно, но факт остается фактом: после разговора с Москвой Начальник Областного СБУ объявил общий сбор всех и вся на совещание.

- Ты в 'папином' кабинете часто бывал? - спросил Евгений, и, не дожидаясь ответа, продолжил, - Вот там и прозаседали. Недолго, правда.

-Продолжай..

- Енукидзе - хорошо знаешь?

- Ну, дык кто же его не знает, - Руководитель Военно-Медецинского (управления), нормальный мужик.

- Был. Был нормальным. Его на выезде больной сильно за руку цапнул, ну а он таким и пришел на собрание - в бинтах и испарине. Сознание потерял прямо во время нашего 'Великого Хурала'. Врач только что смерть и успел констатировать...За минуту буквально отошел.

- А дальше? - подтолкнул Кравчий замявшегося Евгения.

- Я вышел распорядиться о вывозе трупа. Отошел шагов на десять, а оттуда - он махнул в сторону предполагаемого кабинета - как заорут. Нехорошо так кричали. А двери закрыты. Их 'папа' велел закрыть во избежание паники.

Евгений замолчал секунд на тридцать, а потом продолжил говорить короткими рублеными фразами, глядя, словно сквозь Кравчего. Видимо ситуация, в которой он совершенно случайно избежал гибели, его сильно проняла.

Со слов выживших, Енукидзе поднялся для всех - совершенно неожиданно.

Паника началась секунд через пять. После того как *обращенный* с того света Енукидзе вцепился в щеку своего соседа...

А дальше – произошло несколько совпадений приведших к трагедии: 'наименее ценные' кадры сидели подальше от шефа и поближе к двери.

'Малоценные' бывали у шефа не так часто, и видимо, кто то из них или не знал или забыл, что дверь открывается 'вовнутрь'. В панике он навалился на нее, не давая открыть дверь тем, кто был сзади.

- А дальше. Ты можешь себе представить, продолжил Женя, - пробка у двери, паника.

В него же и стрелять пробовали...и... - он замолчал.

- Сколько? - Только и смог спросить Кравчий.

- Четверых сильно подавило у дверей. Сильно, но живы, еще у троих серьезные ранения от 'рикошетов', один инфаркт....и.. - Женя замялся.. - порядка пяти или шести человек было укушено. Шеф не пострадал - рядом было окно - он встал на подоконник и звал оттуда на помощь.

- Кого? Кого покусали то?

- Если не ошибаюсь - то среди укушенных были и руководитель Департамента по борьбе с коррупцией и Руководитель службы по мобилизации и ГО. И...- Женя замялся. - Чем все закончилось, догадываешься?

- Боюсь, что моей фантазии тут не хватит.

- Большая часть покусанных пострадала не сильно, - в основном кисти рук. Раны им обработали и все за исключением 'коррупционера' оправились по своим Службам и Департаментам.

- Хреново.

- Угу. Знал бы ты, что тут позавчера творилось. Кто поумней - в кабинетах заперся и носа не казал, - как я. - Добавил Евгений, щурясь каким-то воспоминаниям.

- А 'папа'?

- Не пострадал. Еще вчера утром пытались разобраться - в силах, задачах и полномочиях, а сейчас уже просто плюнули. Слышал что 'папа' давеча доказывал кому-то в Киеве, что разгребать все это гамно - в первую очередь обязанность СЭС, МЧС и МВД, ну и никак не наше. А наше дело - сторона и самооборона. А сейчас, наверное, уже и доказывать то некому.

- В смысле?

-В том смысле, что со вчерашнего дня, с вечера, столица уже не отвечает.

- А шеф?

- Он сейчас всех кто более-менее с головой вокруг себя собрал.

- Много собрал?

- Тех, кого наскреб? - Мало! Народ ныкается. Один Вы у нас такой, который из отпуска вернулся. Народ сейчас в большей степени, наоборот, - в 'отпуска' уходит. А некоторые... - Женя, замялся, а потом продолжил, - С Ольховским часто пересекались?

Кравчий задумался. Сергея Петровича Ольховского, начальника Департамента оперативного документирования, он знал в целом неплохо: мужик как мужик, без закидонов, не псих, на себе ездить не даст. Но и без острой нужды другим свинью не подложит.

- Так что с Ольховским?

- Он на совещании был. Кажется, не пострадал. Физически не пострадал, - так правильнее сказать. А сегодня утром... У него там что-то дома случилось. Короче, он позвонил вчера 'папе', мне и еще Ващенко, кажется, Царствие ему небесное, и заявил, что б его не ждали - он уходит в партизаны.

Чего можно было ожидать от других, если даже сам Ольховский, кремень - Ольховский, не выдержал напряжения и послал такое сообщение?! Короче, Ольха не выдержал и спрыгнул.

- А чем сейчас занимаетесь?

- Да в принципе уже все что можно - сделано. Покойный нач-СЭС предположил, хотя правильнее сказать - предполагал, что это подвид бешенства. А кто его разносить в первую очередь могЁт? - Собаки и кошки! Вот сейчас послали охотничьи команды от нас, ДПС-ников и прочих, - послали тех, кто еще есть, и, - Женя понизил тон, - тех, кого не жалко. Приказ 'папы': отстреливать 'ушедших' и всю попавшуюся на пути живность - тоже, всю. В первую очередь - собак.

-Они же..

- Не учи ученых, Петрович, - все предусмотрено. ЛюдЯм дана инструкция - живая дворняга или обратившаяся - валить сразу и в голову. К домашним это, кстати, тоже относится.

- А люди проинформированы? Людей кто спасает?

- Люди - не наша компетенция. Этим уже МВД занимается. Вернее то, что от него осталось.

- В смысле?

- Со столицей связь плохая, вернее уже никакая. Но ценные рекомендации БЫЛИ получены. Надо сказать - вещь вполне себе разумная. На вот, почитай - уже как четыре часа транслируется во всех диапазонах и по ТВ.

Он сунул Кравчему лист, но то, что там будет, Сергей Петрович уже и сам знал: простые рекомендации населению, что делать, если рядом умирает человек от полученных укусов.

-Что делать, что делать - пробурчал про себя Кравчий, - башку ему сразу после смерти проломить, - вот что делать.

Конечно, текст радиообращения был написан куда как в более мягких тонах, но сути это не меняло.

- Слушай, Евгений, а что тут делают пожарные, МЧС-ники и прочий люд?

- На усиление прибыли, или сами прибыли усиливать нас, или...Петрович, сейчас такой бардак, что я сам не знаю - кто тут главный. Есть 'папа', есть два его зама, и есть еще пара-тройка глав департаментов и служб, которых уже можно по пальцам одной руки пересчитать. Ты вернулся - И то хорошо! Где твои?

- У меня в кабинете.

- Это хорошо, - лицо Евгения вдруг помрачнело. - Только пусть в коридор не сильно выходят. Люди сейчас нервные, и многие уже домашних недосчитываются. Я, слава Богу, холостой.

- А что у нас хозяйством?

Евгений усмехнулся. - Все что у нас есть - это то, что в этом здании. Все остальное, то, что в Аулах на складе, еще утром армейцы к рукам прибрали.

- А 'папа'!!?

- А 'папа' сказал - пусть берут, раз сами защитить не сможем.

- Так легко отдал?!

- Да, так легко! По-моему он сам и предложил их поделить. - Женя, едва не перешел на крик шепотом, - не знаю, ЧТО они там с 'папой' порешАли, но теперь все наше складское хозяйство - это я, ты, да с десяток кладовщиков и охранников, которые сейчас по городу ездят да собачек с хомячками отстреливают. - Ах, да, Вы сейчас

формально 5-е или 6-е лицо в здешнем террариуме, а я - ваш зам. 'Папа', так и подчеркнул, - вернется Петрович из отпуска, возвращаешься под его начало.

- Женя, а что у тебя в кабинете, Центр Управления Полетами, какой то?

-Это Кранч мне зону контроля организовал..

- Кранч это..?

- Да-да, наш дорогой Кранч Иван Николаевич, экс глава Департамента Контрразведки, а ныне Главный действующий и здравствующий комендант здания Управления..

- А ты НЕ-главный?

- А я - неглавный. Временно исполняю, так сказать, обязанности. Ивана Николаевича 'папа' с собой взял. Его, и практически всех более-менее боеспособных, когда в Аулы поехал - склады с военными делить. Меня, вот, временным и назначили.

- Справляешься?

- Кранч с собой человек тридцать самых вменяемых увез к Аулам - как грузчиков-охранников, ну а мне чертову дюжину бойцов оставил. Просил продержаться до завтрашнего утра. Вот мы так и работаем - восемь на крыше, двое со мной в кабинете - страхуют, двое отдыхают, да 'штрафник' у ворот. - Сбежать вчера втихую пытался, не предупредив никого, - его сектор минут тридцать, как минимум, открытым оставался. Чудом, что никто не из 'этих', - Женя мотнул головой в сторону предполагаемых 'этих', - не просочился. Вот мы его к воротам и приковали, - автомат, три рожка - пусть сам себя теперь и прикрывает. Да и нас, заодно.

- Если народу так мало, чего ж ты 'живодерные' команды назад не отзовешь?

- А смысл? Большая их часть и так уже разбежалась. Да и назначали туда тех, будем откровенны, кого не жалко потерять. К тому же тут и так стрелков, случись прорыв вовнутрь, хватит. Просто они мне не подчиняются - народ странный и приблудный, но завтра 'папа' с Иваном Николаевичем вернуться - ими и займемся.

Кравчий Сергей Петрович взглянул в коридор и не смог не признать правоту Жениных слов - 10-12 человек слонялись по коридору, сидели на стульях или просто спали. Многие из них были при оружии.

Он знал, что и на 3-м, и на 2-м этажах, и, наверное, в фойе народу вряд ли будет меньше. Многие из этой 'сбродной солянки' были при оружии и камуфляже, хотя были и штатские, и, что неприятно резануло глаз - штатские при оружии. Были и женщины и даже несколько детей. И всех этих людей объединяла, какая-то застывшая на лицах печать тоски и растерянности.

А еще его терзало смутно подозрение вызванное словами Евгения: 'папа' точно знал, что он вернется, - иначе бы он не отдавал столь точных распоряжений относительно его персоны. А такая уверенность у 'папы' могла быть лишь в том случае, если на его трюк с отпуском 'папа' не повелся. Об этом Кравчему думать не хотелось совершенно, и он гнал эту мысль от себя подальше.

22.03.2007г. 11.00 - Едва ли не все что, что сказал ему Женя - Сергей Петрович знал или догадывался, но ввести себя в курс дел он был просто обязан.

Кравчий шел в свой кабинет, ставший ему тайным убежищем почти на двое суток, и был он и не рад, и не опечален. Да, теперь у него остался лишь мундир, преданный ему и преданный им - Зам, да с пару десятков бывших охранников и кладовщиков, разжалованных в живодеры, и, скорее всего, уже дернувших или погибших...

Зато его не было ТОГДА в ТОМ страшном кабинете, и он не потерял своих, как многие, и в отличие от Ольховского и других - он не дал себе выпасть из системы.

До 18.30 Сергей Петрович был абсолютно спокоен, если не сказать - флегматичен и пофигистичен по отношению к окружающей действительности. С 'кладовщиками-живодерами' и охраной здания справится и Женя, а 'папа' на выезде - пытается порешить делам с военными, которые успели наложить лапу на НЕсвое имущество. И делать ему, Кравчему Сергею Петровичу, сейчас было абсолютно нечего.

Поэтому, успокоив жену и детей и вздремнув часок, он снова начал заниматься тем, что делал последние полтора суток – начал слушать, слышать и анализировать, - не по нужде уже, а скорее по уже выработавшейся за несколько дней привычке. Но уже с возможностями человека вернувшегося из 'краткосрочного отпуска' - не таясь и не шифруясь.

Кравчий Сергей Петрович не был ни боевым генералом, способным переломить ход 'битвы', ни рядовым, с пулеметом и зверской физией. Но мало кто знает, что первый заградотряд в Великую Отечественную был создан по инициативе снизу скромным интендантом 2-го ранга.

Новость, которую он услышал в около 18.30 22 марта - его потрясла, а его флегматичное настроение сняло как рукой.

Пока он одевался, натягивая китель, в кабинет ворвался Женя:

- Вы слышали?!

- Да, - ответил Кравчий, - выезжаем немедленно!

«Переворот» - 22.03.2007г. - 23.00

Как показал беглый осмотр - у того мужика-таксиста оказалось откушенной с добрых полщеки и сильные укусы на кисти левой руки, - словно он кого то отпихивался, а еще он явно куда то спешил. Ну а что подвигло его, в последние минуты своей жизни, направить свою побитую жизнью Тойоту в лобовой таран, на машину с мигалкой и особыми номерами, об этом теперь оставалось только догадываться. Возможно, это была форма самоубийства, а может и проявление 'классовой ненависти', или нежелание уходить самому. А возможно - все вместе, замешанное на страхе и отчаянии.- Кругом были пробки, и таксисту-камикадзе просто повезло - он сумел-таки найти свою 'взлетную полосу' длинной в 200 метров для набора скорости и повторить подвиг Гастелло.

Уже смеркалось, да и смотреть было уже особо не на что. Мясо, яйца, мозги, ливер - классический рецепт любимого салата Кравчего – «ошибка сапера». И сейчас одна такая «ошибка сапера» была в том, что раньше было старой «Тойотой». И тройная порция замеса по тому же рецепту была разбросана в служебном «Форде»: сам «папа» и два его зама, лежавшие буквально вперемешку. Все, алес!

Глава Департамента Хоз. обеспечения прибыл не только по тому, что он оставался на тот момент одним из самых близких к погибшим по званию и должности, - не выехать на место их гибели было просто некрасиво, и что более верно - политически неверно. Остальные, равные ему по чину и должности, или пытались наладить координацию с немногочисленными военными (то есть искали, где можно безопасно отсидеться под защитой вооруженных людей), или

уже были дома (понимай - пытались спасти своих), или убыли в неизвестном направлении, а многих уже просто не было в живых.

- С ними то, что делать? - спросил его худой и усталый ДПС-ник, ехавший в колонне сопровождения, но почему-то вслед за погибшими.

-Ты же мечтал иногда, дежуря на морозе, закопать свое руководство, которое отсиживает жопу в теплых кабинетах, - злобно ощерился Кравчий. - Считай, что твоя мечта осуществляется - ТУТ и СЕЙЧАС! Пусть не совсем твое, но и не бросать же генерала на дороге!? - Он махнул в сторону обочины - Тут и закопаешь наших. А этого, - он кивнул на Тойоту, - просто сожги.

- А может - таки в морг, в больницу?

- Ты в больнице давно был?

- Нет.

- А Евгений, - он кивнул на своего Зама, и начал говорить повышая тон, - оттуда чудом вчера ушел. Сам. С боем вырвался. А входил - не один, а группой... Там сейчас ад. Поэтому прикопай их, а сверху для ориентира положи шину, что ли.

Затем, повернувшись к Евгению, спросил, - в Аулы на склады Кранчу уже сообщили?

- Не можем пока связаться - связь не очень.

- Женя, - Кравчий подошел к Евгению, и, глянув ему в глаза, тихо, словно приняв для себя какое то решение, произнес, - ты с Кранчем не спеши пока, не стоит его беспокоить. А утром я сам ему сообщу.

По дороге в родную контору бывший Глава Департамента Хоз Обеспечения СБУ Кравчий Сергей Петрович странно улыбнулся и произнес тихо и про себя: *'Прав был калмык - вчера было рано, а завтра будет поздно'*. А потом достал телефон и стал названивать.

Как объяснил ему Женя, покойный 'папа' не сильно заморачивался принципом формирования 'живодерных команд' - все 15 отрядов разной степени крупноты и полноты были укомплектованы по принципу принадлежности к той или иной службе. Так было проще - отсутствие опыта компенсировалось тем, что люди знают друг друга, имеют уже готового командира.

То, что сделал Кравчий, могло быть воспринято как предательство, а могло и как военная хитрость.

Команда старлея Чалого (санитарный отряд СБУ № 15) сейчас состояла из десятка бывших грузчиков складского хозяйства

Управления, двух прапорщиков и еще десятка человек 'серых' и 'синих' воротничков, числящихся за ведомством Сергея Петровича. А поскольку переводить в 'живодеры' кладовщиков стали только после сдачи складов военным - эта группа была одной из самых многочисленных, хотя и успела сжаться за стуки едва ли не втрое.

С шефом старший лейтенант Виталий Ярославович Чалый пересекался мало, сразу его голоса не узнал, и уже хотел послать дурного мужика, оравшего и сипевшего на него из трубки, но голос Жени узнал и приказ *'валить назад и срочно на базу'* воспринял если не с ликованием, то уж точно что с тихой радостью.

Временный отзыв своих на базу был вполне разумен и взвешен - группы таяли как масло в огне, и их давно надо было срочно переформировать, кого-то усилить, а кого-то распустить. Но то, что шеф начал делать дальше Женю сначала удивило, потом насторожило, а в конце пути - вселило надежду очень быстрого карьерного роста. Очень быстрого.

Женя страховал водителя на переднем сидении, а шеф, сидя на заднем сидении, расспрашивал его о расположении остальных отрядов Управления и их примерную дислокацию. Узнав о девяти группах, работавших в районе жилмассивов Западного, Северного, Левобережного и Краснополья, шеф лишь скептически хмыкнул, - это Женя сидевший вполоборота почувствовал сразу. Зато остальные 'санитарные отряды' и их охотничьи угодья шефа взволновали не по-детски. Телефоны командиров групп у Евгения были, и он, не оборачиваясь, стал диктовать их шефу.

Из пяти оставшихся отрядов телефон СО№4 не отвечал - молчал как командир отряда, так и его зам.

Командир СО № 8 - ответил лишь для того, что бы послать звонившего как можно дальше, дав понять, что ни он, ни его люди больше не служат 'в этом гадюшнике'.

Лишь СО№5 , №9 и №11, чья численность при сложении уже не превышала и пары десятков человек, были на связи и еще по инерции считали себя сотрудникам конторы. Сергей Петрович просто и буднично объяснил им, что в данный момент и до самого утра, скорее всего их формальным начальником является он - Кравчий Сергей Петрович, и поэтому под свою ответственность приказывает прекратить отстрел живности и 'агрессивных граждан', и приступить к

эвакуации своих семей. Промежуточный этап эвакуации семей - квартира командира Санитарного отряда, или другое место - по усмотрению, а окончательный - эвакуация в управление, которая будет осуществлена завтра. А пока что задача 'санитаров' - собрать свои семьи в одном месте и охранять их.

Кравчий говорил спокойно и решительно, казалось, транслируя своим адресатам мысль - все в порядке, я знаю - КАК. И лишь Женя в стекло заднего обзора видел, что его шефу страшно до чертиков: беседуя с командирами санитарных отрядов, он закрывал глаза, только бы не смотреть по сторонам, и не видеть бредущих к движущейся машине «обратившихся».

Покончив с обзвоном 'своих санитаров', Кравчий начал обзвон по другим номерам. Критерии выбора адресатов из памяти его телефонов отличались одной особенностью: условный 'маршал авиации' был Сергею Петровичу откровенно не интересен, но вот если это было майор части 'оборотней в погонах' или МЧС-ников - Кравчий набирал его снова и снова, пока не убеждался что 'абонент не отвечает', или абонент таки не брал трубу.

С ними Сергей Петрович заставил себя говорить еще около часа, пока машина, которую вел Женя, протискивалась между извилин и загогулин затромбированных улиц. - А потом он, наконец, не выдержал: положив телефон, сев поудобнее на заднем сидении, (позволил себе кулем завалится в угол - по молчаливому мнению Жени), и, закрыв лицо руками, замер. - Ему было очень страшно. «Обращенных» или «ходячих» он видел и раньше - из окна своего кабинета, и через видео-хостинги. А нескольких «ходячих» застрелил при нем тот ДПС-ник, который сопровождал 'папу' в его последней поездке, но это была лишь теория или не очень близкая практика...

Но у любого человека есть свой 'порог' или 'критическая точка': и двухчасовой путь на место смерти 'папы' и двух его «гамадрилов» он с достоинством выдержал. Но вот обратный путь...

Женя не был идиотом, и старался выбирать путь, который бы не завел их в тупик. Но очень часто приходилось проезжать мимо остановившихся машин или протискиваться между ними, что бы выехать на простор. И тогда раздавался стук.

Стучали руки тех, кто сидел в машинах. Кричать они не могли – зомби не могут кричать, но вот стучать по стеклу проезжавшего авто,

где сидела такая близкая и вкусная ЕДА, - да, стучать ЭТИ могли вполне....

Последним на что посмотрел Кравчий, - это были две маленькие детские ручки, тянущиеся к нему, и упирающиеся в оконное стекло. И у них не было пальцев.

Женя не осуждал его, - он знал, что такое страх... А еще он знал, какой у страха цвет. Он был единственным, кто смог вчера утром вырваться из 6-й Городской Больницы Скорой Помощи. Единственным из группы, посланной, ныне покойным 'папой' на не нужное уже некому усиление. Тогда еще пытались навести порядок. Что там было - Женя хотел бы сейчас забыть: крики Маркова и Семчука, которых он знал лично, до сих пор стояли у него в ушах.

А он вырвался, и потом, сумев таки пробиться в Управление, долго отстирывал цвет своего страха.

- Возьмите, Сергей Петрович, - сказал Женя, протягивая шефу плоскую дешевую флягу.

- Коньяк?

- Думаю, это вам сейчас нужнее чем мне.

Кравчий с благодарностью принял фляжку, и спустя несколько минут ему стало значительно легче.

23.03.2007г. - 01.00 - Вернувшись в родную контору ближе к полночи, он с ходу устроил ревизию по типу, - кто тут против советской власти? Несогласных, что в данный момент он тут самый главный в этом здании, не нашлось. В принципе результат был немного предсказуем. На стороне Кравчего был временный комендант здания с десятком бойцов, одна из не успевших разбежаться 'Санитарных команд', и почти полное отсутствие 'внутривидовой конкуренции'. Народ банально спасался, и куча его коллег вдруг резко оказалась в отпуске, выехала налаживать координацию связи, улетала на служебном вертолете за консультацией в столицу, не вышла на работу, отсиживаясь дома.

Да и просто - изрядное количество 'среднеранговых самцов' находилось вне здания, или ночевало дома. Но в то же время - в управлении оказалось очень много разного постороннего люда, но при погонах, которые посчитали, что тут таки будет безопаснее, чем патрулировать улицы. Или, как и его коллеги - пришли *'налаживать связь', 'координировать усилия', 'искать выход из ситуации',*

'ожидатьвозвращения' глав департамента контрразведки или борьбы с терроризмом - короче делать что угодно, лишь бы не на улицу, а поближе к охране, забору и стенам Управления Безопасности, и подальше от ответственности. И в этой ситуации возбухать против того, что бы кто назвал себя ответственным за происходящий вокруг бардак - было бы просто глупо.

И в 4.00 утра третьего дня беды Кравчий устроил совет - свой первый совет. Что бы показать немногим оставшимся 'своим' преемственность - собрание было проведено в кабинете его бывшего руководителя. За ночь кипучей деятельности, Кравчий сумел сколотить густую сбродную солянку из среднего комсостава ментов, пожарных и налоговой. И потому-то не такие уж и многочисленные прибывшие, или проснувшиеся в своих кабинетах коллеги Кравчего, и что важно, прибывший из Аулов лидер 'конторских силовиков' Кранч Иван Николаевич, вдруг выяснили, что Кравчий сумел грамотно 'узурпировать' власть. И что им надо сейчас двумя руками держаться за "эту жирную суку".

Папу Римского избирают кардиналы, которых назначил Папа Римский. Это простое правило гарантировало Святому престолу устойчивость в течение десяти веков.

Кравчий не мудрствовал лукаво играючись в демократию, а поступил точно также. Группе из 20 человек в должности от майора и до полковника было предложена должность постоянного члена Совета Спасения: по типу решать будем мы вместе, а отвечать - коллегиально. Люди в Совете собрались разные, знали друг друга не очень хорошо, а немногие уцелевшие 'свои' как огня боялись, что бы им на шею не сел кто-то иной - ну, например 'налоговик' или 'оборотень в погонах'. Вариант - **'а что вы тут делаете в НАШЕМ управлении'** - уже даже не поднимался - Совет Спасения был уже создан де-факто, и для своей родной службы Кравчий оставил 5 вакантных мест.

Поднимать же бучу против 'завхоза' Кравчего со стороны его коллег, вошедших по квоте в Совет, сейчас - означало ставить под сомнение само свое право на занятие вакансии. Да и был вариант, что уже организованное Собрание, в случае его разгона ТУТ, просто сменит свою эгиду на ТАМ - с СБУ на МВД, и в этом случае, СБУ, а вернее, то, что от него осталось, вообще останется с носом. Коллеги Кравчего идиотами не были, и потому дружно сопели, в тряпочку

поддерживая *'этого хитрого жирного урода'* вынырнувшего непонятно откудова.

На первом же голосовании Кравчий набрал 20 голосов из 20.

Пожалуй, это было самое первое и самое краткое собрание Совета Спасения за всю его историю.

Первым начал Кравчий.

- Повестку *'Кто виноват и что делать'* давайте сократим до *'Что делать'*, - в ответ собравшиеся лишь дружно закивали, - И Кравчий продолжил. - Люди хорошо несут службу, если знают, что их семьи защищены, потому, - он вдруг резко обвел взглядом Совет и начал говорить на два тона выше. - Мы уже не можем спасти город. Когда я ехал с похорон своего предшественника, на мою машины бросались зомбаки, - и были они, что называется 'живее всех живых'. - Произнося эту фразу он вдруг представил себе, как пьяный ДПС-ник присев и спустив штаны гадит на могилу его бывшего руководителя. - А ведь не закопает, а так бросит',- подумал про себя Кравчий, и продолжил, - Мы находимся в относительной безопасности только из-за ограды, вооруженной охраны здания и людей сопровождающих членов нашего Совета. - Поэтому мы будем спасть людей - и в первую очередь своих людей. И начнем с семей наших сотрудников. Ну и конечно, он добавил - всех, кого можно спасти. Какие вопросы, - предложения?

- Вопрос, скорее, - подал голос пожилой майор милиции, - мы же тут все не поместимся...

- И? - предложил продолжить ему Кравчий

- Ни я, ни присутствующие не знаем, сколько сейчас в здании точно человек, но мне кажется не менее 300, при чем в значительной степени - гражданские. Нам тут всем тесновато будет.

Кравчий задумался. То, к чему толкал его майор, было на поверхности, но он этот вопрос предвидел. И ИЗБЕГАЛ. Поэтому он сказал:

- Это мы будем решать чуть позже. Давайте лучше прикинем, сколько у нас есть 'штыков'.

Точно ответить, кто из подчиненных членов Совета уже дезертировал, а кто наоборот - прибился, сказать никто не мог, но приблизительно было порядка 200 человек - военных, 'чекистов', пожарных и прочих, - тех, кто при погонах и с оружием. Больше всего людей, причем в массе штатских, было у пожарников, и по самой, что

ни есть банальной причине, - у них были лестницы, и они могли грамотно проводить эвакуацию с балконов и из окон.

Такой мизер людей в погонах и при оружии, которые остались на своих местах, объяснялся крайне просто: когда враг может быть повсюду, лучше защищать своих родителей и детей, чем непонятных и далеких сограждан. А поэтому скрытое дезертирство, начавшееся уже в первый день, к концу второго приняла обвальный характер. Рядовой и младший офицерский состав разбегался по домам со скоростью лавины, прихватив оружие. Но людей можно было понять. Когда жена кричит по телефону, что с верхнего этажа раздаются крики о помощи, а в глазок видно, как на лестничной площадке соседушка в буквальном смысле, ест свою бывшую супругу, - о каком несении службы может идти речь?! Пока я буду защищать старых маразматичек, моя жена и дети пострадают? - Ну его на хуй такую службу!

- Вот с этого давайте и начинать. Эвакуируем сюда семьи членов совета, а потом всех прочих - по старшинству и полезности.. - Он вдруг вспомнил старую злую шутку -*'Найденные экспедиций консервы проверяются на пригодность на наименее ценных членах экспедиции'*. И продолжил, - эвакуация Семей членов совета начнется прямо сейчас. У нас под окном, - Кравчий кивнул в сторону фасада, - стоит БМП. Чей он?

- Теперь наш, - подал голос подпол в форме милиции.

- Отлично. Предлагаю прямо сейчас и начинать эвакуацию в следующем порядке - Семьи Совета, семи военнослужащих, а потом всех, кого сможем... Ну и конечно дать по доступным средствам информации места очагов спасения. Есть у кого предложения? - То, что это предложение будет, он не сомневался. Самый младший и по возрасту и по званию - майор из пожарников, Хруничев, кажется, согласился озвучить его еще до совета. Так что инициатива исходила не от Кравчего. И это было хорошо. И он не ошибся в своем брандмейстере.

-Имеются! - (Надо же, не подвел пожарник?!) - Предлагаю на базе здания СБУ в одном из крыльев организовать временное укрытие для семей и близких членов Совета Спасения, - он сделал паузу, - что бы в случае необходимости – их было проще эвакуировать и вывезти безопасное место!

'А так же для того, что бы держать всех вас голубчики за яйца'- про себя подумал Кравчий.

В принципе самое главное за сегодня уже произошло. Его избрали, согласились что он тут самый главный, и готовы были дать ему залож...(некрасиво слово)..-доверить своих близких. Но оставалась мелочь, которую он просто должен был сделать - члены Совета должны были почувствовать свою важность и значимость, поэтому Кравчий продолжил:

- Как правильно заметил (Кравчий на миг сощурил глаз, читая схему расположения Членов) - Григорий Геннадьевич (людям нравятся когда их называют по имени, и Кравчий это хорошо знал), - в самом здании СБУ у нас мало места, и для формулы '300 человек + семьи' , пространства может быть хватит, но больше - вряд ли...Мне НУЖНЫ ВАШИ предложения. Опорные пункты нам нужны! И они должны быть удобными для защиты, близко-стоящие и из которых можно потом эвакуировать людей.

ОбЧество начало гудеть, и гудело минут 15, пока Кравчий не прервал словами: 'Итак, господа сенаторы, к чему мы пришли?'.

Результатом обсуждение стал выбор едва ли не двух десятков 'зон спасения'. Посмотрев на предложенный список, который написал каждый из присутствующих, Кравчий отметил, что чаще всего предлагали, помимо здания СБ, территорию речного вокзала, комплекс высоток 'Две башни' и казармы Юридической Академии.

- На них этих четырех точках давайте и остановимся, - резюмировал глава.

- А как же остальная территория города? - спросил его единственный в совете МЧС-овец?

- С утра у нас было 200 человек в разных частях города, а сейчас, наверно, человек 20-30 уже успело разойтись по домам...И еще столько же разойдутся, пока мы будем спасать семьи Совета. Мало у нас людей для такой операции, к тому же что-то мне подсказывает, что чем дальше мы будем отходить от реки вглубь города, тем больше мы будем сталкиваться с различными самопровозглашенными и самозваными комитетами спасения и прочими самоспасальшиками. А оно нам надо? Всех мы спасти не сможет - так давайте спасем хотя бы тех, кого реально спасти, - подытожил Кравчий.

На этом выработка глобальных вопрос закончилась, и началось обсуждение банальных тактических вопросов: как стянуть к зданию тех немногих, кто еще не успел заняться самоспасателством, очередность эвакуации, количество эвакуируемых, набор вещей, которые можно эвакуировать (сошлись по чемодану на члена семьи, + все продукты, одежда и оружие какое есть), чем эвакуировать (сошлись на необходимости задействовать БМП - на машине ездить было уже опасно) и еще куче разных мелочей, которые Кравчему в голову бы просто не пришли, займись он этим самостоятельно. А так - спасибо, подсказали!

Когда члены Совета начали расползаться по городу за своим 'приданным' - оставшимися в их прямом подчинении людьми, и просто за СВОИМИ людьми, Кравчий понял, что у него есть пару часов для сна.

Он вышел из кабинета своего бывшего начальника, и, предупредив Женю, где он будет, поднялся на этаж выше, в свой родной и уже бывший кабинет. Там его ждали, и ждали - свои. Сыновья глядели на грузного и усталого отца широко раскрытыми глазами. Раньше Кравчий многое бы отдал за такой взгляд со стороны сыновей-подростков, но сейчас он так устал, что ему было просто все равно. В глазах его матери был не детский страх, и лишь Юлечка была спокойна до невозможности. Вернее она была никакая.

Мать, скорее всего ее, накачал валерьяной. На 3-м месяце нервничать - не самое лучшее,- подумал Кравчий.

Он повернулся и взглянул в зеркало: оттуда на него глянуло большое красное и заплывшее жиром лицо 60-летнего мужика, весящего под сто пятьдесят кило, два маленьких и красных от недосыпа глаза, лысина и запах немытого тела, который хоть в зеркале и не отражался, зато самому новоявленному диктатору был прекрасно слышен. *'Ну, точно, как свинья'* - подумал про себя Кравчий. Но тут же улыбнулся, вспомнив как Юленька, в минуты близости кричала впившись ему в спину - **'ТЫ мой вепрь'.** Те же яйца, только с другого ракурса, но гораздо приятнее считать себя грозным вепрем, чем жирной свиньей.

В комнате были его близкие - все кто были у него в этом городе и в этом мире. И они слышали все, что было наверху. Так захотел сам Кравчий. Он понимал, что нынешний исход был самым

благоприятным из всех возможных, но ведь были и другие варианты, не самые лучшие, вплоть до - *'кончайте эту наглую суку'*. Поэтому, включив селекторную связь со своим кабинетом, он знал, - случись чего, у его родных будет шанс дойти-добежать до их машины и попытаться уйти. Слава Богу - этого не понадобилось.

Кравчий осел на диван - впервые за три дня, а потом и вовсе лег. Сильно болело сердце и хотелось спать. Мать сняла с него ботинки, а сыновья начали подсовывать под голову ворох из полотенец, символизировавших подушку. Вырубаясь от напряжения, Кравчий успел произнести: разбудить через три часа, или в случае плохих новостей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ – «МОЗАИКА - утро, день и ночь»

Часть первая - Утро, 26-го марта

09.00 - Кравчий Сергей Петрович, Днепропетровск, здание управления СБУ - С момента своего демократического самоназначения на пост 'Спасителя Отечества', как он сам себя в шутку называл, прошло лишь несколько дней. И за это время Кравчий не раз и не два с сожалением отмечал, что раньше работу психологов он недооценивал.

Тогда, несколько дней назад, он проснулся гораздо раньше назначенного самим себе срока. Его никто не будил - ни жена, ни мать, ни дети, но трудно уснуть рядом с гигантским муравейником, или громадной мерно работающей машиной.

Краткая пробежка по зданию показала, что люди стали пребывать. Сначала семьи Совета, а потом пришла очередь и семей простых солдат, ментов, мытарей, пожарных, и, как он их про себя называл - примазавшихся к ним лиц, решивших *'сохранять спокойствие'* рядом с вооруженными людьми.

К 17.00 того же дня всех кого могли вывезти из гибнущего города по списку №1 - вывезли. Но вместо 150 человек, как было объявлено в списке, бронетранспортер и машина Управления Безопасности смогли вытащить не более 80 человек. Причем пятеро их них уже были явно укушены, и, распоряжением Жени, были изолированы.- Сам Сергей Петрович уже неоднократно ловил себя на мысли что своего зама он про себе называл с приставкой 'мой', - так словно бы Евгений был продолжением воли и мысли самого Сергея Петровича.

Затем настала очередь 'нижних чинов'. Там процент спасенных был ниже раза в два-три как минимум. И сейчас по зданию бродили 'приведения' - снулые, плачущие, усталые люди, потерявшие своих и свое навсегда.

И отовсюду раздавался плач. И он был разным, этот плач - там были и счастливые всхлипы, и отчаянный нечеловеческий вой от тоски за ушедшими. Сергею Петровичу вдруг вспомнились слова барда '*И отплакали те, кто дождались, Недоедавшиеся отревели...'*

Плач и истерика раздражала его уже два дня, а еще более пугали участившиеся случаи попыток суицида. Успешных попыток было уже не менее пяти –только за прошлые сутки. И в четырех случаях - это были мужчины. У женщин психика оказалась видимо, более устойчива, а возможно сказывался материнский инстинкт.

А медиков у него под рукой не было, равно как и фармацевтов . Единственным, кого удалось добыть - был студент 3-го курса Медицинской академии - Михаил, - неместный парень, имевший глупость, за пару недель до беды поспорить, - среагирует ли Управление на слова 'динамит', 'взорвем', 'убьем' - в его переписке.

К счастью для Миши - бдительное Управление таки среагировало, и тем спасло ему жизнь: первые три дня Беды он провел в комфортабельной 'темнице' Управления, а на четвертой, был безжалостно выдернут из узилища, для того что бы работать по прямой специальности.

И вот сейчас перед Кравчим Сергеем Петровичем лежал список, - как он его сам назвал, список № 1 - ФИО, родственные связи, подлежащих эвакуации в первую очередь....

№ 1 - Петров Николай Сергеевич, МЧС, майор Саша, сын, - Э Галина, жена - Э

Напротив Петрова стояла пометка, что все 'Э', т.е. ЭВАКУИРОВАНЫ.

Кравчий задумался на мгновение, а затем написал нехитрое уравнение *Петров2 Эвакуировано/ 2 Заявлено = 1.*

Словно бы по наитию он посмотрел ниже, уже по-памяти зная, что он там увидит...

№2 - Асадзе Василий Григорьевич, СБУ, майор Яна, дочь, -Х Яна, жена - Х Павел, отец - Х

Крест, напротив фамилии в комментариях не нуждался, но на своем листике ниже он написал

Асадзе - 0 Э / 3 Заявлено = 0

Напротив Асадзе, кстати, тоже можно было уже ставить крест. Слава Богу, хоть в голову стрелял, а не в сердце, - про себя отметил 'спаситель отечества' про вчерашнего самоубийцу.

Легкое возбуждение охватило Сергея Петровича. Он словно почувствовал, что ухватился за правильную мысль, и, боясь ее потерять начал читать дальше.

Следующие фамилии Списка № 1, № 2 и остальных, кто пробивался к ним и просил эвакуировать их близких - очень редко 'давали' единицу. Куда чаще был ноль, или цифра меньшая 0,5.

Руки у Сергея Петровича были цепкими, и если бы ими можно было хватать мысль, он бы сейчас держал ее цепко за горло.

- Женя, буди Михаила, если он еще спит, и давай поднимайся ко мне, - есть срочное дело, - сказал 'спаситель Отечества' щелкнув пальцем по кнопке селектора.

- Что-то взять с собой?

- Бумага и ручка тут есть, а пока больше ничего не надо. Жду! Это очень срочно.

09.30 - Детский Дом им. Макаренко. - Для детей это будет потрясением, - а для нее? А для нее - всего лишь жестокой пьеской, написанной за 5-10 минут, перед тем как забыться перед сном. Это будет прогнозируемым скандалом, или, правильнее сказать, запланированной провокацией. Иной раз события, во имя экономии времени, следует подтолкнуть. И быть готовым платить за такое ускорение. А она готова. Просто потому, что 'ресурс' Томы, Прохора, Маши, инвалидов или даже «хунвейбинов» - наиболее вменяемых ребят, - стоит гораздо выше той цены, которую она вскоре заплатит. И даже не она заплатит, а кое кто другой.

Ее Четвертая группа была не самой проблемной, скорее на оборот - самой застойной. От 18 пацанов 12-14 лет, ее составлявших, еще не было особых проблем, - но и, что важно, толку особого тоже не было. Это было реальное болото. Но вот, наконец, толк появится и от болота.

То утро в столовой началось как обычно - в ожидании завтрака дети усаживались за стол, шумели, что то обсуждали или просто слонялись по залу. Но столы были пусты, Томы все еще не было и все внимание детей переключилось на помост, когда там появился один из 'помогальников Мамы' - местный водитель, высоченный и тощего как жердь Кореньков Дмитрий.

Он возник совершенно неожиданно, а поднятая вверх рука - показывала, что он ждет внимания.

- Так, внимание! - Прокричал он, сделал паузу, и продолжил вызубренную речь - Мальчики и девочки, минутку внимания, - Дима опять сделал пауза, просчитал до пяти, как советовала 'мама' и снова продолжил, - большинство рецептов начинаются со слов *'Возьмите*

чистую кастрюлю...'. А Тамара Дмитриевна готовит вкусно и хорошо. И для того, что бы она продолжала хорошо готовить - необходимо, что бы она и ее помощники не тратили времени на разную мелочь, вроде мытья посуды и раскладки порций по тарелкам.

Дима сделал очередную паузу, ища глазами свою 'цель', и найдя ее, продолжил говорить.

- Как известно, большинство персонала в первые дни ЭТОГО предпочло взять бессрочный отпуск, и поэтому, с сегодняшнего дня после окончания приема вкусной и сытной пищи, все учащиеся каждой из групп уходя, складывают свои тарелки и прочую посуду со своего стола - в 'грязную' бадью. Ну а от группы остается герой, который перемоет всю грязную посуду, и аккуратно выложит ее на стол своей группы ровной стопочкой. Дежурим по очереди, смена - каждый день, ну а кто за кем - ищите в списках, что я сейчас повешу на дверях столовой. Это распоряжение Екатерины Тимофеевны! И еще! - Что бы не было путаницы и споров, я оглашу фамилии тех, кто моет посуду сегодня.

Кореньков начал перечислять список из десяти 'посудомоек' на 26 марта.

Заводила 4-й группы - 13-летний пацаненок Миша Ященко, был выбран неслучайно: конфликтный паренек, с гонором, который к тому же очень и очень недолюбливал Диму. - Поэтому и фамилию Михаила Ивановича Ященко, гражданин Кореньков был проинструктирован назвать последней и никак не иначе. Что он к своему удовольствию и сделал. Хотя Дима и не блистал интеллектом, но он уже догадывался, что Главная, как он выражался, 'написал махонькую пьеску' и сейчас он играет в ней далеко не последнюю роль.

- 4-я группа, дежурный Ященко Михаил....Михаил, Вы меня слышите. Сегодня Вам мыть посуду за своей группой, - и Кореньков в упор глянул на надувшегося воробушком пацана. Не все, но очень многие увидели, что Кореньков и Ященко смотрят друг другу в глаза, словно перед дуэлью.

26.03.2007г., 09.30 - Ольховский, город Днепропетровск, ул. Ворошилова, - Человек откручивал глазок двери своей квартиры. Зайти внутрь он уже не мог себя заставить, да впрочем, и не собирался. Почти все, что было главного в его жизни - находилось по ту сторону двери. Почти, но не все. - Его дочь Ольховская Дарья

Сергеевна сейчас была в надежном месте - у его друга Коли Мецо. Равно как и те, кого он собирал эти последние три дня. Ну а укол галоперидола гарантировал ее спокойствие еще на одни сутки.

Тогда, несколько дней назад, он получил звонок от Даши, и узнал, ЧТО случилось у них в квартире, когда уже прорывался домой. Даша кричала о том, что бабушку и маму кто-то укусил на улице, дома им стало плохо, - а теперь, а теперь…!!! Мать, жена, две младшенькие дочери погодки 10 и 11 лет ... и Дашенька. - Она то, единственная из трех его детей, и успела запереться на кухне. И Ольховский, взломав тогда пустующую квартиру соседей, кувалдочкой взятой из багажника, смог за 10 минут разбить 'самодельную' общую стенку кухонной лоджии, сложенную из пенобетона, и вытащить потерявшую сознание от ужаса девочку.

А вот войти в квартиру и взглянуть - во что превратились его родные он так и не смог. - Ни тогда, ни день или два дня спустя.

Он их видел несколько раз в маленький 'театральный' бинокль - четыре неподвижные фигурки, стоящие у окна. Но это были всего лишь фигурки, очень похожие на его бывших девочек, жену и маму. И он хотел запомнить их именно такими, а не теми, во что они превратились. А еще он хотел их похоронить, упокоить, но только не оставлять их тут и так.

Защитой от извлечения дверного глазка снаружи обеспечивается большинство выпускаемых глазков, но около месяца назад какой-то доброжелатель ударом молоточка разбил их глазок, и он сам поставил дешевую китайскую версию. Все равно они с Лидочкой планировали ремонт и вкладываться в дорогую оптику прижимистый Ольховский тогда не стал.

И вот, наконец, глазок был извлечен, и он сразу услышал, как с той стороны двери раздалось мерное топтание, а в нос ударил резкий запах ацетона. Сердце Ольховского сжалось: внутренняя дверь, всегда запертая, сейчас была открыта. Значит тогда, кто-то из девочек успел отрыть первую дверь, но не успел или не смог справиться со второй и выскочить на улицу - к спасению и к жизни.

Тоненькая трубочка для перегонки вина, взятая у Коли, была просунута им в образовавшееся отверстие. К концу трубки он прикрепил обычную 'воронку'.

Свет вдоль всего их коридора все еще горел, но двери квартир были заперты. У одной из них стояла обычная кухонная табуретка - очень удобное приспособление для пожилой женщины, которая не хочет ставить сумки на пол, пред тем как открыть дверь.

Вернувшись к своей двери с табуретом и встав на него для удобства, Ольховский начал медленно лить в воронку из тяжелой двадцатилитровой канистры. Потом поставил на пол опустевшую, и взял такую же вторую.

А еще через 10 минут, сидя в Колином Джипе, он смотрел, как погребальный костер хоронит то, что раньше было его семьей и его домом.

26.03.2007г., 09.30 - Днепропетровск, ул. Виноградова, балкон 7-этажного дома, - Его звали Игорем, и ему было 38 лет. Уже вторые сутки он стоял на балконе своего дома. Был он в семейных трусах, футболке и одном тапке. Второй тапок оставался в квартире, где сейчас находились его жена, тесть и теща - голодные и неживые.

Седьмой этаж - плохая высота: слишком высоко для прыжка в низ, и слишком низко для гарантированного самоубийства. Игорь знал это, поэтому от подвигов Тарзана он сразу отказался.

Превалирующим чувством, которое довлело над ним вчера - был жуткий холод. Его не могло ничего перебить - ни страх, ни отчаяние. Ему оставалось лишь мерзнуть и кричать, надеясь на спасение.

Около шести часов вечера он видел, как из соседнего окна попытался вылезти Павлик - мальчишка лет 14. Возможно, он хотел в прыжке достать перил его балкона, но этот прием ему не удался и он упал на землю. Видимо по-своему удачно - криков боли слышно не было.

Это было вчера, - еще вчера ему было очень страшно и очень-очень холодно.

А сегодня эти чувства, как впрочем, и все остальные, его покинули. Навсегда. - Все, за исключением одного - голода.

Пища, которая выпала из окна и упала вниз, была ему уже недоступна, но он знал, а вернее чувствовал, что в той комнате есть еще еда. Не такая крупная, как, та, первая, которая уже досталась другим, но еще есть.

Когда та пища, что осталась в квартире, закричал в очередной раз, он подошел к краю балкона и стал ждать - вдруг прыжок новой пищи

будет более удачным. Спешить ему было уже некуда.

09.50 - Днепропетровск, район станции Диевка - К 25 марта система *'свой-чужой'* в городе и его окрестностях работала уже достаточно четко: если ты едешь, или передвигаешься перебежками, то ты, скорее всего 'свой'. Но если ты идешь пешком, по 'замертвляченной' местности, к тому же едва передвигая ноги, то ты точно, что 'чужой'.

Примерно так попытался сначала подойти к решению вопроса персонал одного из ОЭ - ГБР.

Раньше, это была обычная пожарная машина. Она не обладала броней БТР, ни вместимостью грузовика, или скоростью легковушки. Но она имела два неоспоримых преимущества: люди, в ней сидевшие, водили ее не первый год и хорошо ее знали, и что самое главное, она имела очень длинную пожарную лестницу. А при эвакуации, с этажей начиная с третьего и выше, это было преимущество куда как более существенное, чем броня и мощность техники.

Особая Эвакуационная Группа Быстрого Реагирования - так было написано на их машине. Хотя правильнее сказать - написана была лишь аббревиатура - ОЭ - ГБР.

А всю 'особую группу' составляли лишь три человека - двое вчерашних пожарных - Гриша и Паша (так они обращались друг к другу), 20 и 25 лет соответственно, и приданный к ним в 'усиление' МЧС-овец - уже начинающий стареть дядька, имевший опыт Афганской войны, и поэтому более опытный в умении стрелять.

Выезд группы был неудачен: по заявленному адресу они прибыли точно и вовремя. Но после поднятия пожарной лестницы до 4-го этажа и постукивания окон квартиры, стало ясно, что напротив всех пяти фамилий людей, которых надлежало вывезти, можно ставить жирный 'Х'.

А сейчас они возвращались. Остановка у железнодорожного переезда возле Диевки не была запланирована, но 'чихнувший' и замерший автомобиль дал старт 'второму варианту'. Так троица оговорила свои действия перед самым выездом - что будут делать, если сломается авто: Иван Петрович (как представитель почившего в Бозе Ведомства Ежедневных Ситуаций) занял мест на крыше машины с 'ксюхой', Павел уселся рядом с ним в качестве наблюдателя, а Григорий начал пытаться реанимировать свою 'деточку'.

Переезд был на удивление пустынным - не было ни машин с людьми, ни шаркающих фигур обращенных. Лишь два сгоревших 'Ланоса' перевернутыми тушами лежали неподалеку от ЖД путей, напоминая о наступившей Катастрофе.

Иван Петрович такой ситуации не то что бы был недоволен, но отсутствие каких бы то ни было раздражителей, с его точки зрения, так или иначе, притупляло бдительность. А это уже есть 'nicht gut'.

И поэтому легкое касание плеча, минут через десять после начала аврального ремонта, его даже немного обрадовало

- Где? - тихо, одними губами спросил он

- Да вон же чучело по рельсам, в метрах трехстах отсюда, в нашу сторону, кстати, но не прямо на нас.

- Снять?

- Не стоит. Вокруг тихо, зачем шум поднимать.

- Логично. Пусть валит мимо, как и валил.

Но идущая неспешным шагом фигура 'валить мимо' отказалась. Увидев машину с двумя стоящими на ней людьми, она резко скорректировала свой курс и бойко зашагала напрямик - прямо к машине спасателей.

Еще через минуту стало ясно, что в оценке дистанции они слегка ошиблись - до фигуры было не триста метров, а добрых полкилометра. Просто идущий по рельсам был на голову выше любого из них, а ширина плеч и мускулатура - вполне соответствовали его росту.

Когда же он приблизился - вся троица 'эвакуаторов' смотрела на него уже во все глаза: по рельсам, пешком, Бог знает сколько времени, топал мужик. Живой! И весьма колоритный. Люди выше метр - восемьдесят бывают, но часто их рост нивелируется худобой и сутулостью. А тут этого не было и в помине. Уже издали глаз Петровича отметил, что товарищ весит за сотню килл, высок, плечист, носит явно негражданскую одежду, а красный берет выдавал нем сотрудника 'Кобры'. Еще больший колорит его внешнему виду придавали, когда-то белые, а сейчас буро-рыжые кроссовки и тяжелый длиннющий лом в его руках. Один из концов лома тоже был бурым.

- Вот ведь, блин, лом народной войны, прошептал Петрович, и услышал, как сбоку от него Павел согласно хмыкнул.

А 'лом народной войны', увидав стоящую у переезда пожарную машину и двух человек с оружием на ее крыше, бойко заковылял к

ним.

Заметив направленный в его сторону автомат, он поднял руки вверх, не бросая при этом лома, от чего его вид принял одновременно комичный и зловещий вид, и заорал: мужики, я живой, не стреляйте, пожалуйста! Пожалуйста, не стреляйте! - На лице 'ломоносца' была целый букет эмоций. Самыми легкочитаемыми из них впрочем, были страх и растерянность.

Часть вторая - день, 26-е марта, 2007г.

Около 14.00, Детский Дом им. Макаренко, - Отреагировать на одеяло, наброшенное сзади, он не успел. А то, что сейчас будет - он прекрасно понимал. Поэтому и упал сразу поле первого удара и на левый бок, поджав ноги и закрыв голову руками. Кричать и просить о пощаде он не стал.

Однажды ему уже устраивали 'темную' - не тут и очень давно, но советы данные его тогдашними знакомцами после 'работы над ошибками' Михаил усвоил.

Дети могут быть жестокими, и куда более жестокими, чем взрослые. А еще они не терпят, когда их публично унижают, или, правильнее говоря - 'лошат'. И горе виновнику их унижения!

То, что его будут бить, Миша не то что догадывался, а просто знал. Когда два часа назад его 4-я группа поднялся в столовую на обед, посуда, сложенная его однокашниками в 'грязной' бадье так и лежала с самого завтрака - грязная и немытая. Его не вымыли ни 'кухонные терпилки', как он про себя звал девочек - помощниц Тамары, ни 'посудомойки' других групп. А за четыре часа остатки еды успели крепко подсохнуть и прилипнуть к тарелкам.

Случилось все так, как прописала в своей 'пьеске' Екатерина Тимофеевна, их директор, или, как многие ее за глаза называли - Мама.

Вода в 'питьевом' кране была отключена, а двери в мойку закрыты, ну а ключ - внизу у Тамары Дмитриевны, которая, произведя раздачу по кастрюлям групп, уже давно спустилась вниз.

Никто из его 4-й группы не решился есть из грязной посуды, особенно на глазах у остальных, улыбающихся и хихикающих товарищей, подначки которых становились все громче и громче.

Наконец кто-то догадался сбегать за поварихой, которая после недолгих препирательств таки открыла двери в мойку. И вся группа выстроилась дружным гуськом, стараясь побыстрее отмыть свою

тарелку и съесть уже тепловатый борщ и кашу. А на самого виновника торжества, Мишу Ященко, никто не обращал внимания,- очень старательно не обращал, и это игнорирование было многообещающим.

Около 17.30, те, кто еще подъедал остатки полдника, увидели вошедшего в зал Мишу. Он шел сам и без посторонней помощи, хотя его и слегка пошатывало. Но даже человек не сведущий в медицине отметил бы, что у парня наверняка легкое сотрясение мозга, а гематомы на его лице говорили сами за себя.

Еще через 30 минут вся грязная 'Полдничная' посуда была вымыта, а воспитанник Детского Дома № 5 им. Макаренко Ященко Михаил Иванович поковылял в свою спальню - набираться сил перед вечерним дежурством. И он никак не мог знать, что именно в этот момент руководство этого самого Детского Дома обсуждает его скромную персону.

- Катерина Тимофеевна, вам его не жалко - Мы же сами его спровоцировали?

- Жалко, Маша, конечно жалко. Думаю, если бы мы нашего диабетика, Колю Анциферова поставили 'открывать' список 'посудомоек' в 4-м отряде, то все было бы нормально. А если бы посуду не вымыли еще в паре групп, то и свои Мишу бы наказывали не так строго.

- Тогда зачем?

- Манипуляция, игра на чувстве соц. ответственности - тебе что то говорят эти слова?

- Что-то...

- Вот именно. Границы наказания за невымытую посуду сегодня установили сами детки, - сами для себя. Ну и, кроме того, они начинают усваивать, что теперь каждый отвечает за свои поступки и неисполнение того, что должен. И в ответе не только перед собой, но и пред своими товарищами. Которые спуску за промах не дадут, и спросят.

- Но я ему хоть таблетку дам?

- Это да. Что там у тебя есть - от головы, витамину, - тебе виднее. А на ночь вколи ему аналгинчику, но вопросов - кто бил и за что - не задавай. Не надо этого.

Около 14.30 - Днепропетровск, район станции Диевка - 'Лом народной войны', как окрестил его Иван Петрович, был большим, если

не сказать здоровенным парнем в возрасте 35 лет. Звали парня Валерой, и он действительно работал в 'Кобре'.

Несмотря на свой простоватый вид и шкафообразность, 'народный мститель' оказался довольно таки образованным и общительным. И сейчас его буквально распирало - от страха, радости и всего пережитого, он говорил и никак не мог остановиться.

- ..есть семья...жена, дети - двое, -10 и 14 лет,.... мама, бабушка, собака, папа....любит шахматы… имеет высшее образование…он, а не папа...папа у него в Киеве живет, не пенсии...получил диплом в институте 'Физкультуры и спорта' ..занимался штангой...потом в институте что то случилось...сократили...платили мало ...перешел работать в 'Кобру'....детей двое -десяти ,и четырнадцати... уже говорил? - извините...машину водить не умею....шел пешком... едва ли не день целый от собак дохлых на дереве прятался...

От увиденного в пути, и главное, от того, что он в безопасности и среди живых людей, его начало трясти, и здоровенный мужик, с трудом умещавшийся в кабинке их машины едва не впадал в истерику, и все время говорил, говорил и говорил...

История была его в чем-то стандартна, но имела и свою изюминку. Его супруга, женщина по-своему умная еще с 20-го марта начала обращать внимание на странные новости, просачивающиеся из Интернета. И от греха подальше отправила своего благоверного на мамину дачу - проводить 'весеннюю' уборку. А то ведь еще отзовут из отпуска, и бросят в самое пекло. А так, пока сообщат, пока он доедет - глядишь, все само и рассосется? Не рассосалось...

А сейчас Валера уже четвертые сутки пробирался назад в город, - к жене, маме и детям. Форму он надел, ту, что была у него при себе даче, а из оружия нашел только обычный длинный лом, заточенный с одного конца. Им то он и отбивался последние несколько дней, идя вдоль железнодорожной линии.

- Мужики, вы же сейчас в город, к себе? - вдруг сменив истеричное изложение автобиографии на конструктив, спросил Валера

- А ты как думаешь? - Полувопросительно, ответил ему Павел.

- Можно я к вам? У вас смотрю побезопаснее будет, а то там, пока шел, такОе видел, - и подбородок Валеры начал трястись, как будто жил своей жизнью.

- Думаю, что Петрович, возражать не будет. Нам, такие как ты сейчас нам ой как нуна, и много нуна.

- Так можно? Или...

- Без или. Поехали. Нам в сторону Троицкого (рынка), - ты часто там бывал?

- Постой, постой...Ребята, а моих семейных можем забрать по дороге?

- Адрес называй, - ответил Гриша, закончивший, наконец, копаться в машинной требухе.

- Угол Канатной улицы и Виноградова.

Валера успел заметить, как переглянулись его спасители, но что эти взгляды могли означать, он понял лишь несколько часов спустя, когда они прибыли на место.

Простой дом в девять этажей на улице Виноградова стоял будто неживой. Да так оно и было. Лишь изредка на балконах верхних этажей виднелись стоящие неподвижные фигурки разной степени одетости. И если для Валеры это было все внове, ведь он несколько дней шел пешком домой, то члены ОЭ - ГБР под номером '5' видели такое уже не раз и не два, вытаскивая людей из окон - или по заявке 'списочного' состава управления, или просто, если видели как кто-то отчаянно машет им рукой из окна или балкона.

За несколько суток многомиллионный город схлопнулся на несколько порядков. В нем оставалось лишь несколько тысяч живых человек, и число их стремительно уменьшалось.

Механизм распространения инфекции в первые дни был до банального простой: укушенный приходил домой, где его супруга и дети начинали его выхаживать, мазать ранку йодом, мотать бинты и всячески жалеть. Затем - потеря сознания, смерть, панические крики супруги и детей, попытки вызвать скорую. А потом укушенный и умерший «выходил на иной уровень существования», и как бы «возвращался». И первым и единственным чувствомобратившегося - было чувство голода. А много ли могут люди объятые страхом, если не ужасом, в узком пространстве квартиры? Им очень везло, если они успевали выскочить и укусы получал только один-два человека - те, кто сдерживали *'сошедшего с ума папу'*, или маму, или дедушку, или только что умершую от укусов странной дворняги любимицу хаски.

А на лестничной площадке, на улице их уже ждали те, кто еще недавно были живыми людьми или собаками.

Гибель нескольких групп, которые пытались вызволять 'квартирных сидельцев' нормальным путем - через подъезд, быстро внесла свои коррективы, и теперь на место любителей пострелять пришли пожарные.

Высоту Петрович не любил, но он помнил как в самый первый день вступления в 'организацию Кравчего' вошел в ТУ многоэтажку, чтобы эвакуировать 'списочную семью'. Помнил, как поднимался вверх, страхуя, теперь уже покойного Николая. И как сзади скрипнула казалось бы запертая дверь. Наверное, то была какая то секта, церковь или просто группа людей, решившая, что наступил конец света и *'пора собираться в дорогу'*. Судя по всему - отнюдь не все приняли яд. Возможно, кто-то передумал умирать, и его убили выстрелом в голову, а возможно выстрелом в голову покончил с собой глава секты. Вариантов была куча! Но об этом он думал потом, а тогда он заорал дурным голосом, и рванулся вверх, закинув за спину уже бесполезную «Ксюху». А за ним бодро топая, текли бело-красным нескончаемым потоком 'шустрики'. Его, Колю и женщину с годовалой девочкой, которых они то и шли спасать, сняли с балкона 12-го этажа эти самые пожарные.

Он многого насмотрелся за эти дни, и у них с ребятами уже были и свои наработки. Кабина машины была небольшая - все было под рукой. И поэтому, во время того, как их ОЭ-ГБР медленно протискивалась между застывшими машинами к 'виноградавскому' дому, он краем взгляд указал Павлу на нужное место кабины. Ответом ему был понимающий кивок.

Такие 'домашние заготовки' были наработаны ими достаточно быстро, но все же не так, как хотелось бы. Иначе Коля был бы жив. - Тогда, буквально сутки спустя после их фееричного драп-рейда от "шустрых баптистов", он таки нашел свою семью - у соседей. Всю. Но слишком поздно. Сам и упокоил, а потом вышел из того дома, сел на лавочку и выстрелил себе в голову.

- Приехали. Раздался голос Павла. - Показывай окно.

- Седьмой этаж, вон рядом с тем, - голос Валеры неожиданно дрогнул, - его Игорем звали.

Гриша и Павел начали проводить манипуляции с лестницей, а Иван начал 'пасти' клиента, уже догадываясь, что ему в очередной раз предстоит сделать.

Двадцать пять метров лестницы ткнулись рядом с окном Валериной квартиры и Гриша начал готовится к броску вверх. - Сначала он сделал гипервентиляцию легких, затем оценил высоту, расположение окна и, наконец, шустрым паучком рванулся к цели, с тем расчетом, что если кто и есть неживой в верхних окнах, то достать из окна его просто не успеют. А Павел же, помня о шустриках, занял позицию у лестницы, прикрывая своего напарника снизу.

Как Иван Петрович и предполагал, Грига вернулся довольно быстро и без радости на лице. Когда они впервые встретились, он уже тогда отметил, что Грига уже частично перегорел: для него взгляд и простукивание окна эвакуируемой квартиры означали или хорошие новости...или обыденные. Хорошим - можно радоваться, но можно ли печалиться обыденным?

- Твои? - спросил он, протягивая Валере мобильный.

Простой мобильный телефон оказался достаточно удобной штукой: небольшой компактный, он позволял собрать доказательства того, что на месте они были, но эвакуировать означенных лиц не смогли ввиду их нежизнеспособности.

Валера взял протянутую трубку и впился глазами в экран. Все молчали, понимая что произошло и ожидая реакцию Валеры. А тот все молчал. Иван Петрович уже мысленно успел обрадоваться, что Валера вроде бы как из тихих, когда то вдруг завыл - резко и надрывно.

Ни Гриша, ни Паша, ни Петрович медиками не были, но к подобной реакции они уже были готовы. Валера был далеко не первым кто так эмоционально реагировал на уход из жизни близких, - смертью ЭТО было назвать трудно.

- Сначала крик, потом ругань, а потом он полезет наружу делать глупости, - про себя подумал Петрович, незаметно опуская руку в заранее намеченную нишу.

И тонкая игла, практически незаметно коснувшись бедра Валеры, пошла дальше и внутрь, впрыскивая мощнейшую инъекцию промазина.

Назад они ехали снова протираясь сквозь завалы и в не очень веселом настроении, когда Гриша решил вставить свои 'пять копеек'

- Жалко его. Столько прошагал, что бы такое увидеть.

-Ничего. У нас очухается. Главное что сейчас руки на себя не наложил. Да и не наша это уже забота, - ответил Паша, - эй Петрович, ты чего там смотришь.

-Сейчас....погоди, - Иван Петрович, который одной рукой поддерживал осунувшегося Валеру, взглянул на Гришу, - ты детей видел?

- Петрович, какие дети. Если бы кто там был жив, то 'эти' вокруг них бы столпились, а тут - вся семейка в комнате. Детская кажется, - четверо взрослых. А если бы в квартире живые были - в другой комнате, или ванной - так они бы там топтались. А так...Ходят по комнате кругами. На меня разве что внимание обратили, когда я в окно стукнул.

- А дети?

- Ты по окном лужу крови видел?

- И?

- Я там ботинок заметил. Детский. Наверное, когда в комнату ломиться стали - дети в окно выпрыгнули.

-Логично. Ладно, поехали.

Они уже почти выкарабкались на Рабочую, когда Петрович снова наморщил лоб.

- Гриша, ты помнишь того снулого, в трусах, что рядом с окном стоял на балконе.

-Жмур как жмур, чего его вспоминать?

-Когда мы подъезжали, куда он был повернут, куда смотрел, постарайся вспомнить.

- В сторону ТОГО окна, оно рядом с его балконом, кажется.

- Гриша, ты камерой снял только лица. Расскажи, пожалуйста, что находится в комнате?

Гриша задумался, и начал перечислять про себя, загибая пальцы – два матраса на полу, столик, стул, и.... - Неожиданно он замолчал и испуганно прошептал, - Петрович, надо вернуться, срочно! Блядь, мудак я, мудак!! Не подумал об этом.

Но это было излишним. Павел уже поворачивал машину, стараясь не увязнуть в железном лабиринте застрявших авто.

26-е марта, 2007г.. около 17.30 - район Южного ЖД Вокзала, Днепропетровск - ОЭ - ГБР №7 тоже было создано на базе пожарной

машины, и сейчас оно протискивалось сквозь сожженные или покореженные остовы легковых автомобилей. Еще утром их было четверо: два бывших пожарных - Геннадий и Сергей и два 'солдата' приданных на усиление - МЧС-овец Юрий Григорьевич, еще неделю назад готовившийся к выходу на пенсию, и бывший 'оборотень в погонах' Евгений - мужчина около 40 лет.

За последние несколько дней все они кого-то потеряли, но предпочитали об этом не говорить. Лишь стремились поскорее вернуться к своим домашним - к тем кто, уцелел и сейчас ждал их в убежище, и найти повод больше не покидать их.

Весть о том, что нынешний 'папа' составляет какие ты *«индексы вменяемости»* для 'работающего в поле' и 'носящего оружие' персонала дошла до Юрия Григорьевича совершенно случайно. Источником информации была Галина Петровна – давно уже не 'бальзаковского возраста' тетка, работающая у 'папы' секретаршей, вместо сгинувшей Ани Годенко. Галя то и успела кое-что подсмотреть еще утром.

Мир тесен, а после катастрофы сжался еще больше, и в сжимающемся мирке люди быстрее замечали друг друга, налаживали связи, пытаясь быть полезными друг другу.

Юра и Галя разговорились достаточно легко, - оказалось, что Галина знала его отца и дедушку (сердце у Юры, при мысли о папе, сжалось). – Они с отцом то лиучились в одной школе, то ливместе пересекались на 1-м курсе института.

Впрочем, он бы и не узнал об этом знакомстве, если бы эта новая секретарша Кравчего - Галина Петровна Вальцман-Фондервякина не обладала такими замечательными качествами, как бьющая через край коммуникабельность, замечательная память на лица и имена, и привычка, устанавливая более тесный контакт с людьми, находить общих знакомых или родственников.

Согласно теории шести рукопожатий, любые два человека на земле разделены в среднем лишь пятью уровнями общих знакомых.

Но это в среднем. А маленькая пожилая женщина была тут редким и положительным исключением.

Банка черной икры и простая буханка хлеба, презентованные Юрой знакомой его покойного отца, произвели на Галю впечатление. Нет, она не голодала, но подарок есть подарок. И разговор на балконе

бывшего здания СБУ несколько часов назад был чем-то большим, чем простое проявление вежливости. Ты почесал мне спинку, а я почешу твою, - так могла бы сформулировать свои мысли Галина.

Тогда, где-то в середине разговора, она вдруг кокетливо улыбнулась, растягивая свое уже морщинистое личико, и произнесла: - Сейчас вспомнила, где вас 'видела' (под 'видела' Галя подразумевала исключительно документы). У вас очень высокий индекс вменяемости - почти единица.

- Индекс чего?

- 'Папа' меня и Мишеньку загрузил работой. Сейчас по какому то алгоритму по всем мужчинам и даже женщинам, тем что 'в поле' или с оружием дело имеют, - индексы вычисляю.

- А как?

-Понятия не имею. Пришла его Женя (Косенко Евгения, зама Кравчего она давно не любила, и часто за глаза называла в женском роде), принесла таблицу с ФИО. Простое действие - сложить одну группу цифр, вторую и поделить. Так вот, у вас почти единица.

Этот разговор, который произошел лишь несколько часов назад, он вспоминал, возвращаясь из рейда на базу. Он догадывался о замысле 'папы', понимая, что его идея, как любое хорошее начинание, для многих уже не имеет смысла. И для майора милиции Коновальца Е.И. - в том числе.

То, что бывший майор Жовнетвого РОВД Коновалец Евгений Игоревич - уже не жилец, Юра понял как-то отчетливо - как только его ввели в их экипаж. Здоровый мужик, потерявший всех за один день, уже как бы уже не жил тут – не на этом свете, хотя внешне вел себя вполне адекватно и сдержанно. Он не был членом Совета, но его семью все равно включили в 'эвакуационный' список №1...и все равно опоздали. В его большой двухэтажной квартире на улице Героев Сталинграда обитало семь человек. Из них не спасся никто. Когда лестница пожарной машины ткнулась в стену дома рядом с окном его квартиры, живых людей там уже не было.

Таких людей, как Коновалец, Юрий видел и раньше, но, правда, очень давно: спокойные, вменяемые, они не были самоубийцами в общепринятом смысле слова, а просто искали смерти или не видели смысла в дальнейшем существовании, и жили - как река вынесет.

Ну а кто были те, с кем их **ОЭ - ГБР** №7 столкнулся час назад на территории Южного ЖД Вокзала, он не знал. Возможно, это были обычные мародеры, и они бы отстали от них через 100 метров, а возможно, что и нет. Но как бы то ни было - тот черный инкассаторский Brabus от них не отставал, а несколько выстрелов воздух сделанных из окна машины, давали понять, что сидящие внутри настроены серьезно. Узнать же, что хотели от 'обычной' пожарной машины ее преследователи помешал Коновалец Евгений Игоревич, бывший майор милиции и действующий член экипажа ОЭ-ГБР № 7, - бросивший, выпрыгивая на ходу из кабины - *'Уезжай, прикрою...'*.

И первым открыл огонь на поражение, - Юрий видел в стекло заднего обзора, как белыми паутинками попаданий покрылось лобовое стекло автомобиля, и как он резко развернулся, подставляясь бронированным боком.

Но и сидевшие в инкассаторской машине не были слепыми идиотами, - уже поворачивая за угол, Юрий успел заметить, что Коновалец уже не стреляет с колена, а лежит на боку пытаясь поменять рожок, а под ним расплывается лужа крови.

Странная и глупая смерть, - думал Юрий, в то время как его напарники прокладывали путь к 'папиному дому'.- Ситуацию можно было попытаться разрулить, они могли с куда большим успехом задержат этот странный Brabus вдвоем, и вдвоем же, прикрывая друг-друга, отойти, но Коновалец сделал именно так как сделал - геройски, самоубийственно и глупо.

Уже подъезжая к управлению, он вспомнил слова Галины, - А в целом, если судить по выкладке 'папиного' аналитика, у вас не такая уж и плохая команда. Евгений, разве что подкачал, у него 'индекс вменяемости' ноль. Такие как он, сейчас долго не живут, да и других могут за собой потянуть. Будьте с ним поосторожнее. Хорошо?

26-е марта, 2007г., около 16.40 -Днепропетровск, ул. Димитрова - Генерал Власов в 1942г. не стал предателем в одночасье. Просто тот котел для генерала стал 3-м по счету за два года войны. Три раза попадать в окружение за два года - выдержит не каждый. Произошел внутренний надлом, плен, предательство. Эту историю Ольховский хорошо знал, и поэтому понимал, что что-то аналогичное произошло и с ним, с Ольховским Сергеем. Не каждый человек знает предел своей

твердости. И не каждый знает, в чем будет выражаться его испытание на твердость. Не каждый. Но полковник СБ Ольховский - знал. Теперь уже знал. Что бы сломать его понадобилось два дня беды, ощущение полной беспомощности перед надвигающейся катастрофой, смерть жены, мамы и двух дочек, а еще две страшные минуты в том кабинете, когда нелюдь бывшая еще минуту назад его коллегой, гоняла их по всему пространству кабинету как маленьких испуганных детишек. - Это сейчас он бы просто взял стул у ударил по голове еще квелого 'зомбака'... А тогда?

Когда он писал своим коллегам сообщения, что уходит в партизаны, он не шутил. Не был это и бред параноика. Просто ему очень остро, буквально нестерпимо захотелось выпасть из мейнстрима основных событий, спрятаться, укрыться, и наблюдать за происходящим как бы сверху и сбоку. Маленький мальчик в таком случае может лечь калачиком и укрыться с одеялом, но Ольховскому было за сорок, он был взрослым решительным мужчиной, и у него была дочь, за которую он отвечал перед самим собой.

Любимой детской книжкой Сергея Ольховского был «Капитан сорвиголова» Луи Буссенара. Но если взрослые часто забывают свои детские увлечения, то мальчик Сережа своего детства не предавал, и любимые книги всегда держал дома 'на своей' полке.

Порою, он брал их в руки и снова перечитывал. Странно, но к сорока годам он изменил свое отношение ко многим персонажам, которыми упивался еще лет двадцать тому назад: ему все больше нравился честный трудяга Швондер, он жалел несчастного Шариков, и все более ненавидел подпольного абортмахера-надомника Преображенского.

Перечитывал он и 'своего' Буссенара, и делал выводы - совсем не детские. Когда то, сам для себя, он отметил, что буры проиграли англичанам не потому что плохо стреляли или имели худшее вооружение, а потому что эти партизаны таскали за собой обоз - скарб, женщин и детей.

Его 'Буссенар' уже несколько часов был похоронен вместе с большей частью его прошлой жизни, а сейчас перед ним открывалась жизнь новая. Сидя последние дни у Коли Мецо - своего друга, старого холостяка, он курсировал между телефоном, постелью дочери и компьютером.

Связь еще работала, и он обзванивал тех, кому более-менее доверял, в ком был уверен, и кто отвечал его собственным критериям - зрелости, вменяемости и, что главное, мобильности. И он таки смог собрать их, около дюжины активных штыков, не собственно считая его и Коли.

А сейчас эти 'штыки' сидели в этом доме, за длинным бильярдным столом на нулевом этаже и ждали, - ждали, что скажет Ольховский, и ждали возможности высказаться самим.

Сергей Ольховский взглянул на часы,- они показывал 16.40. Затем он обвел долгим взглядом собравшуюся аудиторию, словно призывая ее к молчанию, и начал говорить....

Часть третья Вечер-ночь, 26-го марта, 2007г.

Около 19.30, штаба 'Центр спасения', бывшее здание СБУ, холл здания - Галина Петровна, сразу узнала человечка, сновавшего вокруг столпившихся в холе людей. Это был Ваня, - сын ее давнишней знакомой, с которой она несколько раз пересекалась по работе еще лет десять назад. Общая фамилия и знакомые черты лица дали ей повод убедиться, что ее предположение о родстве этого «пупса» и покойной Светочки, было верным.

Ваней, она уменьшительно - ласкательно называла про себя низенького мужчину 40-45 лет. Впрочем, для нее, как для женщины пост-пенсионного возраста такая фамильярность была вполне простительна.

- Кто и что это, Ваня? - спросила он его, подойдя и кивнув головой на странную пару и кольцом обступивших ее гражданских, преимущественно женщин.

- Здравствуйте Галина Петровна, - Иван Петрович буквально расцвел, увидев пожилую женщину. Взрослый мужчина после трагической гибели мамы подсознательно тянулся ко всему, что напоминало маму или было с ней хоть как то связано, - Да вот мальчишку вытащили из 'мертвой' квартиры. Отец к нашей группе прибился-пробился и наводку дал.

- Ну не он первый, не он и последний, надеюсь, - Галина замолчала, а потом недоуменно добавила, - Постой, ты сказал из 'мертвой'!?

- Галина Петровна, в том то и дело, что там все были 'ходячими' - и мать ребенка , сестра и мать хозяина, и даже какая-то левая тетка с

подростком затесались - им, по оценке Григи не менее двух-трех дней с момента 'возврата', а это дите вот взяло и выжило.

В этот момент дите, - мальчишка лет 8-10, - начало снова рыдать и пытаться то ли задушить, то ли посильнее обнять мужика - здоровенного детину в форме 'Кобры' и кроссовках неопределенно-белого цвета. Мужчина не рыдал, - его руки прижимали к себе ребенка, а из широко открытых и как будто ослепших глаз просто текли слезы. Хрупкость мальчика, - видимо в маму пошел, - сильно контрастировала с монументальной завершенностью фигуры отца.

-Да как же у него получилось!? В ванной заперся?

- Нет, в ванной уже паренек лет 14-15 сидел. Не 'наш', - он кивнул в сторону мелко вздрагивающего исполина, - этот его не узнал. Видимо сын соседки или подруги жены. Но он уже укушенный был - там и обратился...

- А этот тогда где забился, - в шкафу или под диваном сидел?

- Да тут такая история. Мы ж думали, что там никого нет, даже уезжать собрались. У отца даже истерика началась.

- И? Что вы делать начали?

- Галя, ну не мне Вам рассказывать! Отцу 'дозу' в ляжку успели засобачить, ну, что б глупостей не наделал, и уже уехали практически, - рассказчик сделал паузу и замолчал о чем-то задумавшись. Ненадолго, но достаточно для того, что бы Галина его подтолкнула к дальнейшему повествованию.

- Ваня, не тяни резину! - голос Глины Петровны был нетерпелив, но отнюдь не раздражен, а скорее подталкивал собеседника.

- А?! - Рассказчик словно вынырнул из воспоминания и продолжил, - Там дальше так было, - 'Смотрящий в окно, Грига, кажется, вспомнил, что тетки там мертвые неправильно стояли, - не возле окна, а как будто хоровод водили в центре комнаты... Да, и сосед их, тоже из обратившихся, стоял на балконе рядом с их окном, и что характерно, не на нас пялился, а на 'эвакуируемое' окно. Словно ждал чего то...чего то хорошего, что ли.

- Мальца то где вы таки нашли?

- Думаю, дело было так - первыми в квартире обратились старшие - сестра, мать и жена мужика, соседка же видимо успела затолкнуть сына в ванную, но он уже укушенный был. А вот дети хозяина в комнате были, за дверью. Но там такая комната...

- Стеклянная дверь?

-Угу... И открытое пространство, и даже кроватей не нет, только мягкие игрушки да два ортопедических матраса-кровати.

- Дверь не выдержала?

-Думаю не сразу, но таки не выдержала. Как я понял, старший, ему лет 12-14 было, младшего в сундуке для игрушек запер. Там такой, хороший 'сундучок' - еще бабушкин, видимо. А сам через окно к соседнему балкону попытался допрыгнуть, но неудачно..7-й этаж, сами понимаете.

Галина ничего не ответила, но Иван Петрович успел заметить, как слегка дернулся кончик ее носа, который выражал ее сильнейшее душевное волнение.

-Ну а младшенький так и пролежал почти сутки, или около этого, в сундуке, - слава Богу, сознание от страха и недостатка кислорода сразу потерял. Мы даже думали, что уже умер, когда вытаскивали.

- Ну?

- А тут они оба и пришли в себя - отец от 'дозы' очухался, а маленький от свежего воздуха и нашатыря. Вот так теперь и сидят друг-в-дружку вцепившись, мычат о чем-то.

В это время здоровенный детина еще крепче прижал к себе ребенка и начал что-то говорить ему - бессвязное и нежное, а ребенок просто продолжал плакать и хватался за шею отца, да так, что казалось, хотел задушить. Галина вдруг обратила внимание на еще одну деталь: эту странную пару неправильным эллипсовидным кольцом окружали преимущественно женщины. Их было не очень много, два десятка или чуть больше, и многие из них тихо и беззвучно плакали, словно боясь нарушить лишним звуком, что-то непроизносимое.

Около 23.00, Детский Дом № 5 имени Макаренко - Редко кто задумывается что то, что не случилось, не произошло в прошлом, - так же важно для будущего, как и событие произошедшее.

Еще в далеком 1965-м году район поймы реки Самарчук подлежащий программе мелиорации, по странному стечению обстоятельств, остались нетронут. Не произошедшее событие, - и ручей, имевший громкое название 'реки', и отделявший подъезды к тогдашнему Аграрному институту, а ныне Детскому дому № 5 продолжил течь, как протекал и ранее.

Двадцатью годами позже план реконструкции основных фондов Института, предусматривавший замену старого мостика, на новый мост, куда как более широкий, уже был подписан. И даже были выделены средства. Но, опять таки, - череда событий вынудила тогдашнее руководство пересмотреть приоритеты и отказаться от 'омертвления' капитала. - И это событие тоже не состоялось. Мост, узкий и неудобный, остался стоять, создавая неудобства работникам действующего института, для того, что бы спустя несколько десятков лет выручить тех, кто будет обитать в жилом фонде бывшего НИИ 'Агропром'.

А за два года до Беды родная тетя осиротевшего мальчугана, который в один день потерял и мать, и отца в автокатастрофе, не стала забирать его к себе по причине развода, нового брака и отъезда на ПМЖ в Израиль. И подросток был присмотрен 'мамой', которая здраво полагала, что сироты куда как лучший контингент, чем беспризорники, и старалась при приеме отдавать предпочтение первым, а вторых спихнуть другим.

Далекие и близкие события, которые смогли не случиться давно или совсем недавно, - они спасли обитателей Детского Дома. И продолжали спасать.

Поток машин по шоссе, проходившему в 200 метрах от мостика, уже не был таким шумным. Но те, кто уцелели в первые дни, и сейчас двигались вдоль дороги, оседая в окрестных ПГТ, селах или хуторка, - они уже успели многое понять и переосмыслить.

'Икебана' из мертвеца в противогазе и костюме химзащиты, вкупе с 'предупреждающей' надписью, уже завернула назад на шоссе около десятка разных машин - от 'семейного' фургона набитого людьми как кильками в банке, до огромного военного грузовика лишь с двумя солдатами в кабине. По крайне мере так докладывал патруль, организованный 'мамой' уже на следующий день после 'составления икебаны'.

Простая и понятная инструкция - наблюдать и следить, а уж если гости начнут 'переправу' и не поверят в угрозу, то срочно бежать назад, и предупредить 'маму'. А уж она, что-то да придумает - договорится с гостями или уговорит. О том же, что силой противостоять сейчас они вряд ли кому могут, понимали даже самые маленькие воспитанники Дома.

Шестеро подростков возрастом от 14 до 16 лет должны были посменно нести свой 'караул', каждый по четыре часа. Время достаточное для того, что бы не устать за время дежурства, и успеть сделать рывок в стиле 'стипль-чез' напрямик через сосняк - к Дому, предупреждая о гостях.

Видимо этот 'Dodge' заплутал, а может воитель знал дорогу, или, что более вероятно, это был кто-то из местных, - тут можно было строить кучу гипотез.

Важным было иное, - там были хорошо вооруженные люди, причем явно не военные, и их было много, а еще там был тепловизор, и человек, умеющий с ним работать.

Водитель и пассажиры машины не были идиотами, и допускали возможность того, что написанное на мосту 'предупреждение' - банальная липа, а рядом находится наблюдатель. Ведь оставить столь важный объект без наблюдателя или охраны было, мягко говоря, неразумно.

Но тепловизор показывал, что на 100-200 метров вокруг никого крупнее мыши-полевки - нет. Вернее, что никого, с температурой выше окружающей среды рядом нет, а мост стоит без охраны, лишь с мертвецом успевшим 'предупредить' проезжающих.

Ситуация выглядела странной и стремной, а люди в машине были достаточно осторожны, что бы не соваться в открытее ворота, особенно если есть предупреждающая надпись, что туда соваться не стоит. Мало ли еще свободного места на этой земле?

Наблюдатель 'Dodge' так и не смог заметить Бессонова Виталия Сергеевича, чья очередь была нести дежурство.

Впрочем, и Бессонов Виталий Сергеевич - 1992 года рождения, сирота и воспитанник Детского Дома, не заметил подъехавшей к шлагбауму моста машины, как, наверное, не заметил бы и десятка машин, - по простой и понятной причине - он спал.

Расщепленная на две части от удара молнии, старая, но еще живая сосна в сотне метрах от мостика - создавала неплохое ложе. Она позволяла перикимарить в 'сидячем' положении, сидя в импровизированном троне, засунув ноги в расщеп. Ну а 'туристический' материал, найденный в кабинете покойного Яныча, был теплым изнутри, позволял хорошо укрыться, слой же фольги снаружи не давал влаге его намочить.

Не произошедшее событие - может иметь куда как более глубокие последствия, чем событие случившееся.

Наблюдатель 'Dodge' не обнаружил часового и, посчитав это дурным знаком, вкупе со зловещим предупреждением. И решил за лучшее - не пересекать мостик.

А Виталька, не заметив ночных посетителей, не стал метаться по лесу, открывая всем и вся свое присутствие, а мирно проспал все свое дежурство и только ощутимо сильный удар по плечу от сменщика привел его в чувство.

Начинался 7-й день со дня прихода Беды.

Около 23,00, штаб 'Центр спасения', бывшее здание СБУ, кабинет Кравчего -

'...и взяв имевшееся транспортное средство (реквизированный 'BarBuss' инвентарный № 22), скрылись в неизвестном направлении . Список скрывшихся в количестве пяти человек, прилагаю. - Преследование не велось ввиду нецелесообразности и во избежание жертв. - Комендант объекта 'Речпорт' Майор МЧС Прудников Е.А.'

С Прудниковым Евгением Александровичем, высоким седым мужчиной около сорока лет, Кравчий знался недавно, но уже успел оценить его обстоятельность и скрупулезность. - Иной бы просто написал *'25.03. - ушло пятеро с оружием, не вернуться'*, а этот - вон как все расписал.

Кравчий отложил бумагу и взглянул на присутствующих. Подобное донесение было уже не первым за последние три дня - люди к ним люди к ним не только приходили, но существовал и обратный поток. При чем потоки были неравноценными: оставались в основном семейные, женщины с детьми, реже - старики, или просто те, кто в одиночку бы не выжил, а уходили - 'одиночки', и в основном - мужчины.

Кто были те, кто, прихватив автоматы и машину (ее то не жалко - их сейчас хоть пруд - пруди) ушли в неизвестность, было ясно и так. 'Индекс вменяемости' у всех был полный и круглый ноль. Терять нечего, якорей у них тут уже нет, а ведь где-то у них еще могут быть или родственники или другая жизнь. Или, что вполне возможно, хотя менее вероятно, просто - не местные, не сумевшие или не захотевшие свалить в первые два-три дня из 'чумного' города.

Несколько дней назад, когда их БМП, расталкивая застывшие легковые машины полез в свой первый рейд, он еще не предполагал, насколько адская работа предстоит ему и всем остальным членам созданной 'организации'. При чем возникали такие проблемы, о вероятности которых он даже не предполагал.

Захват и зачистка Речь-Порта и юридической академии прошли относительно легко, тогда как разборки и препирательства с 'мажорными обитателями' жилого высотного комплекса - 'Две башни' и их охраной добавили ему седых волос и приступ астмы.

А дальше началась работа по снабжению тех, кого снимали с балконов, разблокировали из запертых машин, или кто просто пробивался к ним самостоятельно. И всем требовались еда, вода, лекарства и, главное,- безопасность! И еще, немножко антидепрессантов, которые Кравчий, по согласованию с остальными 'команданте', как он про себя называл начальников "островков спасения", решили добавлять в воду.

Но сейчас Сергей Петрович многое бы отдал за то, что бы 'уровень проблемности' оставался на уровне первых дней Беды. Но это было уже невозможно: снулых и тупых зомбаков первых дней в городе практически не осталось. При чем их не стало стараниями самих же людей, которые честно и добросовестно исполняя полученные инструкции по срочному отстрелу собак, и повреждению мозга у всех только что преставившихся. И вчерашние снулые и неповоротливые зомби, стараниями своего же 'объекта охоты', получали мощный источник для питания и ап-грейда...

-Как добрались, господа офицеры, полушутя спросил Сергей Петрович, обводя взглядом своих 'вассалов'

- Петрович, ты же сам знаешь, к тебе пробираться - это недетский геморрой, - ответил Рыбников, комендант объекта 'Юр. Академия'. - Но, наверное, вопрос действительно важный раз меня задержал, а Евгения Александровича и Севастьяныча - к себе пригласил?

- Правильно мыслите. Какой вопрос сейчас и всегда самый важный?

- Не понял? Поясни. - Лица его и двух других 'комендантов' отражали смесь недоумения и заинтересованности

- Что у нас решает все?

- А! Кадры? Как завещал Иосиф Виссарионович!

- Вот именно.

Кравчий встал и подошел к шторке, которая закрывала приготовленную карту, с нанесенными на ней островками спасения, магазинами, продуктовыми базами.

- Вот, смотрите. Людям нужно как-то питаться, и еда есть в городе. Нужно просто пойти и взять ее!

- Если бы! - Грустно отозвался комендант Речьпорта, - Сергей Петрович, разреши свои пять копеек вставлю, - и, дождавшись кивка Кравчего, продолжил, - это правило - пойти и взять, работало первые 2-3 дня с начала всего этого, - он махнул рукой в сторону окна и условного «этого», - пока наша 5-тысячная орава (а у нас скоро таки и больше людей будет) не подъела все, что находилось на расстоянии полукилометра от объекта укрытия. А что дальше то делать?

- А дальше нужно выходить за простреливаемый с крыши объекта периметр и углубляться в город. - С наигранной наивностью в голосе ответил Кравчий.

- Но у нас для этого просто людей! - Подал голос комендант 'речников', и остальные поддержали его кивками.

-А почему нет? Евгений Александрович, на твоем объекте же почти восемьсот человек? - Ну да ладно - 75% из них, если не больше, женщины и дети, но ведь остальные - мужики?

- Сергей Петрович, я смотрю, ты мою цидульку держишь?

-Ну?

- Их шестеро было сначала. Все с оружием, все при голове, и все 'нулевые'. Слукавил я, что они сбежали. Один раз эта команда за продуктами съездила - удачно, второй раз - тоже, а на третий - нарвалась на какой то выводок морфировавших собак в магазине. Ребята потеряли одного человека, но с продуктами таки вернулись.

- И?

-Да ничего. Приехали, выгрузили продукты из машины, четверо внизу осталось, а пятый поднялся, пожал мне руку, и они уехали. Сказали, что насовсем.

- Надеюсь, не останавливали?

- Мы не идиоты.

- Павел Маркович, а у тебя что? -Обратился Кравчий к коменданту 'юристов'

- Трое убитых 'в поле', и около сорока дезертировавших за последние два дня... Но вот число 'активных штыков', которых можно бросить в дело - увеличивалось крайне незначительно, если даже не уменьшатся.

- Евгений Александрович, а у тебя что за последнее время ?

- Один погиб - я про него говорил, и более двадцати просто ушло за вчерашний день, - он хотел продолжить, но Кравчий движением руки остановил его

- Подожди, я об этом сейчас и буду говорить, поэтому я Вас и собрал. То, что 'нулевые' - не самые лучшие 'бойцы', все уже и так поняли?

-Угу. В целом нормальные люди, - были, но я даже рад, что они нас покидают. Очень многие из них, мягко говоря, отмороженные или смерти ищут, или... Да много разных ИЛИ, но для человека потерявшего всю свою семью - чем мы интересны? Ничем!

- А что с семейными?

- В целом, как солдаты или боевые единицы - гамно, - коротко резюмировал Прудников, и продолжил, - даже если они действительно солдаты.

-Тут я с тобой согласен, - поддержал Кравчий Прудникова. А затем его же и спросил, - ты последним прибыл, когда поднимался по лестнице, тот Кинг-Конг с дитем в обнимку в холе еще сидели?

- Да, но его вроде пытались куда то отвести. Кажется неудачно.

- А ведь он пешком с ломом в руках несколько дней шел через пригороды и по железке.

-Пешком!? С ломом?!

- Угу. К семье шел. И нашел. Один сын, правда, уцелел. Он его теперь из рук не выпускает, возможно, слегка тронулся, я не знаю.

- К чему ты это?

- Как вы думаете, смогу я просить его оставить сына на чье то попечение и уехать на задание? Да он же меня прибьет в аффекте! - Ответил Кравчий, повышая голос.

- Петрович, я кажется, понял что ты хочешь сказать, - нулевые - это 'отмороженные', 'суицидники' и потенциальные дезертиры, но и с 'семейными' не легче, потому что...

- Тряпки, - ответил Кравчий. - Не в упрек им, но родители, жена и дети, половина из которых уже успела сдохнуть и обратиться, а вторая

половина рядом с ними сидит и от страха усирается - это не самый лучший стимул для дальних экспедиций и ближних вылазок. Одни не могут своих бросить, другие готовы, но на них жены висят и волком воют, а с третьими - все и сразу, только бы к уцелевшим детям быть поближе, а от «обратившихся» - подальше. В лучшем случае их к амбразурам можно ставить, что бы 'тех', что у забора топчутся - отстреливали, да яму для утилизации копать.

- Какую яму? - Уточнил Прудников.

- Евгений Александрович, куда вы деваете тех, кого упокоили? Я имею ввиду тех, что к вам в открытую лезет.

-В реку, ясное дело.

- О! А нам куда прикажете? Со вчерашнего дня все, кто 'не могЕт' работать на выезде, роют яму для утилизации трупов - и у нас, и у 'Юристов', и у 'Двух башен'. С энтузиазмом, я скажу, роют, наперегонки - только бы к семье поближе и за периметр безопасности не выходить.

Кравчий сделал глоток воды, обвел присутствующих взглядом и продолжил, - Господа Енералы, какие будут предложения по кадровому вопросу?- Не кормить, прогонять, расстреливать?

Они еще долго спорят, но все предложения, как отмечал потом про себя Сергей Петрович, сводились к полумерам, не могущим решить принципиальную проблему - проблему еды и безопасности.

Выход из нее наметился лишь неделю спустя, и Сергей Петрович долго потом удивлялся - почему он тогда не увидел такое простое и красивое решение.

Около 23,30 Детский Дом №5 имени Макаренко - Их было пятеро, и это было ее ближайшее окружение, 'свита', 'рада', малый совет', "ближники" - они называли себя по-разному.

Маша, Маруся, Бортник и доктор - сейчас были ее гостями, и сидели - кто за столиком, кто на табурете, а кто-то тонул в углу кожаного дивана.

Недосып, усталость и нервное напряжение стали привычны для них всех за эти последние дни.

И хотя почти весь Дом, за исключением часовых на мосту, давно уже спал, но сидящие в ее кабинете уходить не очень то и спешили. Такое бывает, когда после окончания тяжелого и напряженного дня впереди еще один не менее тяжкий день, и надо бы идти спать, что бы

набираться сил. Но так хочется посидеть лишних минут пятнадцать - двадцать в блаженном ничегонеделании с чашечкой кофе или банкой пива, - когда это уже не работа, но еще и не сон. И именно в таком настроении усталости и отдохновения, человек расслаблен и склонен быть чуть более откровенным, чем обычно...И в один из таких моментов полной расслабленности - Маша и подловила ее на откровенность.

Спокойное перебрасывание фразами, анекдотами или впечатлениями от прошедшего дня - этим люди пытались ограничить свой разговор. И это было разумно и объяснимо: темы связанные с домом, родными или тем, что было еще месяц назад, никто не хотел поднимать, - слишком непредсказуемой могла быть реакция собеседников.

И поэтому вопрос Марии, словно ужом проскользнувший между анекдотом доктора и готовящейся репликой Бортника, достиг цели: в сторону Той, кому был задан вопрос, повернули лица, замерли и умолкли все 'реллаксирующие'.

- А что мы потом делать будем ПОСЛЕ, ну, когда подвалы едой забьем? А дальше - что? - Тихо спросила ее Маша. Девушка не отличалась "ораторским" голосом, но ее вопрос услышали все, кто был комнате.

Увидев оживившееся лицо Самой, Маша продолжила говорить:

- Ну что дальше, к чему готовиться, какие планы. – Потом, выдержав паузу, стала говорить более уверенно, - Я имею в виду - будет ли у нас еще что-то такое глобальное, что ли. Ну не будем же мы, есть тушенку в ожидании, пока сюда не придут какие-нибудь плохие люди, очень плохие.

Сидевшая за столом женщина замерла, обдумывая как правильней передать свою мысль, а потом начала говорить:

- Нет, Машенька, мы сделаем все, что бы они не пришли, или чтобы их пришло поменьше. И затем, улыбнувшись своим мыслям, спросила, - Ты французский знаешь?

- Нет, а что.

- Тогда учи его. И местную географию, кстати, тоже учи.

- Зачем?

- Зачепиловка, Саивка, и прочие зажопински. Будешь там твердить *'женемапасижур'* - много и часто, со слезами и на коленях. И я тоже

буду твердить. Думаю, где-то через пару неделек надо будет уже начинать.

В комнате возникло напряженное молчание, прерванное затем громким смехом. Заржали два - 'сивых мерина' - сначала Бортник, а потом и доктор, почти одновременно понявших замысел своего 'работодателя'.

Это продолжалось около минуты - два уже немолодых мужика ржали, хозяйка кабинета улыбалась, а Главврач Дома и секретарь-распорядитель только недоуменно смотрели на все это, ожидая пояснений.

Первым не выдержал Бортник:

- Ефремыч, а я вот не сплю - думаю, где нам тут ДОТ вырыть, и как шоссе перегородить, короче - в Наполеона играю, думаю мускулы накачивать, а наш командующий решил идти от обратного.

А потом, резко посерьезнев, обратился к той, что сидела за столом:

- Катерина Тимофеевна, если я Вас правильно понял, то мысль неплохая. Но есть один нюанс - окромя элементов из **«Золотого теленка»**, я бы рекомендовал внести еще и элемент из **«Проверки на дорогах»**, - тот, где едой внешний вид поправляют. По ее кивку Бортник понял, что Катя оценила его идею.

ГЛАВА ЧЕТВРЕТАЯ – «Танатос и Эрос»

5 мая 2007г. окрестности Детского Дома №5. Его звали Игорем Константиновичем, - и звали так уже почти четыре недели.

До этого он был просто Игорьком, 'Горем', 'Горилкой' - сиротой 16-ти лет, около полугода лет пребывающем на полном пансионе в Детского дома.

Впрочем, пареньком Игорь Константинович был вменяемым, с головой дружил, и когда тетя Маруся полтора месяца назад пришла в их спальню и попросила его и еще троих ребят из их группы помочь, - отказываться он не стал.

К его глубокому удивлению задействован он был на чистке картошки лишь около часа. А потом, когда пришла смена одногодок - девчонок Катьки и Виталины, - ему сразу же дали повышение, назначив воспитателем в младшую группу к пацанам 10-12 лет. Теперь основной задачей его стало смотреть - как бы чего не случилось, что б пацаны не сбежали, не путались под ногами и вели себя тихо.

И примерно через неделю такого руководства он сам для себя неожиданно обнаружил, что уже зовет 'тетю Марусю' по имени-отчеству, и того же требует от своих 'подопечных', рассматривая себя уже скорее как младшего воспитателя, чем как воспитуемого.

Затем, еще две недели спустя, три младшие группы объединили в одну, а его отправили 'поработать руками и ногами', - и он помогал 'спецам' обслуживать 'эту хрень', которая консервировала тушняк.

Игорь Константинович хотел, было, даже возмутится и возбухнуть, но с удивлением обнаружил, что очень непродолжительное руководство коллективом из двух десятков детишек его порядком напрягло и притомило, и простая работа по рубке дров или нарезке мяса его вполне устраивает. Пока устраивает, - так правильнее сказать.

'Кутузов' (как подростки стали между собой называть Игоря Петровича Бортника) подошел к нему сразу после окончания последней закладки банок и пригласил его, и еще с десяток таких же, как он - *'на побеседовать'*.

Прыщавый, утомленный и порядком похудевший парень ожидал всего что угодно, - что его навечно оставят в 'костровых', или вернут командовать старой группой. Но то, что ему предложил этот высокий однорукий человек - его устраивало вполне, - даже более чем вполне. Это была вполне мужская работа - умеренно опасная, серьезная и необходимая. Но в то же время не такая тупая, как работа нарезчика мяса или кострового, и не такая выматывающая, как работа воспитателя младшей группы.

Знаков отличий в общепринятом смысле 'Кутузов' им дать не мог или не хотел, - единственный вариант, который он им предложил, был принят создаваемым **Отрядом Обороны и Нападения (сокращено ООН)** если не с одобрением, то по крайне мере с пониманием.

А потом потянулись дни занятий, которые их 'Кутузов' обозвал изучением мат-части. В основном все сводилось к сборке-разборке *'ксюхи'*, стрельбе одиночными на меткость, правилам маскировки и технике безопасности при контактах с 'обратившимися'.

В *'Аттестате зрелости'* Игоря Константиновича, как на полном серьезе назвал их однорукий 'генерал' выданный каждому листик, стояло аж 15 пунктов.

Но галочка с неразборчивой подписью '**Борт - к**' была только напротив двух из них - '**АКС74У - разборка, сборка, применение**' и '**Техника безопасности при общении с внешним миром**'.

О том же, что следующими пунктами должны были стать '**Вождение и ремонт машины - ВАЗ**'- даже не обсуждалось. 'Солнцеголовые' должны были стать точно что универсальными солдатами, при чем с упором на универсальность. Они не должны были стать самыми-самыми лучшими в мире стрелками, водителями или фельдшерами, но, по мысли 'мамы', они должны были владеть всем на минимально необходимом уровне. Это делало их не такими эффективными по отдельности, но создавало из них реальную силу, с которой стоило считаться.

Изучению и овладение минимумом знаний и практик по остальным 'предметам', типа **'Вождение и ремонт ВАЗ - 3309'** или **'Первая и последующая фельдшерская помощь'** она планировали уделить едва ли не с-полгода, но случилось то, что должно было случиться – *обратившиеся* из города стали мигрировать туда, где еще может быть 'еда'. Причем далеко не всегдапо дороге.

Игорю Константиновичу и еще паре десятков таких же как он *'солдат ООН'* - или 'кандидатов в солдаты' пришлось в авральном делать завалы. А это оказалось очень даже непростым делом: невозможно силами пары десятков подростков сделать надежный и непреодолимый заслон. Поэтому всю неделю вокруг Дома, на расстоянии около километра от него, создавалось несколько периметров завалов из веток и стволов длинной в добрый десятков километров. Они категорически не могли остановить человека, а вот квелого обращенного - вполне, заставляя его обходить линии наваленного сушняка, и направляться туда, где его должны были ждать патрульные 'Кутузова'.

И вот он находится тут и сейчас, со своей 'ксюхой', - единственный вооруженный из трех человек, которые несут свою 6-часовую вахту.

А рядом его подчаски - Кирилл и Павлик, пацаны - 14 и 15 лет, - 'кодла небритая', со своим инструментарием и своими обязанностями. Впрочем, кто тут наиболее авторитетен видно было сразу! И не только по наличию 'Ксюхи' в руках Игоря Константиновича. Даже если бы оружие в руках держал Кирилл или Павлик, сам внешний вид Игоря Константиновича указывал бы на то - кто тут главный.

ОСТУПЛЕНИЕ: Неделю назад.- Любое общество нуждается в структуризации. А структуризация нуждается в признаках, по которым можно отличить ведущего от ведомого, ветерана от новобранца, а орденоносца от штрафника, и, что главное, своего от чужого.

Для обозначения этих различий в армии служили униформа, погоны, петлицы.

Но в более примитивных или ограниченных ресурсами обществах, которые не могли позволить себе тратить ресурсы на пошив кокард или петлиц, к этому относились проще. Узоры из шрамов на теле, татуировки могли быть очень даже "говорящие". Они могли рассказать о принадлежности к той или иной группе, о семье и статусе хозяина шрамов, возрасте, количестве детей и о том, сколько врагов он успел убить. Ну а обитатели Дома должны были выбрать что-то среднее, между ношение формы и нанесением шрамов.

'...В целях гигиены, экономии моющих средств и горячей воды рекомендуется ограничить длину волос:

1) руководящему персоналу и техническим специалистам:

- Мужчинам - до 0,6 см.

- Женщинам - до 2 см.

2) лицам, зачисленным в Отряд обороны и нападения Дома с правом ношения боевого оружия, - рекомендуемый формат прически - 'под ноль'. Растительность лица - брить не рекомендуется.

3) лицам, принимаемым на испытательный срок, имеющим индивидуальное взыскание со стороны администрации, или коллективную претензию со стороны товарищей - воспрещается ограничивать длину волос до момента снятия взыскания, смягчения приговора или принятия на постоянное проживание.

4) для остальных - формат прически свободный, но не короче 1 сантиметра...

Распоряжение Дирекции от 04.2007г.'

Мнение коллектива бывает действенней, чем уговоры и распоряжения. Никто из младших в тот момент не отнесся серьезно к этому объявлению вывешенному утром на доске объявлений. - И несерьезно относились аж но до обеда.

Коллективный прием пищи в промежутке между 12.00 и 13.00 за последние недели приобрел целое ритуальное и символическое значение: группы и группки, команды и просто воспитанники собирались тут еще за полчаса до раздачи еды - просто для того, что бы обменятся мнениями, поговорить, да и просто посидеть.

Сегодня все было несколько необычно: не было преподавателей, отсутствовали ученики 'Кутузова', не было и технарей-'инвалидов'. Лишь Тома в своем поварском колпаке с девочками на тележке развозили по столам бадьи с уже порядком надоевшей тушеной говядиной и гороховым супом, приготовленным на той же говядине.

'Старшие' появились в самый разгар обеда достаточно неожиданно. Их появление сопровождалось характерным звоном - несколько человек уронили свои ложки. - И ведь было от чего?!! Все как в Приказе: 0,6 сантиметра для мужчины и 2 сантиметра для женщины. Для себя 'мама' тоже не сделала исключения. - Но 'Кутузова' в числе пришедших не оказалось, - он пришел ближе к концу обеда с двумя десятками своих подопечных, и их появление вызвало еще больший вздох: команду 'Кутузова' составляли наиболее взрослые из ребят - 16-17 лет, но теперь их выделяли до зеркального блеска побритые головы и трехдневный пушок на подбородках. Это, а еще

выцыганенные у 'томаковских' военных 'камуфляжные' брюки и куртки, делало их вид уже даже не смешным, а скорее угрожающим и брутальным.

Каждый старается чем-то выделятся, но каждый одновременно стремится быть как все. Эта странная дуальноть психики подростка погнала часть детей сразу после обеда в медкабинет, где Главврач Мария обычной машинкой с насадкой в 10 мм и начала приводить их бОшки к общему знаменателю.

Добровольцев было поначалу не очень много - буквально с десяток человек за первый час. Но, узнав, что постригшимся дают вволю вымыться настоящим шампунем и в по-настоящему горячей воде под душем, а не в тепловатой, к которой привыкли за последние недели, число желающих утроилось. - К следующему обеду лишь отдельные 'диссиденты' козыряли своим патлами, чем впрочем, давали повод к едким насмешкам в свой адрес.

Сначала они услышали уже знакомый треск ломающихся веток, а минут через десять в ста метрах они увидели и 'клиентку' - тетку лет сорока. Она шла робко, слово слепая, уже знакомо пошатываясь из стороны в сторону.

Инструкцию, вдолбленную им 'Кутузовым' Игорь мог уже петь и рассказывать стихами. И цель тоже действовала 'по-инструкции': на окрик не отреагировала, не остановилась, а предупредительный выстрел, выбивший фонтанчик листвы у ее ног, только прибавил ей ходу и скорректировал курс в сторону стрелков.

Вторая пуля должна была пробить ей голову - тетка не вихляла, а шла на них, не сворачивая с пути. Уже нажимая на курок, Игорь вдруг вспомнил слова песни, которую однажды слышал с раритетной бобинной 'Санды' у своего деда, и тихо про себя повторил:

@Я чуть замешкался и, не вступая в спор,

Чинарик выплюнул - и выстрелил в упор. @

Кончик пули был чуть спилен, что гарантировало более тяжелую травму. Это понижало срок службы ствола, но и снижало риски для стреляющего. - Идущая баба рухнула как подкошенная.

- Идем проверять? - Кирилл явно хотел выслужиться, и весь горел нетерпением.

- Ты помнишь, что я про тестовое время вдалбливал, балбес? - Ждать не менее получаса. Ты пойдешь, а там кто-то еще есть. Жди! -

Игорь сделал паузу, а потом, словно вспомнил о чем-то, добавил, - сегодня вечером расскажешь все, что запомнил о 'ксюхе' - в стихах и с выражением.

Педагогическому запалу Игоря Константиновича было вполне разумное объяснение. 'Кутузов', натаскав с пару десятков человек по предмету '**АКС74У**' вполне разумно решил, что дальнейшую педагогическую эстафету по обращению с оружием можно передавать тем, кто это уже выучил. Ну а планируемые к введению предметы типа ' **первичная и фельдшерская помощь', 'стандартная и полевая кулинария', 'методы партизанской войны' и 'основы агрономии и животноводства'** , и прочая, и прочая - могут передаться так же как и '**АКС74У**': выучился сам - помоги другому. Конечно, после того как сами обучающие усвоят и сдадут экзамен. Рождалась простенькая схема: младшие преподаватели учат, а старшие, в лице Бортника, Маши, Томы и прочих, - проверяют и доучивают. Средний уровень при этом естественно и здорово проседал, но зато Дом выигрывал количественно, а это было сейчас куда как важнее.

К тому же, что было не менее важно, после прохождения теории, новых учеников учили практики и на практике. По крайне мере так было с **'вождением и ремонтом машины - ВАЗ':** Бортник, Исаак и Кореньков зашивались около двух недель, пока, наконец, не решили, что первая пятерка их солнцеголовых учеников - таки не овладела материалом на должном уровне.

Взамен же будущим 'молодым педагогам' прямо и недвусмысленно было обещано очень многое: собственная комната, личное оружие, ну а в далекой, но осязаемой перспективе - и право совещательного голоса при принятии решений. И много других ' сладких плюшек', - в том числе и повышение в звании в случае военного положения, - из 'рядовых' до 'сержантов' .

Прошло уже полчаса, а женщина все так же лежала, уткнувшись тем, что у нее осталось от головы, в ствол сосенки. И только тогда, убедившись, что никого больше нет, подчаски вышли из своего укрытия.

Женщина была гораздо моложе, чем им показалось на первый взгляд.

Для помощников Игоря Константиновича это была работа хоть и неприятная, но дававшая шанс на то, что и им когда ни будь доведется

сверкать зеркальной головой и аккуратной бородкой, - такой, как и у их начальника. Да и такого мандража, как при проверке своего первого жмура, они уже не испытывали. Эта, еще молодая женщина, умершая около месяца назад от укуса в руку, была для них, за эту неделю дежурства, уже восьмой.

Надев новые, длинные по-локоть, 'ветеринарные перчатки' Кирилл начал шарить по трупу покойницы. Не прошло и минуты, как его добычу уже составили золотое колечко, цепочка, *бумажник*, маникюрные ножницы и зеркальце. Ощупывание пальто обозначило еще пачку гривен, какое то 'левое' удостоверение и кредитки, но эти предметы были проигнорированы. Все остальное найденное должно было быть аккуратно рассортировано по ящичкам, которые им выдал их 'Кутузов': 'Драгоценности', 'Оружие', 'Письма мертвеца' и 'Прочее'.

Первым идею к разумной утилизации трупов подал еще в первую неделю беды Дмитрий Кореньков, снявший с погибшего парня довольно неплохую обувь. В ней он потом еще долго щеголял, - пока совсем не потеплело. А окончательно идея закрепилась после того, как к мостику, на котором все еще стояла машина со 'страшной предупреждающей надписью', притопал один из 'обратившихся', - в прошлом милиционер, - и в кобуре у него был отнюдь не огурец или яблоко, а самый настоящий 'Форт-12'.

Увы, эта покойница внесла довольно убогую плату за свое упокоение и погребение: золото собирали скорее по привычке, оружия у нее не было, а 'прочее' представляло довольно таки жалкое зрелище.

- Я все! Теперь твоя очередь. - Произнес Кирилл, поднимаясь, и держа вытянутыми вперед руки в 'ветеринарных' перчатках так, что бы они не касались тела

- Отходи. - Павел сделал шаг к покойной, а потом, словно о чем-то догадавшись, повернулся к Кириллу. – Хотя, стоп ! Ты ее карманы смотрел?

- Все чисто.

-А это? - Напарник палкой, с деланной брезгливостью, оттянул край платья покойницы, зацепив и часть бюстгальтера. Вместе с иссохшейся и потерявшей свою форму молочной железой оттда выпало нечто: туго завязанный презерватив с вложенным в него блокнотом - прямой кандидат в ящик 'Письма мертвеца'.

Далеко не всегда укушенный человек погибал сразу,- в большинстве случае люди успевали понять и осознать, что умирают. Желание же простится со своими близкими, написать завещание или передать важную информацию бывает очень важным, настолько, что человек, чувствуя что засыпает навсегда, из последних сил пишет прощальное письмо своим детям, жене, отцу, иногда просит его похоронить по человечески, или, в конце-концов, просто просит передать его маме, что он умер. Один покойник, тот самый, что пришел к мостику с 'Фортом', вообще написал хокку, и вложил в ствол пистолета...

«Догорит твоя
свеча - охватят тебя
бред и бешенство.»

Но с точки зрения руководства Дома (и дежурившая троица была с ним полностью согласна) наиболее интересную часть в 'Письмах мертвеца' могла играть ее завещательная часть. Пока что им попалось только четыре таких 'письма', где люди просили по возможности связаться с родственниками и передать ценности хранящиеся в том или ином месте, типа сейфа или тайника дома, завещая неизвестному душеприказчику от *'половины того что, там есть'* - до *'столько, сколько позволит твоя честность, сука'*. И только один раз тайник, в виде сейфа спрятанного за картиной небольшого дачного домика, оказался достаточно близко для того, что бы туда съездить и проверить содержимое. - Содержимое оказалось набором из бутылки коньяка, пачки долларов и старенького пистолета марки 'Тульский Токарев', в просторечии именуемого ТТ.

- Блядь, ходить тебе вихрастым, Кирюша, - голос старшего из подчасков был по-взрослому зол.

- Паша.

- Ладно... Пошли.

После этого настала очередь Павла: длинной палкой с надетой на конец "разовой" петлей, он потащил усопшую к яме вырытую метрах в 200 от их лежки. В не очень глубокой яме уже были заранее набросан сушняк и ветки побольше, на которых уже лежало с десяток тел. Затем Павел, собрав добытые трофеи в один пакет, перенес их к месту будущего упокоения и там же начал их сортировать. Возле места

лежки снятое с трупов не складывали по самой банальной причине - от трофеев таки ощутимо попахивало.

Затем, оценив заполненность братской могилы, он подошел к командиру тройки.

- Игорь Константинович, уже полная, десять жмуров набралось - будем жечь?

-Нее. Десять - это если взрослых, - так Бортник сказал. А там вон двое шкетов, те, что вчера вдвоем притопали, и шавка, что пришла все погрызенная. Так что еще одного можно. Если до вечера ничего не случиться, то жечь и закапывать несгоревшее, следующая смена будет. - Затем, прислушавшись к возне в кустах, командир тройки повернул голову и зашипел, - Эй, Кирюха, ты скоро? Потише там! - голос Игоря Константиновича был тих и напряжен.

- Иду...А чё?

- Хуй через плечЁ! Харе там балду гонять....На пост возвращайтесь. Мне тут одному, что ли 'слухОметром' работать?!

- Иду-иду...

- Яма уже почти полная? - Хотя интонация была вопросительная, но Игорь Константинович скорее утверждал, чем спрашивал подошедшего Кирилла.

- Еще одного можно положить.

- Знаю... Если сегодня никого не будет, то этим завтра Егор со своими займется. А вы...

- Да?

- Ты, Кирюха, рядом со мной лежишь, как и я - молчишь, смотришь и слушаешь. А ты, Паша, уж звиняй, попахивает от тебя, дуй к яме и начинай собирать рядом с ней хворост и сушняк для следующей 'закладки'.

Уходя собирать сушняк для завтрашней кремации, Павел обернулся, - Игорь и его подчасок лежали в траве так, как их обучали 'Кутузов' и Прохор - сливаясь с местностью, стараясь ничем не выдать своего присутствия.

Тоже время, центральная площадь ПГТ Саивка - Пап, эта побирушка снова приехала. – Голос Русланчика, чернявого мальчугана 11 лет был не по-детски презрителен.

- Она не побирушка, сынок. Она, - голос отца запнулся,- она просто женщина...которая...которая..- что сказать дальше, он не

нашелся, и просто замолк.

Виктор Семенович Сахно тихо и подспудно, не желая признаваться даже самому себе, начинал ненавидеть эту женщину. В отличие от него она не бросила своих, а осталась со своей шантрапой до конца. И вот сейчас барахтается, пытаясь сотворить невозможное. А он, Виктор Семенович, крепкий здоровый 40-летний мужик, помнил, как кричали с балконов его соседи по дому, прося о помощи, умоляя не бросать их и помочь, а потом проклинали его, уходящего, в спину. И как плакала оставляемая в квартире двоюродная сестра его мамы - тетя Лида, - бездетная женщина души не чаявшая в своем племяннике. А он просто уезжал, спасая сына, и впавшую от пережитого ужаса в ступор жену, - ведь в грузовике ВЧ№25-5, который смог пробиться к ним на 3-й день кошмара, было только два стоячих посадочных места... И поэтому Виктор начинал ненавидеть эту «побирушку» - она то своих не бросила, хотя и была в куда как более тяжелом положении.

Для Русика же все было куда как проще, - детская психика намного гибче и пластичнее чем у взрослого. Да - его бабушка сошла с ума после укуса какой то собаки на улице, и они с мамой и бабой Лидой больше суток просидели в кладовке, пока папа не смог их спасти, да - маму очень жалко, она до сих пор спит (в ступоре - как говорит папа), а тетя Оля - папина хорошая знакомая сейчас готовит им еду, ухаживает за мамой, а ночью...Руслан был достаточно взрослым мальчиком, что бы понять, что папа вовсе не душит каждую ночь тетю Олю. - Но зато они почти все живы, тетя Оля ласкова с ним, а папа раз в одну - две недели грузится на машину, уезжая в сторону города с другими дядьками, и возвращается назад с добычей, или хабаром, как говорят они. - Они уезжают с оружием, рискуют, и мальчик помнил как несколько раз 'добытчики' возвращались или без добычи или вообще не все. И как страшно кричала их соседка, когда после очередного рейда домой, не вернулся ее сын.

А ЭТА?! - Ее люди не ездят за 'хабаром' и практически не рискуют, а просто униженно клянчат то, что его папка, дядя Гоша (тети-Олин брат), и другие добывают с риском для жизни. *Они* грязные, худые и голодные, *они* дерутся за сухую мивину прямо в кузове и там же ее и жрут.

Мальчик помнил, как эта женщина приехала сюда в первый раз, и как всем поселком ей собрали едва ли полмашины съестного и

лекарств. - Как в кузове сидели худющие подростки с автоматами, одним своим видом говорящие что еще немного и могут начать есть друг - друга, а женщина, стоя на капоте машины, просила собравшуюся жиденькую толпу помочь - кто чем может. А два мужика (как он их окрестил) - 'однорукий' и 'с наколками' - помогали тощим парням и страааашненькой худющей девчонке втаскивать в кузов 'пожертвования'.

Он помнил, как почти сразу же среди подростков сидящих в кузове началась потасовка между сторонниками идеи *'жрать хочется'* и *'надо бы потерпеть до-дому, а не жрать бич пакеты в сухую'*.

Снова *'Эта'* приехала ним в Саивку через три дня, собрав чуть поменьше, а потом еще раз, и еще раз, пока ей почти перестали подавать...

В этот раз все было, как и три дня назад: 'побирушка' вскарабкавшись на машину начала говорить:

- Вы знаете - кто я, и зачем приехала. Прошу Вас - кто чем может - помогите! Две сотни детей - банально голодают. Есть инвалиды, есть совсем маленькие, есть несколько новорожденных... Ради бога! - Я не прошу оружия, - оно у нас есть, и за себя мы постоять сможем, но наши инвалиды не могут передвигаться на дальние расстояния и им нужен уход...

Мальчик стоял с отцом и наблюдал издали, как *'побирушка крутит пластинку'* - все, как и в прошлый раз - те же слова, так же сидят в кабине 'однорукий' и 'колотый', дети только каждый раз другие, но все такие же худющие, да с каждым разом в словах 'побирушки' все больше слез и отчаяния.

И тут и сын, и отец отмечают и что-то новое: после своей стандартной речи *'люди добрые, сами мы не местные'*, женщина продолжает просить:

-...если у кого то есть инсулин, препараты для химиотерпатии, антибиотики, реактивы для. .. - она продолжает говорить и перечислять медпрепараты, а потом замирает в ожидании.

И вот какая то бабка, свободно, никого не касаясь, проходит сквозь жиденькую толпу зрителей протягивая 'побирушке' пакет, по всей видимости, с лекарствами, а вот кто-то несет ей початую паку 'бич-пакетов', еще коробка, и еще тюк. И все.

Все - в буквальном смысле. Становится ясно, что тут ей больше не подадут - ни сейчас, ни в будущем. - 'Побирушка' растерянно смотрит на скромные пожертвования, ее губы дрожат. Проходит несколько секунд, затем еще полминуты, а толпа все смотрит на нее, предвкушая зрелище, и наконец, получает желаемое: директор Детского Дома №5 тихо опускается на колени прямо в лужу, потом садится на бедро, опираясь рукой, и начинает тихо подвывать - то ли от отчаяния, то ли от наступающей истерики. Это продолжается около 20 секунд, пока, наконец 'однорукий' не выскакивает из кабины, и при помощи двух пацанов не затаскивают воющую от отчаяния тетку в кабину автомобиля.

«Проверка на дорогах» - был любимым фильмом ее дедушки. А идея о том, что наличием или отсутствием еды можно откорректировать внешность, была для нее не новая. Пару суток голодания для нескольких худощавых пацанов, которые с автоматами в руках должны были стоять в кузове авто во время их 'рейда' по обитаемым окрестностям, по мнению доктора были не слишком уж и опасными. Да и Маша оказалась неплохим гримером, удачно наводя мешки под глазами.

И мало кто знал даже на территории Дома, что унижение их руководителя, просьба милостыни, которая впрочем, была совсем и не лишней, голодание добровольцев, стояние на коленях и прочий *'театр'* - были вовсе не для того, что бы заполучить еще один ящик мивины, или пару баклажек просроченного кукурузного масла. - Все было куда как проще и сложнее одновременно - "мама" выстраивала своего рода виртуальную систему защиты вокруг своего мирка. Ведь редко кто решится грабить или обижать вооруженного, но еще реже кто решиться грабить вооруженного нищего. - Дом создавал себе реноме нищего и голодающего заведения, приблизиться к которому означало услышать просьбу о помощи, или получит автоматную пулю.

И это мероприятие было не единственным в своем роде. - *'Местные'* и *'понаехавшие'* из Саивки, Адамовки и прочих кластеров, не раз и не два видели как пацаны из детдома на одном из *'пунктов выхода'* близ дороги потрошили упокоенных ими «обратившихся», снимая с них еще годную обувь, драгоценности и прочие полезные в хозяйстве предметы. - Ни один нормальный человек из тех, кто выжил в первые недели, никогда бы не опустился до того, что бы снимать с

мертвеца обувь или проверять карманы полуразложившегося трупа. Ни один, кроме ЭТИХ.

Не знали они лишь того, что сложная система засек и завалов специально выводила некоторую часть «обратившихся» на несколько участков шоссе, как не знали и того, что процесс *'потрошения трофеев'* старались начинать после того как был слышен шум приближающегося транспорта.

Сильные и 'упакованные' люди, с хорошим транспортом и оружием, отбив очередной склад или магазин, возвращаясь домой, - они видели пацанов снимающих берцы с упокоенного стралея или кольцо с руки мертвой тетки. Ничего кроме смеси жалости с налетом презрения это не вызывало.

Впрочем 'детдомовцы' на своем участке чистили дорогу весьма исправно, не только упокаивая «обратившихся», но еще и сжигая их. Да и были они вооружены. Пусть не навороченным оружием, но и их АК могли убить живого так же, как и упокоить мертвого. А потому обычай, проезжая мимо, бросить голодающим 'санитарам леса' банку тушенки или иного деликатеса сформировался очень быстро и соблюдался неукоснительно. - Ведь если обидеть 'убогих', то в следующий раз прухи не будет?! - Эта примета тоже была сформирована практически одновременно с обычаем подаяния.

Вечно голодные, раздетые и вооруженные - такой формировала образ своих подопечных их 'мама' в глазах окружающего мира. И мир ей пока в этом верил.

ОТСТУПЛЕНИЕ: из копии Приказа №567/1

....'П.1 За попытку изнасилования ученицы старшей группы Ивасик В.К. (14 лет), младший преподаватель Иванчук Николай Борисович (15 лет) приговаривается к отчислению из Детского Дома № 5, с последующим переводом в ближайший лагерь Спасения (пгт. Томаковка).

П.1.1. По настоятельной просьбе Ивасик В.К. о смягчении приговора - приговор объявляется условным. На период испытательного срока (6 месяцев) Иванчук Н.Б. лишается статуса преподавателя, и приговаривается к 100 нарядам по кухне вне очереди

П.1.2. По просьбе Ивасик В.К. ей разрешается отбыть положенное число внеочередных нарядов по-столовой вместе с наказанным, сократив их число до 50.

П.2. За грубость в отношении персонала, отказа проходить необходимый образовательный минимум, саботаж и игнорирование распоряжений руководства, рукоприкладство - младший преподаватель Ковель Виктор Борисович (16 лет) приговаривается к отчислению из Детского Дома № 5 с последующим переводом в ближайший лагерь Спасения (пгт. Томаковка). - Ответственный за приведение Приговора в исполнение - Борник И.П.'...

Напротив П.2. рукой человека приводившего приговор в исполнение сделана приписка: **Это была ошибка. К сожалению, мы не звери...**

Танатос и Эрос - две противоположности, две стороны одной медали. Эросом жизнь зарождается, а Танатос ее завершает. И если троица на дальнем посту была озабочена, подобно жрецам бога смерти Танатоса, вопросами упокоения и погребения, то и Эрос брал свое.

На кухне горел свет. Молодые парень и девушка, практически еще дети, были тут одни. Девятичасовой рабочий день, в котором учеба перемежалась с хозяйственными работами, был вполне терпимым по нагрузкам для молодых растущих организмов. Но если к ним добавить еще ежедневные дополнительные 'штрафные' два часа работы на кухне, то рано или поздно усталость возьмет свое. Им обоим предстояло работать вместе еще достаточно долго. Один отбывал приговор, а вторая помогала ему его отбыть.

Неожиданно парень вздрогнул и проснулся. Он ведь прилег на лавку отдохнуть всего на несколько минут?!- Хотя, судя по затекшему боку, спал он так достаточно уже долго. Но разбудила его вовсе не жесткая поверхность деревянной скамьи, а слезы падающие ему на нос и лоб, да еще тонкая девичья ручка, гладящая вихры его непослушных рыжих волос. А вот голове было приятно - голова лежала на ее коленях, и от них пахло хорошо, приятно и ...Неожиданно девочка наклонилась и прикоснулась своими губами к его щеке.

Люди в той, прежней жизни, были вообще очень странными существами: сцены убийства себе подобных они всячески героизировали в фильмах, на картинах, в песнях. В то время как сцены зарождения жизни стыдливо именовали порнографией, рассматривая их как нечто неприличное, постыдное и запретное. Показать в детском фильме сцену обезглавливания? - Запросто! Показать в том же фильме женскую грудь или половые органы?- Верх неприличия!

А секс?! - Сколько странных, вредных и нелогичных табу с ним связано?! - Связь сорокалетнего мужчины с 14-летней девочкой обществом рассматривалось как нечто страшное, предосудительное - что то среднее по тяжести между некрофилией и государственной изменой.

А вот связь 13-летних подростков - это скорее из областей детских шалостей, типа *'дети растут - познают мир'*, или *'взрослые недосмотрели'*.

Хотя, казалось бы, кто лучше как не взрослый опытный мужчин, не стремящийся форсировать события, опытный и контролирующий свои гормоны, не введет юную девушку в мир чувственности.

А если это мальчик?! - Эх, объяснили бы этому мальчику, что советы друзей *'быть понастойчивее'*, и что *'они все сначала ломаются'*, - не стоит воспринимать буквально.

Да и девочка...Рассказы-страшилки подруг о предстоящей боли, неуверенность и робость на фоне решимости молодого любовника, а потом страх. Страх порождает панику и рождается слово 'НЕТ'. Эх подруги-подружки, объяснили бы вы этой дуре что после того, как с обоих скинута одежда, он уже почти в ней, а разум в глазах любимого уступила место страсти и нетерпению, - слово 'НЕТ' говорит уже не стоит.

Ее страх и запоздалое сопротивление, и крики, и его расцарапанное лицо, и пятна крови на старом матрасе - улики были на лицо. И оставалось лишь привести приговор в исполнение - изгнать из стада паршивую овцу. И изгнали бы, наверное, если бы кроме плотского чувства эти двое не испытывали друг к другу еще и первую, только-только зарождавшуюся любовь.

О том, что Колька с первой группы *'попортил'* Вику знали уже все. В первую очередь благодаря голосистости самой Виктории, и ее желанию добиться сочувствия у подруг. Подруги впрочем, жалеть 'пострадавшую' не спешили, а, узнав, как протекал процесс изнасилования, вообще прекращали выказывать ей какое либо сочувствие. Впрочем, и сама 'пострадавшая', успокоившаяся после лошадиной дозы корвалола и валерьянки, к утру, наконец, допетрила, что больше Колю она не увидит. Ее Коленьку!! - Сначала Вика пришла к Бортнику, затем разговор продолжили у Марии, и, наконец, у самой "Мамы".

Поцелуй в щеку был вполне невинен и лишен какой либо чувственности, но следующим движением девочка вдруг прижала голову мальчика к своему животу и, мешая слезы с поцелуями, начала что то шептать ему в ухо - бессмысленное и очень приятное.

Если бы кто заглянул в зал столовой через 10 минут, то увидел бы что молодой человек, осужденный к 'исправительным работам' за *'взлом лохматки'*, явно склонен к рецидиву. Впрочем, в этот раз с противоположной стороны не было ни жеманства, ни страха, но была мощная термоядерная смесь любви и желания, чувства собственной вины и жалости к пострадавшему из-за нее.

Но в тот вечер не только эти дети служили этим двум сильным и капризным божествам. Свою лепту внесли и взрослые. - Так, этажом ниже парочки влюбленных подростков, которая, наконец, совпала в унисон в своем лирическом настроении, шел обычный урок медицины. И там самый обычный доктор показывал самым обычным девочкам, как определяется срок беременности при осмотре беременной. Девочки, по задумке 'Мамы' должны были стать чем-то средним между медсестрами и фельдшерами. И поэтому ни "Мама", ни Нач. Мед. Маша, ни доктор не были настроены упускать возможности дать дополнительный урок будущим фельдшерицам, если кто не дай Бог сломает конечность, понадобиться вскрыть фурункул, ну или, как сейчас, определить срок беременности.

Беременная, кстати, тоже была самая обычная - такая же девочка, как и те, что тренировались 'на кошках', то есть на ней. - Увы, Оленьке, 15-летней миниатюрной девочке, в этот раз выпала честь не учиться, а учить. Виною тому была непутевая мамаша, забравшая дочку несколько месяцев назад погостить (фактически укравшая) ...и Олин двоюродный брат, успевший за недолгие три дня, пока шел розыск девочки, напаскудить.

- Иди сюда. Так. Правильно. Вот берешь расширитель...в вот так...так...а теперь , - доктор говорил спокойно, даже с некоторой ленцой, но четко и размеренно, - так…так, а остальные , две слева и две справа, начинают смотреть и слушать.

Две девочки стояли справа от доктора, две слева, а маленькая, но фигуристая брюнеточка, прижимаясь спиной к груди доктора, стояла в центре - между ним и креслом, где в раскорячку лежал 'объект изучения'.

Доктор, высокий, худощавый мужчина, был уже сед, что впрочем, для мужчины перешагнувшего через полвека - было нормально. Впрочем, седина не была его единственной визитной карточкой. Острый орлиный нос, ножные протезы, пронзительный взгляд и острый и циничный ум делали доктора чрезвычайно колоритной фигурой.

А еще пальцы. Длинные и сильные, они были пальцами не пианиста, а именно хирурга. О том же что он этими пальцами способен делать вне операционной палаты среди женской половины Дома тоже ходили разговоры, но уже не медицинского характера. И от этих разговоров одни девочки и девушки густо краснели, другие облизывали язычком верхнюю губу, или иным образом казали свою заинтересованность фигурой доктора и его действиями явно не-медицинского характера.

Вот и сейчас, - мерный голос, одна рука помогает расширителю, подсвечивая и указывая на дно матки беременной, и все внимание девичьих глаз устремлено вперед. И никто не видит как вторая рука мужчины медленно и незаметно проводит по левой груди прижавшейся к нему брюнеточки Оленьке Кирпе, не трогая, а скорее касаясь. В этом жесте нет крайностей - ни 'разрешите впердолить', ни - случайного касания. Охотник сам оставляет за дичью право выбора - оскорбиться или не заметить, давая, таким образом, ему возможность действовать смелее. - Но дичь выбирает третий вариант, превращая самого охотника в жертву. - Кисть мужчины с длинными и сильными пальцами уже готова покинуть грудь девочки, когда неожиданно замирает: на его кисть легонько ложится ее рука и прижимает достаточно сильно для того, что бы у немолодого мужчины сильнее забилось сердце, а ладонь успела ощутить отсутствие лифчика на острой девичьей грудке.

ГЛАВА ПЯТАЯ «ЗАГОВОР»

9июня 2007г., Лагерь Спасения Кравчего, бывший склад Гос. резерва №26 ПГТ Томаковка.

Власть - это всегда сложная система сдержек и противовесов, а в хозяйстве Кравчего были разные противовесы из разных служб, ведомств, воинских частей. И даже его бывшие коллеги - далеко не всегда считали, что должность 'Спасителя отечества' он занял по - праву. Ведь были и другие! - Тот же Кранч, волею судьбы и Кравчего, оказался не у дел в момент дележа власти.

И он балансировал, не имея ни собственной силы, ни однозначной поддержки среди 'своих', которые видели в нем выскочку, ни пожарных, ни МЧС-ников, ни других групп. Все что мог он делать, так это выстраивать сложную систему сдержек и противовесов, при которой его смена казалась разным группировкам большим злом, чем его наличие. И при этом, прекрасно понимая, что рано или поздно он не сможет 'уравновесить' желания и страхи всех членов совета. И уже звенят звоночки и бьют колокола, о том, что есть влиятельные люди, и что у этих людей есть мнение о том, что ему пора уходить.

Их сейчас тут было лишь двое сидящих за столом людей - очень разных людей. Один был высоким брюнетом лет 40, с волевым красивым лицом. А второй - был небольшого роста толстячок, страдающий, видимо, не только излишним весом и облысением, но еще имеющий проблемы с давлением, потоотделением и множеством других вещей, осложняющих жизнь человеку, перешагнувшему через полвека своей жизни.

К этому описанию у толстяка еще можно было добавить следы обширных гематом на лице, сломанный нос и недавнее пулевое ранение плеча.

И была еще одна вещь делавшая этих людей непохожими друг на друга: один в дни беды смог спасти всех своих и сейчас принадлежал к очень и очень немногочисленной когорте людей имеющих полные семьи, а второй ..А у второго сейчас была только дочь - главное и единственное сокровище в его жизни.

На группу Ольховского один из его поисковых отрядов выскочил совершено случайно, и так бы и разминулся два одиночества, как избегали друг друга и ранее группы вооруженных людей шарящих по округе, если бы в бинокли практически одновременно командиры обоих группок не узнали друга-друга.

Робкое приветствие рукой с одной стороны было поддержано более энергичным маханием панамы с другой. Затем последовала встреча 'переговорщиков', и вот уже сам партизан-Ольховский пьет коньяк в гостях у местного царька Кравчего, на которого еще бы полгода назад смотрел бы если не с высока, то по крайне мере не как на равного.

- Ну так вот, - продолжал говорить Сергей Петрович, - сидели мы там как в мышеловках - жратвы нет, нормальные мужики, одиночки или семейные, по селам разбегаются, а бабы с детворой, инвалиды и прочий ...м-м ..мусор, что ли...к нам бегут, - хоть вешайся!

- Ну?

- Баранки гну, Ольховский, - засмеялся Кравчий, - начал мой Женя разбирать бумаги да гигабайты покойного 'папы', ну вот и наткнулся на план эвакуации СЮДА. 'Папа' неглупым человеком был, и о том, что тут и сытно и безопасно будет еще в первый день докумекал, но молчал...Как я понял звонок Ему от Бортника, - услышав эту фамилию Ольховский дернулся, что отметил про себя Кравчий, и продолжил после небольшой паузы, - так вот, звонок от Бортника был не первый для него. И у него информация была еще на пару часов ранее - и из Москвы, и из Минска. Но он ждал чего-то, наверное. Подозреваю, что оптимизации числа едоков.

Оба собеседника недобро улыбнулись. Ни Кравчий, ни Ольховский покойника не любили, оба были сейчас живы, и оба находили забавным, что в число 'оптимизированных' не вошел главный оптимизатор.

Друзьями собеседники никогда не были, но то, что они оба были из одной конторы, и оба находились, что называется 'в пути', или, говоря по другому - были в подвешенном состоянии, - это их в какой то степени объединяло и давало возможность понять друг-друга.

- Ну, так вот, - продолжал 'Спаситель Отечества', - идею с Томаковкой подкинул еще покойный шеф.

Ну, посуди сам - далеко от города, много продуктов, а вокруг, как в той песне, степь да степь кругом.

- Но из разговоров я понял, что вы тут были не первыми? - Голос Ольховского был слегка ироничен, но лишь слегка.

- Да, представь себе, умные мысли имеют свойства приходить в голову разным людям. МВД-шники тут окопались, человек двадцать. У них даже 'охранная грамотка' была. Короче, мы не стали идти на штурм, а они не стали играть в '300 спартанцев'. Решили миром - они вливаются в наш дружный коллектив, а их командЭр входит в наш междусобойчик.

Звон рюмок, - банкующим на правах хозяина был Кравчий, - и молчание, - каждый их них думал о своем. Ольховский не выдержал первым.

- Сергей Петрович, - сказанное было произнесено, скорее, с долей шутки, чем с пиететом, - нам помощь твоя нужна. Небольшая, но помощь.

Ответный кивок, и Ольховский продолжил.

- В ваш 'колхоз' идти у меня желания нет, равно как и у моих орлов. Но, - собеседник Кравчего поднял палец вверх, - мы не отказались бы от союза с вами. Вам будет выгодно иметь глаза, уши и десяток стволов на дальних подступах к Томаковке, а нам - знать, что есть, кому кричать 'Help', если станет совсем кисло.

- И сколько километров будет разделять нашу дружбу? - Голос Кравчего был полон иронии.

- Еще не знаю, сейчас ищем жилье для постоянного обитания.

- Господи!? - Сергей Петрович был искренне удивлен - Да кругом пустующих зданий сколько угодно. А у тебя с добрый десяток стрелков?! Откуда проблемы?!

- Так то оно так, - в отличие от удивленного Кравчего Ольховский был скорее грустен, - но давай прикинем. Ведь мы поставили задачу найти себе постоянное жилье не для базы, где можно отсидеться между грабь-рейдами, а именно что жилье.

Ты говоришь, что *'Вокруг полно пустого*. Так вовсе нет! Эти два месяца мы просто старались выжить и не делать ошибок. Короче, сидели тихо как мышки, типа нам надо сохранить себя для потомков и не делать ошибок... А другие, те что по дурнее или поумнее, - не сидели, забившись в норку.

Командир отряда выживальщиков сделал паузу, допив остатки коньяка, салютуя своему хозяину, и продолжил.

- Итог! Сейчас нужного жилья, отвечающего тому, что мы ищем, и при этом свободного, может и не быть.

Ольховский начал загибать пальцы -

- Мизинец. Рядом должна быть пашня. И с нормальной землей и рядом, а не в 3-5 километрах. И хорошая, а не изгаженная химией, с нормальной кислотностью почвы. И земли должно быть много. Мои люди в необходимость вошколупиться в земле - верят, но сами не горят желанием. Поэтому земля должна кормить много людей, которых мы будем приглашать, тянуть, привлекать.

- Безымянный. Расположение. Не слишком далеко от города, но и не в пригороде.

- Средний. Строения. Желательно новые, капитальные, предназначенные для жилья, рассчитанные на долгий срок.

Ольховский хотел дальше продолжать, но, махнув рукой с тремя зажатыми пальцами и выпалил на одном дыхании, - попробуй найти небольшое хорошее жилье, отдельно стоящее, капитальное, для небольшой группы, но с перспективами и близ дороги, но не на самой дороге. и т.п, и т.п. - такого жилья не так уж и много. Поверь! И оно уже занято. Нам остается или довольствовать худшими вариантами, или отбить оптимальный.

Но тут есть своя логика - отбив его, нет гарантии, что не будет врагов и выстрела в спину. - Ну, перебьем-выгоним мы 10-20 человек, но где гарантия, что не будет 21-го мстителя со снайперкой или минометом? - Хотя, это и не глобальная проблема, но повозиться нам придется. Так что, если есть зацепки - буду благодарен за инфу.

Сергей Петрович внимательно выслушал монолог собеседника, а потом произнес тихо и спокойно слово - НЕТ.

А потом, то ли под действием алкоголя, то ли от нахлынувшего желания быть наконец хоть с кем откровенным, начал говорить.

- То, что я тебе скажу, Ольховский, я говорю тебе и только один раз. - Сделав паузу, и глубоко вздохнув, он продолжил. - Сейчас тут крысятник единомышленников. МВД-шники, ДПС-ники, пожарники, просто группки по интересам.

Плюс во внешнем периметре более полутора тысяч человек, и там тоже есть вооруженные группы людей, - народная милиция, которая

держит внешний периметр. Это уже не 'наши'. Наши все тут - Сидят на харчах, а там, - он махнул головой в сторону лагеря спасения, - просто вооруженные самооборонщики. И у них, а вернее, у их лидеров, тоже есть мнение, которое мы не можем не учитывать.

- Сергей Петрович, - неожиданно перебил его Ольховский, - позволь ... Ты НАШУ контору не упомянул в качестве субъектов влияния. Это случайно? Или...

- Или. И не упомяну. Нет больше НАШИХ. Есть бывшие СБ-шники, рассосавшиеся по разным группам, есть личная охрана Главы Совета, сиречь меня. А вот нашей СБ-шной кодлы нет. И уже не будет.

Лицо Ольховского выражало крайнее изумление.

- Сергей, такое может быть только если...

- Да! - Кранч, Евтушенко...Кто еще там? - А! - Пицык. И мой зам. А нет лидеров, так и людей легко к себе переманить. Нас то и было человек сорок от силы. Кто-то погиб, кто-то дезертировал, а кто-то и остался.

- И кто их?

- Официальная версия гласит, что мой зам героически погиб спасая своего руководителя от заговорщиков.

- А не официальная?

- А то, что ТАМ было, знаю только я. Думаю, что этого вполне достаточно.

Ольховский закашлялся, поймав на себе взгляд Кравчего. Было в нем что-то новое, странное и маслянистое. А Кравчий продолжил.

- Так что Томаковка тебе сейчас вряд ли поможет. Тут своих проблем туева хуча, идет грызня, тянут одеяло друг на друга, уроды. И давно бы перетянули. Но.. Ты посчитай! Тут за каждой группкой стоит человек 30-40 активных стволов. А их тут около десятка, этих группок по интересам, плюс личная охрана 'Отца русской демократии и Спасителя Отечества первой степени', то есть меня, это еще двадцать человек. Плюс чуть менее сотни 'милициянтов' во внешнем круге. - Да, они лишь держат периметр, выполняют черновую работу, отстреливая редких 'ходячих' и лупя крыс палкой, да - они плохо вооружены. Но у них есть одно НО! - Им некуда деваться, и они зависят от наличия еды, безопасности и спокойного сна своих родных. - Все, кто сейчас во внешнем круге - это семейные, у которых или больные дети, или не-ходячие родители, или у жен реактивный артрит вкупе с травмой

спины. Поодиночке они не выживут, а в нормальные группы их не примут. Знаешь, что такое "последняя стая"?

- Нет. Что-то с волками связанное?

- Не угадал. Когда птицы, спасаясь от зимы, летят на юг, разные инвалиды и прочие 'серые шейки' разных пород сливаются в отдельную стаю. - Представь себе стаю, в которой и утки, и аисты, и прочие птеродактили! - И летят они последними. И недолетают, конечно же. Ну, так вот, у меня за воротами полторы тысячи таких вот 'серых шеек'. Тех, кто еще жив, но для полета в любой стае бесполезен, но если останется один, то умрет. И у этих 'серых шеек' есть около сотни защитников.

Мы знаем, что они балласт, и они знают, что мы знаем. И мы знаем, что они знают, что мы знаем... Ты, когда к лагерю подъезжал, на что внимание обратил?

-Ну, много на что было посмотреть. Партизаны твои, из "серых шеек", что с ружьями ходят и палками машут.

- А еще? Подумай...

- Кольца?!

- О! Лагерь спасения имеет девять 'колец' палаток и времянок. И, если ты заметил, раньше он имел как минимум пятнадцать таких колечек. Было пятнадцать, а стало девять!

- А люди?

- Люди?! А люди сами ушли, - те, кто смог или захотел. Мы ж не уроды?! Ольховский, когда эвакуация из города началась эвакуация, то планировалось вывезти через речь-порт баржей тысячу, а по факту получилось все пять. Это, не считая автотранспорта и вертолетов. Люди умудрялись к нам пробираться до последней минуты эвакуации. Ну, или мы снимали их с балконов, если они махали и просили.

- Ну?

-Лапти гну, - Кравчий невесело ухмыльнулся, - было тут около десяти тысяч человек первые две недели, а сейчас чуть больше трех. Остальные рассосались. Социальный отбор - налицо. Кто мог прожить без этой кормушки - ушел, а кто нет - остался. И кто остался?! - Больные, бабы, инвалиды и прочие иждивенцы. И далеко не всех их мы можем припахать в силу чисто физической немощи, возраста или болезни. И ведь это далеко и далеко не все!

- У Вас есть еще один лагерь?

- У НАС - нет. Но ты помнишь Бортника? - По лицу собеседника Кравчий понял, что Ольховский его не только помнит, но возможно еще и вспоминает, и продолжил, - Он снова пытается мир спасти. Сейчас я тебе его покажу.

'Плакат' из четырех склеенных листов вынутый из сейфа была уже порядком затаскан, - сказалась смена хозяев, время и, по-видимому, бутылка пролитого на нее темного пива. Но лицо однорукого чекиста в окружении детей и подростков было вполне различимым.

Не дожидаясь вопроса Ольховского, Кравчий продолжил, - Детский Дом №5 в чуть более чем в полусотне километрах отсюда. Там дети уцелели, часть персонала с директором, - в общем, пытаются барахтаться. Ну и он там пытается...пытается снова мир спасти. Донкихот, одним словом. А их там чуть ли не две сотни рыл - малолетки, инвалиды, бывшая шантрапа. И, слава Богу, что они ТАМ, а не ТУТ. Потому что если во внешнем периметре к полторушке 'балласта' из взрослых добавиться еще и ЭТО!?... - Заканчивать он не стал, лишь в сердцах бросив 'плакат' в сторону дивана.

Повисшее после этого экспрессивного жеста недолгое молчание было прервано самим Кравчим. В этот раз он заговорил более тихо, но в его голосе сквозило такое напряжение, что его собеседник сразу напрягся.

- И вот что я тебе ЕЩЕ скажу, Ольховский. Эта информация секретна, но не знает ее лишь ленивый. Что тебе говорит цифра 7 %?

- Все что угодно. Но, думаю, ты скажешь лучше.

- Скажу. 7% - это размер съеденных продуктов этой оравой, - кивок головой, как в сторону внешнего периметра, где кольцом располагался палаточный лагерь спасения простых смертных, так и в сторону собственного административного корпуса.. Оказалось, что аппетиты с началом беды не уменьшились, а вот запасы еды были хоть и велики, но таки ограниченны. И это за пару-тройку месяцев?!- А что будет через год? Что бы сделал на моем месте, или на месте моих 'директоров'?

- Попытался бы избавиться от лишних ртов.

- А что бы ты подумал на месте 'серых шеек' и их защитничков?

-Ну...Что они и есть эти 'лишние рты'...ну и даже предположил метод избавления, по типу 'молись о лучшем, готовься к худшему'.

- Вот! А теперь добавь еще что тут и внутри периметра номер раз, то есть тут, рядом и под боком, не все спокойно. Пожарников - никто не любит - их спаслось больше всех, при чем и семейных с ними больше всех, а вот как военная сила они наименее сильны. СБ-шников никто не любит, но два десятка моих, бывших моих, по разным группам разбежались за сутки, а ведь еще есть МЧС-ники, ДПС-ники, и прочая, и прочая.

Короче, мне порою, кажется, что у аглицкой королевы более власти было чем у меня. И тут ТЫ? - Что подумают 'пожарники', 'милицианты' или кто другой? Я не знаю, но все что угодно. А у нас пока что равновесие, покой, порядок, стабильность. И ты, Ольховский, предлагаешь это равновесие нарушить, взяв перед тобой союзнические обязательства? При чем выгоды будут очень отдаленные - ведь ты далеко, а вот брожение в умах, интриги и контр-интриги начнутся сразу же. Вот ты бы на моем месте взял?- Молчишь?- Вот и я промолчу!

Уже уходя, накидывая свою куртку, Ольховский услышал Кравчего. Тот стоял тяжело дыша, сложив руки на животе и прислонившись здоровым плечом к стенке. Годы, ожирение и спиртное сделали свое дело. Но слова его были на удивление тихими и четкими.

- Я сказал, что Лагерь спасения не сможет положительно ответить группе гражданских под руководством бывшего сотрудника СБ Ольховского на их вполне разумное предложение. Но если возникнет возможность, Комендант Лагеря Спасения всегда будет готов оказать помощь своему бывшему коллеге. И будет рассчитывать на ответную любезность.

Этой дипломатической фразой Кравчий словно бы разбил ледок, тронувший их беседу после его 'нет', и их рукопожатие было слишком крепким, для того, что бы назвать его формальным.

Когда дверь за Ольховским захлопнулась и сюрвайвера повели к выходу из лагеря, его недавний собутыльник и нынешний 'Спаситель Отечества' сел и задумался. - И было ведь о чем думать?! То, что он сказал Ольховскому о противоречиях в их команде, было лишь блеклым отблеском того пламени, которое грозило сжечь их мирок.

Но если бы рядом с ним был не Ольховский, а его покойный брат, или однокашник Грузинский Петя, сгинувший в Минске в самом

начале Беды, или кто еще, кому он мог доверять как самому себе, тогда Кравчий раскрылся бы по настоящему. И рассказал бы о своем знании.

А знал Сергей Петрович что умрет, и умрет он точно не своей смертью. Это могло случится раньше, а могло и позже - слишком много было людей считавших, что Сергей Петрович в частности, или СБ в целом взяло не по чину, или по-чину, но и они тоже имеют право или достойны большего.

Первый звоночек для него прозвенел буквально сразу, как только они смогли перебросить людей к складам Томаковки, - именно тогда-то он, по совету мамочки, - Царствие ей Небесное, - завел котенка. Маленькое рыжее солнышко кувыркалось по его 'кабинету', постоянно прося пищи. - Держать его всегда в полуголодном состоянии был опять же совет мамочки. Ну а что бы успокоить 'солнышко', перед тем как есть что самим, ему кидали кусочек. И ждали... минут пять. - Однажды котенок съел кусочек картофеля, и практически сразу начал кашлять кровью, а минуту спустя - умер.

Кто траванул поднос с едой Кравчий выяснить так и не смог. - Женя, которому он поручил это расследование, уперся в труп повара, и дальше не продвинулся.

Второй звоночек случился примерно недели за четыре до встречи с Ольховским. - Тогда был трудный день, тяжелое совещание, солнцепек. - Его душа потребовала теплого душа, часика сна и укола от давления. - И первым в списке были именно что банные процедуры.

После принятия душа - закутаться в свой теплый банный халат было делом естественным, причем естественным настолько, что он не обратил внимания на одну маленькую, но смертельно опасную мелочь. - Лишь в самое последнее мгновение он остановился, заметив, что его часовой и телохранитель в одном лице - не отзывается на реплики начальства. А еще через доли секунды, уже опуская пальцы в карман, он понял, что там притаилась смерть, и если он туда опустит руку еще чуть ниже, то маленькие зубки куснут, или может быть, всего лишь царапнут его кожу, добираясь до кровеносных сосудов, и несколько часов спустя его не станет. - Часового тогда так и не нашли, как впрочем, не удалось, и узнать, кто подбросил в карман его халата маленькую серую, и неупокоенную мышку.

Третий звоночек прозвенел ровно за неделю до того, как представители Томаковского лагеря спасения в бинокль рассмотрели

своего бывшего коллегу Сергея Ольховского.

ОТСТУПЛЕНИЕ 2 июня 2007г ., около 13.00 - 'Третий звоночек' - То, что это ловушка, Кравчий понял не сразу.

Это был его кабинет. Но не было подноса с рюмками и хоть какой то закуской, а зашедшие вслед за ним коллеги по СБ вовсе не выражали тех скорбно торжественных чувств, которыми они сочились буквально пару минут назад, когда их маленький геликоптер зависал над крышей здания СБ.

Эвакуация велась из города все эти месяцы, сначала топорно - при помощи автотранспорта, но позже были подключены баржа, несколько прогулочных катерков и два вертолета.

Но всему приходит конец. Сначала был закрыт пункт эвакуации 'ЮрА, затем - 'Близнецы'. 'Речь-порт' было решено оставить под контролем сугубо в силу того, что его легко было оборонять, а значимость его трудно было переоценить.

Оставалось само здание СБ. Для поддержания периметра обороны требовалось как минимум три десятка человек, а как пункт эвакуации и место сбора - оно давно себя исчерпало. Поэтому было вполне логичным - оставить его, вывезя оттуда все что, представлялось ценным или критически важным.

Капитан оставляет корабль последним, - этот морской обычай был глубоко чужд Сергею Петровичу. Но неожиданная просьба Евгения возглавить делегацию 'закрытия' СБ, помянуть своих - ТАМ и со СВОИМИ его даже тронула, удивила, но никак не насторожила.

И лишь когда он, Кранч, Пицык, Евтушенко и Евгений Косенко - его зам и правая рука зашли в его же кабинет, в кабинет его - Кравчего Сергея Петровича, лишь тогда он понял что это ловушка. Тупая, простая как все гениальное, примитивная, но ловушка.

Нет ни стола со скромными закусками, ни нескольких бутылок спиртного - ничего нет, кроме открытой бутылки водки и обычного стакана. И еще было молчание - тягучее и нехорошее молчание у него за спиной.

Уже оборачиваясь к подчиненным, он стал догадываться, чего от него хотят и ждут, и начал искать способы если не избежать финала, то хотя бы его оттянуть.

- Сергей Петрович, - прервал повисшее молчание Кранч, - позволь я тебе одну маленькую и грустную историю расскажу.

- Говори! - Голос Кравчего вдруг стал сиплым и хриплым. Нет! Он не потерял рассудка и вовсе не запаниковал, но голос дал слабину и Сергей Петрович про себя отметил, что так и надо дальше говорить. Пусть думают, что он испугался, потерял голову. Зачем? - Он еще не решил, но подумал, что так будет лучше.

- Несколько месяцев назад один сотрудник СБ решил что он хитрожопее остальных. Получив странную информацию, он сделал все, что бы его не сочли ни паникером, ни дезертиром, при чем сделал так, что бы самому не пострадать.

Знаешь, Кравчий, - голос Кранча был спокоен до жути, - а ведь папа сразу понял, что тут, что-то не так. Тебя снимать стали сразу! С самого утра. И мы даже ведь ржали над тобой первые три-четыре часа.

А потом.... А потом все пошло в разнос. Что было дальше - ты и так знаешь. Лично я хотел тебя сразу пристрелить - за хитрожопость и дезертирство, но «папа» меня остановил. Ты думаешь, он великим гуманистом был?

Отрицательное мотание головой собеседника было ответом Кранчу, и он продолжил, - папа, как понял, что все пошло ...ммм....так как пошло, сразу начал задумывать об эвакуации. И, кстати, тоже в Томаковку. А ты, Сергей Петрович, твоя гребаная жирная тушка, поставленная к стенке, должны была послужить в нужный момент сплочению коллектива - ведь тебя к стенке поставить сам Бог велел. Но! - Кранч, подняв вверх указательный палец на секунду замер, и продолжил, - о тебе знал папа, его замы, Пицык и я. Когда папа узнал, что ты выбрался из своей нычки, он из Аулов решил ехать назад. Не думай что ради тебя сугубо. Просто пора было ехать, а можно было и подзадержаться, - но он решил ехать. Что было дальше - ты знаешь. Тебе просто повезло – «папа» погиб, его замы – тоже, меня задержали в Аулах, а Пицык, - кивок головой в сторону коллеги, - подрастерялся.

- И что?- Сергей Петрович начал меняться на глазах, при чем общим знаменателем изменения было дрожание. Дрожал голос, начал подрагивать подбородок, а сам Глава Совета спасения все больше начал производить впечатление проколотого полиэтиленового мешка наполненного то ли водой, то ли чем-то еще похуже.

- И все! - Улыбка Кранча была искренняя до невозможности. - Относительно тебя, Петрович, были разные споры. При чем высокие договаривающиеся стороны были не только от наших. Не только мы

считаем, что ты взял не по чину. Короче, болезный, было решено, что убивать тебя мы не будем - прецедент создавать не надо. Просто пристрелить тебя лично мне, казалось бы, логичным, но, знаешь ли, поиск компромисса приводит к странным решениям. Ну, по тебе и решили - или-или, но никак не убивать.

- Так меня отпустят?

- Ну, ты насмешил! Конечно, отпустим. Прямо сейчас и отпустим. Бутылку белой видишь? - Дождавшись кивка, Кранч продолжил, - рядом бумага и ручка, а в столе пистолет с одним патроном. Мы выйдем, а ты напишешь все что нужно, закроешься изнутри, - хорошо так закроешься, - и в путь. А я гарантирую безопасность твоим выродкам.

- Так мне?

- Да. Но все зависит от того, что ты напишешь. Ну, типа, простите меня, я сделал все что мог, жалею, что не мог спасти всех. Бьюсь об заклад, мы тебе еще и на памятник скинемся, а я может, еще и на твоих похоронах всплакну. Искренне причем.

Падение с высоты собственного роста лицом о землю может быть очень болезненным, и трудным, особенно если делаешь это по собственной инициативе. Сергею Петровичу не повезло - ковра под ногами давно уже не было, и удар лицом о пол рассек ему губу и разбил нос в кровь. Ему было очень больно, но он успел приложиться еще несколько раз лицом о поверхность, прежде чем удар ногой погрузил его сознание в кратковременное забытье.

2-е июня 2007г ., около 14.10 - 'Третий звоночек' - Пробуждение было резким. Это было его кресло, его стол, его глаза испуганно моргающие ....и его кровь залившая грудь, живот и даже брюки. Голова, как ни странно, совершенно не болела.

Их он видел не сразу, лишь примерно через минуты дымка тумана начала рассеиваться с глаз и трое заговорщиков стали ему видны. - Они стояли в нескольких метрах от него,- не было лишь Евтушенко.

- Или-или? - Тем же дрожащим голосом спросил Кравчий.

- Суд. И расстрел за трусость, обман коллег, и неоказание помощи. - Кранч понял его сразу, и, упреждая протест бывшего начальника, продолжил, - тебя сразу вели, и снимали все - и то, что было в кабинете, и то, что было в коридоре. И то, как к тебе в кабинет Аня Годенко кулачками полминуты стучит, и то, как ты ей дверь не

открываешь. Грустное я тебе скажу зрелище, а при правильном монтаже - так особенно. На роль самоубийцы ты уже не тянешь, покаянное письмо писать, как я понял, уже не будешь, - так что остается суд.

Графин воды, который Пицык плеснул ему в лицо, не был попыткой унизить его достоинство, но от этого Сергей Петрович стал казаться еще более жалким.

Когда его выволокли из-за стола и попытались проводить к выходу, он даже не пытался оказывать сопротивление, но ноги его уже не держали, и он рыдал, размазывая по лицу сгустки крови, слезы. Когда же из его штанины потекла желтоватая жидкость, а в кабинете начал чувствоваться запах дерьма первым не выдержал Кранч.

- Пицык, ты сможешь привести ЭТО хотя бы в минимальный порядок? Если мы такое привезем обратно, то нас просто не поймут.

Сергея Петровича втолкнули в душевую, бросив ему вслед висевшие его кабинете, еще с незапамятных времен, форменные пиджак и брюки. Нижнего белья не нашлось.

2-е июня 2007г., около 14.30 - 'Третий звоночек'

Он вышел к своему бывшему заму, своей правой руке, почти таким же каким и входил – жалким и окровавленным. Пицыка в кабинете не было.

К своему бывшему шефу Евгений испытывал сейчас сугубо брезгливость и отвращение. Маленький толстяк униженно скулящий, ноющий и не желающий с достоинством принять неизбежное, отказавшийся от достойного конца в пользу позора.

Женя не был одинок в своем отношении к Кравчему, - бывшего шефа презирали и Кранч, и Пицык, и Евтушенко. А потрясение, которое этот мерзавец испытал, окончательно проявило его истинную натуру - натуру жалкого слизняка, ноющего и умоляющего. Слизняка, от которого все также пахло дерьмом и страхом.

Зрелище было настолько жалким и гадким, что Евгений, развернувшись в вполоборота, показал Кравчему на дверь, куда тот должен был идти, - и лишь в последнее мгновение успел отметить, что из душевой Сергей Петрович вышел в туфлях явно на босу ногу. Этого мгновения слизняку хватило.

Умирать Сергей Петрович не собирался, как ни собрался идти на суд чести или стреляться. Ему действительно было очень страшно, и

он рыдал, мочился в штаны и закатывал истерику по настоящему - не притворяясь. Но в глубине души, какой то маленький хитрый зверек внимательно наблюдал за окружающими, надеясь, что судьба подарит ему шанс.

Обычно такие подарки Судьбы бывают редки, - но если ей помочь?! - Запах в кабинете и жалкое зрелище бывшего шефа не добавляли позитивных эмоций, а Кранч и Пицык слишком уважали себя, что бы такое терпеть, и поэтому почетную обязанность подготовить впавшего в истерику бывшего начальник поручили его же бывшему заму. А сами вышли в коридор перекурить.

Вряд ли это можно было назвать ошибкой - в комнате не было ни оружия, ни мебели, окна были плотно закрыты и зарешечены, а охрана периметра в основном находилась на крыше. Кравчему было некуда бежать, и некого было звать на помощь. Скрутить же двухметровому Жене маленькое толстое ничтожество - особого труда не составляло.

Да, Сергей Петрович был грузен, если не сказать, толст, испуган до усрачки, его положение было аховым. И он это понимал. Но отчаяние помноженное на решимость и спрыснутое адреналином, часто подсказывает человеку очень нетривиальные ходы.

Покойная Аня Годенко любила цветы, но их, после начала беды, поливать их было некому и некогда. Но и выбросить было жалко - они были как будто символом еще недавней мирной и тихой жизни. Решение было простым - около трети 'санитарной' комнаты было уставлено фиалками и геранью. И у Кравчего, предоставленного самому себе, было лишь несколько минут для того, что бы сложив один носок в другой бросить туда несколько камушков лежавших меж цветов. Вес груза в его самодельном кистеньке был не более двухсот грамм, но отчаяние и ощущение ШАНСА сделали свое дело: короткий взмах кистеньком выдернутым из за спины погрузили конвоира Сергея Петровича в беспамятство. - Кравчему стоило большого руда подхватить падающее тело Жени так, что бы оно плавно осело на землю, а не грохнулось, привлекая внимание тех, кто вышел покурить.

2-е июня 2007г., 14.48 - 'Третий звоночек'

Хотя Женя был без сознания, но за дверью его приемной - в коридоре, было еще как минимум два человека, от которых Кравчему ожидать хорошего точно ничего не стоило.

Его замешательство длилось около минуты, - что делать дальше он просто не знал. К тому же у Евгения не оказалось пистолета, на который он так рассчитывал.

Неожиданно Женя вздрогнул и застонал - большое и здоровое тело начало приходить в себя, при чем куда быстрее, чем Сергей Петрович рассчитывал. Должно было пройти еще несколько секунд, и для Кравчего все было бы кончено.

Маленькая пухлая кисть Кравчего почти нежно легла на рот лежащего без сознания мужчины, да так, что основание указательного и большого пальцев перекрыли нос. - Женя прекратил делать попытки дышать примерно через полминуты, но Сергей Петрович отпустил его, лишь сосчитав еще до двадцати.

Смерть от асфиксии наступает примерно через 3-4 минуты, и половина этого времени у Кравчего еще была. Прислушавшись и убедившись, что в приемной никого нет, он выволок туда уже задушенного, но еще потенциально живого человека. Кравчий надеялся, что задушенный окончательно умрет раньше, чем в кабинет войдут его судьи и палачи. А потом он бросился к столу. Пистолет был на месте, и там действительно был только один патрон.

2-е июня 2007г., около 15.05- 'Третий звоночек'

Он услышал, как тело Евгения стало подыматься, сначала тихо подвывая, а потом вообще умолкнув. Еще примерно через десять минут в кабинет вошли люди.

Шум шагов и разговор.

Резко наступившая тишина. Одиночный Вскрик. Крики. Шум борьбы.

Теперь кричит только один человек - он узнал голос Евтушенко.

Два выстрела. Тишина.

Пора! Он резко распахивает двери и стреляет в того, что стоит боком к двери. В него тоже успевают выстрелить. Попадают.

Дверь захлопнута. Две пули - одна больно засела в левом плече, вторая ушла дальше, наполовину оторвав ему ухо.

Он знает, что теперь они будут спешить. Теперь будут. - На выстрелы сбегутся, и это уже не будет похоже на арест, а скорее на переворот. И прав будет тот, кто будет жив, а не прав - тот, кто мертв или арестован.

Боль. Болит все - рука, голова, начинает скакать сердце. На мгновение он теряет сознание и, прислонившись к стене рядом с дверью, оседает.

2-е июня 2007г ., около 15.07- 'Третий звоночек'

Маленький, толстый и жалкий он мог сейчас пробовать забаррикадировать дверь, молить о пощаде или пытаться отодрать решетку от окна.

Но его не пощадят, ему негде спрятаться, а решетка привинчена как изнутри, так и снаружи - ее ему не отодрать. И он, и те, что за дверью - это понимали. Но пришли к разным выводам.

Распахивающаяся дверь и влетающий в комнату с пистолетом Кранч, - последний ожидал увидеть свою жертву где угодно, но только не там, где она оказалась - сидя на корточках, возле самой двери и с отвинченной ножкой от журнального столика - длинной и тяжелой.

Сергей Петрович не был суперменом, но прекрасно понимал, что у него только один единственный шанс. Плечо болело нестерпимо, голова раскалывалась, но Кравчий сумел просидеть у двери на корточках целую минуту прежде чем она распахнулась и он смог с силой разогнуть свои уже затекшие ноги, направляя свои самодельную дубинку в шею своему будущему убийце.

Удар выше смазанным - винт на конце дубинки не разорвал сонную артерии, а лишь скользнул по шее и ушел дальше, увлекая Кравчего к человеку с пистолетом - к своему убийце.

Впрочем, и Кранч не смог моментально сориентироваться в ситуации. Неожиданный удар в шею - не смертельный, но болезненный сбил его с темпа, а оказавшееся к нему вплотную тело толстяка не давало возможности мгновенно его нейтрализовать. Для этого надо было или поменять направление ствола оружия к себе или оглушить его рукояткой.

Колебания заняли доли секунды, но их хватило для того что бы проиграть схватку...и жизнь. - Неожиданно острая непереносимая боль пронзила все его тело, больно куснув за сердце, сковала дыхание. Он еще успел выстрелить и понять, что произошло, прежде чем потерять сознание.

2-е июня 2007г., около 15.07- 'Третий звоночек'

Сердцу тяжело. Все болит. Надо ждать, - ждать и терпеть.

Убийца вламывается в кабинет.

Скрючившийся у двери - распрямляется. Ему хочется буквально разовраться в прыжке как пружине. Но его избитое тело, его сердце - протестуют. Ему удается лишь оцарапать врага.

Инерция движет его вперед. Он вплотную к своему убийце и знает, что будет дальше - удар по голове или выстрел в затылок или сердце.

Удар. Всего один отчаянный удар. Немужской. Подлый. Грязный. Удар коленкой снизу по паху противника.

Под коленкой что-то хлюпает. Противник выдыхает и начинает заваливаться. Одновременно раздается выстрел - пуля снова пробивает его многострадальное левое плечо, глубоко царапает спину уходит в ягодицу.

2-е июня 2007г., около 15.12- 'Третий звоночек'

Трое бойцов старлея Чалого, чья команда несла охрану периметра на крыше, были посланы на разведку после услышанных выстрелов и криков. Если бы это было со стороны улицы, то к сотрясениям воздуха отнеслись бы более толерантно. Но голоса были 'свои' и раздавались они несколькими этажами ниже.

Труп Евгения Косенко и Евтушенко они увидели еще в коридоре. Оба были убиты выстрелами в затылок, при чем лицо Евтушенко "украшала" громадная рваная рана.

Пицык был еще жив, но пена изо рта и подергивание ногами показывали, что это ненадолго, - очень удачно задета печень,- отметил про себя Чалый.

И лишь в самом кабинете Кравчего раздавались звуки, - то ли борьбы, то ли еще Бог знает чего.

А потом они увидели и Кравчего - весь в крови, избитый и окровавленный, с левой рукой висевшей как плеть и стоя на коленях, он методично был своей импровизированной дубинкой лежавшее тело Кранча по голове.

10 июня 2007г., Центр Спасения Кравчего, бывший склад Гос. резерва №26.

Пробуждение его было нехорошим. Тут сказался и вчерашний перебор с коньяком, и разговор, почему-то взволновавший его, и... Да он и сам не знал, что еще, но по шкале самочувствия его состояние было резко отрицательным.

Впрочем, нельзя было сказать, что он проснулся на полу и в блевотине. - Дражайшая супруга смогла стянуть с него штаны, более-менее обтереть влажными полотенцами тело, а рядом оставить ведерко с водой и пустой тазик.

А потом он лежал на своем диванчике и формировал новую точку зрения - на мир, который дерьмо, на товарищей, что есть стая подлых шакалов, на супругу, что забыла про бутылку холодного пива, а потом еще на одну вещь, что уже несколько часов мозолила его глаза.

Что такое точка зрения?! Если спросить у обычного человека, то он, скорее всего, ответит что это жизненная позиция, с которой кто-то оценивает происходящие вокруг него события. Это правда. Но мало кто обратит внимание, что этот термин произошёл от *точки зрения* - места, где находится наблюдатель.

Его точкой зрения последние пару часов был диванчик его же кабинета, и взирал он на лежавший на полу кабинета плакат сиротариума. И хотя ему не светило в глаза солнце, и соринка не попадала в глаз, но тяжкое похмелье и скакнувшее вверх давление, свое дело сделали - его точка зрения на лист лежавшей на полу бумаги если не изменилась, то по крайне мере шепнула, что тут что-то не так.

А потом он заснул.

Проснулся он ближе к обеду, и лишь для того, что бы быть введенным в курс дел произошедших с момента отъезда Ольховского, и снова вспомнить о фотографии.

Он взглянул на нее уже ближе к вечеру - уже куда внимательнее, чем его приемник Хохлов, да и он сам в первый раз. Что-то тут его настораживало, и он сам не знал что именно.

Но чем больше он вглядывался в 'пациентов сиротариума', тем более у него в голове вызревала мысль, очень простая и яростная мысль: - 'Наебала! И меня, и Хохлова. Всех! Наебала!'.

То, что не увидел трезвый взгляд его предшественника, и то, что не увидел он вначале в здравом уме, смог заметить он в том состоянии, которое наступает после очень сильной пьянки. Те детали, на которые он не обращал внимания, совершенно случайно и неожиданно сложились для него в причудливую картину.

Зачем ей это?!! - Оставалось выяснить. Но вначале Кравчий, как человек осторожный решил собрать о Ней больше информации.

Источников информации было несколько, и он начал с самого нейтрального - со своего предшественника.

Разговор с Хохловым не затянулся, и главное что сумел выяснить Сергей Петрович - было то, что машина с мясом, которую они перехватили в самом начале знакомства с начальницей сиротариума, была отнюдь не первой, и даже не второй.

- А какой? - Кравчий перешел на шепот. Ему что-то резко сдавило горло - то ли давление, то ли жаба.

- Двенадцатой. - Хохлов был спокоен до усрачки. Сделав паузу, он продолжил, - Двенадцатая с заморозкой. Еще была одна с маслом и одна с крупой. Ну и там по мелочи.

- А чего ж ты?!

- А вы не особо и спрашивали - приехали, скрутили, начали расспрашивать, сколько и чего ЕСТЬ. Дык я вам и ответил. А про то, сколько чего БЫЛО, вы меня и не пытали.

Поведение Хохлова в принципе было вполне объяснимо – он, до приезда 'самоспасателей' Кравчего, был тут самым главным. А потом приперлись ЭТИ, и он из верховного руководителя, из Зав-жизнью, просто стал одним из 20 попок в его совете. Поэтому маленькая месть, заключавшаяся в утаивании критически важной информации, о которой его даже не спрашивали, была вполне объяснима.

- Ну и нахуя ей столько мороженой говядины? Ведь пропадет же?!

- Думаю, что нет. Судя по тому, что они просили моих солдатиков добыть - они пытались, или даже построили что-то вроде автоклава. Короче, если у них получилось, то они могли большую часть мяса превратить в тушенку.

- А масло?

- Сергей Петрович, ты как будто в 90-х не жил. Тупо перетопила и в банки закатала.

Следующим был 'штрафник' - молодой 16-летний паренек, выгнанный за то что *'заставляли учить разную лабуду'*, а он *ведь 'уже вполне освоил 'ксюху'* и может валить 'обратившихся', *'а о том, как ранки зеленкой мазать и борщ варить - пусть у девок голова болит'*.

- Так значит 'ксюху' освоил?

- Ну да?!

- И кто ж вас учил?

- Ну, Кутузо...то есть тьфу - Бортник, и немного Прохор - наш завхоз. Он в МЧС раньше служил.

Автомат у Сергея Петровича был, но обычный ментовской укорот. И как у человека, не любившего кровь и оружие, его 'ксюха' успевала покрываться пылью.

- А сборку разборку покажешь, как у Бортника на экзамене?

То, что пацан начал делать, Игоря Петровича сначала удивило, а потом потрясло: закрыв глаза, он примерно за двадцать секунд смог разобрать 'цяцьку' Сергея Петровича, и еще за сорок секунд - собрать обратно.

Последовавший за этим допрос 'штрафника' затянулся еще на добрый час, за время которого Петрович многое узнал и о системе подготовки в отряде ООН, и о том, что уже как минимум тридцать человек умеют неплохо обращаться с 'ксюхой', а через полгода это число может увеличиться и втрое, если не больше. Узнал и про странный отряд *'ваххабитов'*, который его люди несколько раз замечали в окрестностях, и про многое другое.

По всему выходило что *'эта сука'*, - так он начал именовать женщину, с которой тогда, в самом начале, беседовал покойный Пицык, - по крайне мере не голодает. И не голодать будет еще как минимум год.

Что она устраивает 'комедь' с попрошайничеством не с голодухи, а сугубо в целях превентивной защиты.

Что обувью и кой-какими мелочами они обеспечили себя, потроша *'упокоенных*' (Кравчего внутренне передернуло от омерзения), а остальное добывают в редких вылазках *'Ваххабитов'* - группы из десятка самых взрослых и подготовленных воспитанников.

И что с такой динамикой роста вооруженных 'юнитов' скоро уже кое-кому от нее самойзащищаться придется.

Мысль, засевшая в голове Кравчего, наконец, проросла в идею. В идею настолько очевидную, что ему даже стало обидно, почем он не додумался до этого ранее.

Оставалось решить лишь два организационных момента: надо было договориться с Ольховским и нейтрализовать добровольного информатора.

Когда 'Моторола' стоявшая на базе 'сюрваера' Ольховского запиликала, и молодой возбужденный парень понесся к отцу сообщать

о вызове, Кравчий уже просчитывал в уме варианты как поступить с мальчишкой.

А к тому моменту, когда Ольховский отозвался на вызов, Сергей Петрович Кравчий уже улыбался: из трех вариантов того, как поступить с пацаном, он выбрал самый хороший - самый хороший для него, для Кравчего.

11 июня, Центр Спасения Кравчего, бывший склад Гос резерва №26, бывший центр спасения им . Хохлова.

За время проведенное в лагере спасения Ковель Виктор Борисович (16 лет) неожиданно для себя выяснил, что он тут собственно никто и звать его никак, и что пайка тут не такая уж и жирная, но и для того что бы ее получить приходится выполнить хоть и посильную, но неприятную работу, и что ему тут никто особенно и не рад. - ТАМ он был равен основной массе, и даже имел вполне отчетливые перспективы своеобразного карьерного роста, а ТУТ - он стал самой мелкой сошкой.

Нельзя сказать, что Виктор Борисович был тут единственным 'штрафником'. Нет! Было еще несколько пацанов из Дома, которых 'навсегда изгоняли' сюда. - И в большинстве случаев возвращали, даже не довезя до Томаковки, когда те начинали умолять 'дать им еще один шанс'.

И поэтому его желание быть лояльным к просьбам Кравчего рассказать *'о вашем жить-бытье'* имела хоть и наивный, но все-таки расчет, что он, этот местный самый-главный, попросит 'маман' или 'Кутузова' взять его назад.

Просьба парня и его желание вернуться, значительно упрощали замысел Сергея Петровича. Хотя контрразведки как такой в их лагере не было, но все же знание об истинном положении вещей у соседей лучше было сохранять эксклюзивным, - хотя бы до поры до времени.

Но и *'Эта сука'* раньше времени не должна была узнать, о чем он расспрашивал этого болтуна-придурка.

Его нельзя было оставить тут, но и нельзя было вернуть обратно. - Оставался третий вариант...

И нельзя сказать, что у Сергея Петровича не было преданных людей! - Были! Было несколько человек готовых выполнить его приказ на ликвидацию шкета. Но это было совсем не то, чего хотелось ему, -

совсем не то. ЭТО он хотел сделать сам, лично, и так, как ему хотелось.

Ехавшая по шоссе машина была зеленой, военной, открытой и единственной на шоссе - так бы охарактеризовать ее наблюдатель, - если бы конечно он был тут, этот наблюдатель.

Но его не было и поэтому некому было видеть, как из машины вышли двое - грузный и низкий мужчина, и молодой стройный парень.

Некому было увидать и то, как толстячек, показывая, куда то вдаль своему спутнику, резко отступил на шаг назад и чем-то ударил парня по голове, а затем, в смеси прыжка с падением, рухнул на потерявшее сознание тело.

Но увидеть - это одно. А вот почувствовать ту боль, которая терзала тело Кравчего, не мог никто кроме него самого. И в момент резкого прыжка Сергею Петровичу реально было очень трудно - раны жутко болели, а один из швов так резанул болью, что казалось, что пуля вошла в тело во второй раз. Но оно того стоило!

Прокручивая в уме недавние события по недавнему подавлению путча, он еще тогда - на больничной койке - обнаружил в себе что-то новое и ранее ему неизвестное. Оказалось, что воспоминания о том, что произошло в его кабинете между ним и Женей, его не по детски возбуждает: большое сильное мужское тело и его маленькая пухлая от диабета ручка, имеющая над этим здоровяком власть, власть над его телом, лишающая его воздуха... и жизни. И все тихо, аккуратно, без криков, крови и насилия - практически в тишине, что так любил Кравчий.

Прокручивая раз за разом это в голове, Сергей Петрович никому бы, даже самому себе, не признался что это состояние, эта ситуация ему нравиться, доставляет практически сексуальное удовольствие, и он безумно хочет ее повторения.

И поэтому он даже обрадовался когда понял, что решить вопрос *с 'ликвидацией источника информации'* может и сам лично.

Удар носка с песком не был сильным - убийца хотел лишь оглушить жертву, но никак не приводить ее раньше срока в *'окончательное'* состояние.

Когда же его рука мягко легла на рот подростка, одновременно зажимая ему нос, Сергей Петрович вдруг окончательно понял - ему нравится это делать, ему нравиться ТАК убивать. Именно УБИВАТЬ!

Ему не хочется УБИТЬ, а нравиться сам процесс УБИВАНИЯ, и если бы его можно было бы растянуть - он бы его растянул.

В этот раз все прошло менее травматично и более спокойно, чем тогда в его кабинете: тело прекратило попытки дышать секунд через двадцать. Но этого, вкупе с процессом 'доводки' до места, 'ритуалом' оглушения, подготовки и собственно приведения в 'окончательное' состояние, - этого Кравчему хватило для того, что бы успеть дойти до нужной ему точки внутреннего напряжения и достичь катарсиса.

Треск сухого выстрела в голову уже мертвому, но еще не 'обратившемуся' подростку вернул Кравчего на землю.

Оглянувшись так, словно бы случайно тут оказался, он ничего не увидел кроме пустого шоссе, машины и мертвого тела.

С минуту он еще стоял над убитым парнем, тяжело дыша и глядя в никуда, а потом осел, привалившись спиною к колесу.

А потом он заплакал. Это не были слезы отчаяния, горя, или сожаления, - просто ему было очень хорошо. И он был счастлив - тут и сейчас.

Минут через двадцать, тяжело перевалившись на карачки и начиная подниматься, опираясь одной рукой на колесо от машины, а другой о колено, - он вдруг понял, как можно сделать еще ЛУЧШЕ. - В СЛЕДЮЩИЙ РАЗ, если не стрелять, а тихо и аккуратно сломать уже задушенному шею, это продлит удовольствие, а треск выстрела не будет нарушать и портить то блаженное состояние, в которое он погрузился после приведение тела в 'окончательное состояние'.

То, что СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ обязательно будет, Сергей Петрович уже не сомневался.

ГЛАВА ШЕСТАЯ «Леди Макбет Мценского уезда»

Часть первая. *Ретроспектива*, Киев, октябрь 1992г.

Молодая оторва Катенька - уже три месяца как студентка отделения Психосоматики *'Института глубинной психологии'* славного города Киева.

Ей 23 года, она уже взрослая девочка, но сейчас ей кажется, что вся жизнь впереди, и что дальше – будет только лучше, ярче и интереснее. – Такое чувство иногда посещает молодых девушек после раннего и неудачного замужества. Для одних после развода начинается черная полоса, депрессии и самокопания на тему *«что во мне было не так»*. А у других душа словно сбрасывает с себя тяжелые зимние сапоги и надевает легкие летние танцевальные туфельки, и им хочется жить, и наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях. – Катя принадлежала как раз ко второй категории.

Девушка уже успела выяснить, что учеба ей дается легко, а новые знакомые - ребята интересные, и еще - что '*собирать марки'* (так она называет все предыдущие увлечения относительно текущего) - глупо и пошло. Иное дело - сурвивализм! Необычно, элитарно и звучит красиво. Да и ребята там интересные. В ее комнате подвывает магнитофон - *'..Пуля и ствол - нажал, и разошлись...'*, а сама она тихо собирает *'чемодан выживальщика'*.

Тихо скрипит входная дверь. "*Наверное, маман вернулась,* - думает юная выживальщица. - *Или Тоша с работы...*".

Туалетная бумага, тушенка, зеленка, пачка чай, иголка с нитками... Так, что там еще? Неожиданно над ней, склонившейся над старым и деревянным, с потертыми металлическими уголками бабушкиным чемоданом, нависает грузная фигура.

Катин взгляд сталкивается с цепким взглядом отца. - Это он скрипел дверью.

Девушку тяжко вздыхает, - предстоит тяжелый, - нет, скорее неприятный разговор. Ее папа, зав. отделение неврозов и острых реактивных состояний врач Юркинской психиатрической больницы - ее будущий коллега, был еще и просто человеком. А как полагалось

человеку его профессии, был человеком крайне сложным. Причем свою сложность он проявлял чаще дома, чем на работе. *И сейчас*, - думает Катя - *ПапА начнет выяснять, что это за чемодан, в какую шайку я влезла в этот раз, куда это я намылилась на выходные*.

А ведь у него диссертация 'Распознавание признаков прогрессирующей паранои'. - *'Ну, все, вляпалась*,- быстро просчитывает она ситуацию.- *А врать то нельзя - ложь папочку чувствует, начинает копаться в твоих словах, находит то, что почувствовал, препарирует ланцетом желчных вопросов и замечаний, и жертва начинает жалеть, что не сказала правду сразу...*

Ироничный и въедливый взгляд отца буквально буравил Катю так, как, наверное, сверло дантиста буравит зуб на низких оборотах.

- Что это ты надумала, дочура? Никак сухарики сушить надумала. Тушенка, туалетная бумага да пачка дешевой «Лисмы» навевают смутные мысли. Ты во что вляпалась в этот раз?

- Нее, пап, все в порядке. Просто я теперь сурвивалистка.

- Хм, а это половое извращение не помешает мне увидать внуков?

- Внуков ты раньше от Тоши увидишь. Сурвивализм, на рабоче-крестьянском, - это выживание. То есть цель сурвивалиста - быть готовым выжить в любых чрезвычайных обстоятельствах. Ну, типа, ядерной войны, землетрясения, падения метеорита. - Девочка делает паузу и продолжает, взяв на пару тонов выше. - Будешь теперь анализировать меня с точки зрения параноидальных флюктуаций моего мозга? - В голосе у нее плещется коктейль «Попалась»- 50% отчаяния, 50% вызова, - смешать, но не взбалтывать.

Вдруг она понимает, что в их «допросе партизана» возникла странная пауза.

Катя смотрела на отца, а он о чем-то думал, глядя, словно сквозь нее.

- Вот что, - неожиданно сказал он,- тиранить СЕЙЧАС, я тебя не буду. Даже больше - помогу собрать чемодан. И еще! Вечером обсудим твое увлечение более подробно. Мой детеныш согласен?

Ответом ему были короткий кивок и робкое удивление в ее глазах.

А Вечером маман позвала Катю.

- Ты чем отца сегодня пригрузила?

- Своим хобби. Я теперь сурвивалистка.

- Не знаю, что означает сие ругательство, но твой создатель сейчас заперся в своем кабинете и тихо глушит юбилейный вискарь. И тяжело глядит, если с ним пытаются заговорить. Ты же знаешь, КАК он может глядеть?

- Знаю, знаю...

- Так вот, он просил, что бы ты к нему зашла. И, - мать, почему-то запнулась, - только ты.

Их квартира была экспериментальной планировки, и личный кабинет папочки был на втором этаже. Катя бывала там редко. Только когда отец приглашал. В их квартире были *'свои'* комнаты, и *'общие'*. Кабинет отца - был *ЕГО* комнатой.

ПапА сидел в своем потертом кожаном кресле, на столике стояла полупустая бутылка "Royal Salute" , а небольшой альбом со старыми фотографиями лежал рядом. Катя вдруг поняла, что отец еще 10 минут назад плакал. Папа - плакал! Этого просто не могло быть. Легче представить снег в Сахаре. Но красные глаза, и засохший потек на щеке говорил сам за себя.

- Привет, доча, - грустная усмешка, на таком любимом и знакомом лице кольнула Катю в сердце.

- Привет, пап.

- Знаешь, я сегодня хотел над тобой немного поерничать. Признаю. Но потом, потом...Странно, мне психологу и психиатру, инженеру душ человеческих, оказалось, трудно подобрать нужные слова. Короче, я понял, что нужно взять тайм-аут. И знаешь, перелистывая МОЙ альбом, я…я… В общем, давай лучше на примере. Давай я тебе фотографии покажу...

- Пап, я само внимание.

-Вот моя мамочка, и твоя бабушка. - Голос вдруг папы срывается, но он берет себя в руки. Тогда, в ноябре 1941г. в ее *'чемоданчике выживальщика'* не нашлось двух банок тушенки. Только одна, которую она отдала за то, что бы меня, двух летнего мальчика с начинающейся дистрофией, в обход очереди вывезли из Ленинграда. И, - там была только одна банка. Больше мамы я не увидел. Никогда.

А вот мой старший брат. Ты, конечно, его не помнишь. Он был очень светлым и добрым человеком. Бабушка рассказывала, что у нас были разные отцы. Тот был похож на армянина, да и был им, наверное. Ты была маленькая, но, наверное, помнишь, как я улетал в Баку

опознавать и хоронить Митеньку. В его чемодане выживальщика не оказалось ни пистолета, ни саперной лопатки. Зато саперная лопатка оказалась у другого. - Руки папы сжимаются.

- Папа, что ты хочешь сказать.

- У тебя было с десятка два увлечений. Все они хрень разной степени интенсивности (странно слышать от папы такой моветон), но последнее...

-Да?

- Слушай и запоминай, то, что я тебе скажу - я больше этого никогда не повторю.

-Да, папа?

- Чемодан собери и храни. Он у тебя должен быть всегда. Но...Я думаю, даже при наступлении условного 'КОНЦА СВЕТА' он тебе, скорее всего не пригодится.

-Почему, пап?

- Потому что ты не знаешь, ЧТО` будет, и в каком месте оно тебя застанет. Но все равно, беды, оттого, что ты будешь хранить дежурную аптечку, фонарик, пару банок сардин в масле и прочую ерундовину в одном месте – беды точно не будет…

-Папа, я ж тебя знаю... Ты, что еще хочешь сказать. Да?

-Угадала. Как бы над тобой не потешались - продолжаться это будет ровно до тех пор, пока не придет пушной зверек. Так, кажется, сейчас говорят?

- Да, папуля.

- Так вот. Умения развести костер с одной спички или оказать первую помощь при переломе есть весьма полезные любому человеку. И тебе, как будущему психологу, тоже. Есть желание - учись.

А учиться разбираться в палатках, лодках, охотничьих капканах и прочем туристическом хламе, ни чем не хуже, чем смотреть «Поле чудес».

Но это еще не все. Сейчас я скажу тебе одну вещь. Просто прими ее к сведению, а зачем - поймешь сама. - Мужчина надолго замолкает, прикладываясь пузатому бокалу.

- Папуля....

-Так вот, слушай. Если наступит час 'Х', армагедец, конец света или что там еще, - лучшее что может быть у тебя - это сведения о других…сюр…сюр..тьфу..выживальщиках. Склада тушенки у тебя

может и не быть, но он ведь может быть у кого-то другого?! – Мужчина смотрит на дочь, и недобро усмехается, давая понять, что разговор окончен.

Таким Катя видела его в первый и последний раз в жизни. Видимо Катино хобби, словно колесо в колею, совпало с давними мыслями стареющего профессора, которые он держал в какой-то дальней кладовке своей души.

А через полгода Кате посчастливилось поехать в Египет - в первый раз в жизни! - Спасибо папе! - И коралловые рыбки и мысль, откуда ей самой взять денег, что бы съездить в этот рай еще раз, выбила из ее юных мозгов идею подготовки к концу света.

Папины слова она вспомнит только через 15 лет после их разговора и через три с половиной месяца после начала Катастрофы.

Вспомнит и поймет то, что хотел сказать ей отец - предельно понятно и просто. Поймет она и то, почему он так недобро тогда усмехался.

А сейчас, сидя в 5 часов утра в своем кабинете, она не могла понять, чем она так обеспокоена. Что заставило ее встать раньше других? Обойти посты ребят у окон с термосом кофе, - типа *'отец командир'* обходит посты, затем пойти в свой кабинет и вновь задуматься. Она чего-то ждала. До сих пор опасности им угрожали, но не грозили. А сейчас сердце будто что-то глодало. Он вздохнула - ладно ввяжемся в бой, а там видно будет.

Скоро будет шесть утра, и их мирок заживет своей жизнью. Тамара, начнет руководить своим отрядом 'гастрономов' готовя всем вкусный и сытный завтрак.

А после завтрака начнется обыденная жизнь.

Двое патрульных, из четверки многодетных 'вояк'-пожарных переехавших к ним из Томаковки, вместе с десятком самых старших ребят будут обходить 3-х километровый периметр, отстреливая редких 'обратившихся', которые забрели сюда из города. – В последнее время идея с постами стала почему то сбоить, - пришлось вводить мобильные патрули.

Группа ребят помладше, под руководством 'комиссара по жратве' экс агронома Григория Петровича начнет рыть в 500 метрах от жилых корпусов большую компостную яму: канализация теперь не работает, а продукты естественной жизнедеятельности и мочевина послужат

вполне себе удобрением. Тем более, что ночью *'до ветру'* после того случая уже никто не выходит… Тогда им просто повезло, что обошлось без жертв: худенькая 11-летня Лариса, шефство над которой взяла Тамара, решила выйти ночью в туалет. Ночь была безлунная, а девочку сильно прихватило, и она присела над дырой даже не закрыв дверь, которая распахнулась глубоко наружу, - кого стеснятся? - Никто ж не видит. Неясный шорох заставил ее тогда насторожится, а выглянувшая луна подарила ей шанс: Лариса увидела в 3-х метрах от себя 'обратившегося', который вполне целеустремленно брел к ней. Как он к ним забрел - до сих пор непонятно. Хотя подозрение у нее есть, и очень нехорошее.

Тогда, два дня назад, все были разбужены тонким истеричным девичьим визгом. 'Обратившегося' увидали и упокоили практически сразу, - как только осветили двор включенным прожектором. Практически сразу же нашли и девочку. Она успела, за те немногие мгновения, что ей подарил отблеск луны, 'солдатиком' проскользнуть в яму сквозь очко уборной. Девочка спалась, а они сделали выводы: с этой ночи у выхода была поставлена 'грязная бадья', а всем желающим были выданы банальные ночные горшки. Сам же выход ночью на улицу был запрещен всем и категорически.

А сегодня яма будет отрыта, и уже завтра первые «счастливчики» кому придет очередь, потянут туда *'утреннее золото'* - как называли ЭТО говорили китайцы. Ну, ничего, зато будет органическое удобрение.

На плацу прямо перед ее окнами - лежат несколько чанов, рулоны арматурной сетки, мешки, и очень много белых квадратных упаковок. Когда потрошили пригороды, нашли ангар строительного магазина, правда порядком разграбленный. Но **Бронислав,** увидав метровые упаковки уже порезанного на листы пенопласта 10-сантиметровой толщины и очень редкой тридцать пятой плотности, буквально на них лег, заявив, что лучшего способа утеплить жилые здания, он не видит. ' *Это ж - на века!'* - он даже не говорил, а буквально требовал. И сегодня, под его руководством, начнется их новый крупномасштабный строительный проект: утепление зданий и подготовка к зиме. Сначала малышня из крупных водяных пистолетов полчаса будет обстреливать грунтовкой оба корпуса, затем начнут месить цементный клей, включат мини-электростанцию, и будут дюпелировать уже

приклеенный пенопласт специальными шляпками. Но самое сложное начнется на высоте двух-трех метров, когда придется работать на самодельных лесах. Прохор, Женя и Павел - один из четырех 'эмигрантов' из пожарных, должны справиться, - ведь им будут ассистировать едва ли не 20 человек.

Лицо женщины на секунду меняется. 'Прохор, Прохор - зачем же ты так?! - шепчет она вслух каким-то своим тайным мыслям. Мы ж с тобой с самого начала'.

С десяток подростков продолжат сооружать 4-й уже по счету ангар-времянку, куда они будут складывать 'намарадеренное - спасенное' из города.

Еще одна команда на их ВАЗике выедет в пригород искать то, что еще не растащили. Сегодня поедет Бортник, Валерик - он из пожарных, да еще с пяток пацанов. И у всех, слава Богу, есть оружие.

Они вернуться (А они должны вернуться!) под вечер, и после выгрузки добычи ее Бортник снова начнет говорить ей о необходимости повысить бдительность. Как он ей тогда сказал?- *'У меня есть обоснованные предположения, что среди наших сотрудников есть крайне нелояльные вам личности. В связи с чем я не исключаю возможность организованного выступления против вас'* ..Потом! Уж тут она знает немного больше, чем ее чекист. Но пусть работает. Пусть... Женщина полузакрыв глаза вспоминает, как на лекции предмета 'история' на 1-м курсе Пединститута преподаватель рассказывал одну занятную историю...

Как-то император Павел, получивший донос о заговоре, внезапно спросил графа Палена, известно ли ему о заговоре против императора? На что Пален ответил, что не только известно, но он его и возглавляет... Ведь это наилучший способ держать в своих руках все нити. А лучший способ отвести от себе подозрения - это искать заговор самому.. Нет! Бортнику еще рано полностью доверять. Время покажет!

А вечером у них будет культурная программа - вот уже 3-я свадьба в их маленьком мирке. Жених - завидный даже по меркам до-бедовго времени: профессор, еще не старый, с работой и уважением. Хоть и безногий. А невесте – пятнадцать с хвостиком, Настя Кипа. Хорошая девочка. Хоть лицом и не красавица, но и не квазимодо, а все остальное очень и очень даже ничего. И сразу видать умненькая - не

сверстника стала окучивать, а доктора... А может у них любовь? Может, может... Для ребенка это даже лучше, быть зачатым в любви или хотя бы влюбленности. А то, что ребенок от него, даже доктор не сомневается, - кобель старый (женщина снисходительно щурится). Доктор у них получил по-сути вторую молодость. Его крик о том, что он действительно хочет 'ЖИТЬ' не был комедией или желанием просто существовать. Он действительно пахал и жил так, как будто этот день и ночь для него последние: днем - обучая девочек или врачуя их пока еще не хитрые болячки, а ночью…. А ночью он тоже 'работал', да так, что скрип кровати был слышен даже в коридоре. Она даже всерьез начинала опасаться за то, насколько хватит ее Парацельса - судя по интенсивности той общественной и личной жизни, которую он вел, доктор точно решил не дожидаться внуков.

И все-таки - что ее так гнетет!? Словно ожидание дождя в душный знойный день. А дождя все нет и нет. Она чего-то ожидала, и сама не знала чего. Странные и необъяснимые несчастные случаи и происшествия за последние три недели, странное поведение Кравчего, который выходом находил их добровольную эвакуацию под его крыло, мягко намекая, что им у него будет куда как лучше и безопаснее, - все это складывалось в мозаику, которой не хватало лишь нескольких пазлов.

Бортник с ребятами вернулись даже раньше срока - в полпятого, и она позволила себе немного расслабиться, заснув в своем кресле. Но и сон был нехорошим - тяжким, муторным, липким как прокисший кисель.

Ее отпустило только через час, когда начальник патруля постучался в дверь кабинета, и вырвал ее из цепкого захвата этого не доброго сна словами - *'Катерина Тимофеевна, у нас гости. Не наши.*'

Рядом стоял Игорь, и лицо его не отражало ничего хорошего.

Часть вторая «Заговор обреченных» - 8 июля 2007г. – 3,5 месяца с момента Катастрофы.

"Пурпур власти есть лучший саван"! - Эти слова принадлежат Императрице Византии - Феодоре, когда, во время мятежа "Ника" она отказывалась от бегства.

Сидящая за столом уставшая женщина - отнюдь не императрица. Но уйти отсюда, 'сдаться' военным Кравчего, эвакуировать все свое хозяйство, детей, сотрудников?! Быть центром маленькой Вселенной,

императрицей и 'великой кормчей', а стать... А кем она там вообще будет? - Старшим воспитателем или младшим психологом? Увольте! Сейчас в ее руке лежит маленькая Beretta - 'приданое' за одного неплохого мальчишку подобранного ею на дороге в самые первые дни.

Воспоминания - странная вещь. Когда-то мамин дедушка, попавший в 1941г. 17-летним пацаном в плен, рассказывал им с Тошей, как перед самой сдачей, находясь в страшном ' Вяземском' котле, видел, как некоторые командиры частей брели неспешно и устало прочь от солдат - в ближайший кустарник, лесок, или к стогу сена. А вскоре оттуда раздавался сухой пистолетный выстрел. Раньше она этого не понимала. - Зачем!?- Ведь потом будет мир, во всем могут разобраться, и что окружение было не по их вине, и что в плену вели себя достойно. Зачем убивать себя? А дедушка пытался им все что-то объяснить. Ведь он была там, он все видел, и поэтому понимал состояние тех офицеров лучше своей правнучки.

Но это было лет двадцать назад, в другое время и в другом месте. А сейчас, она, наверное, понимала тех офицеров лучше своего прадеда, потому что чувствовала примерно тоже, что чувствовали они, перед тем как лечь виском на дуло.

Они должны капитулировать. Выехать, вывезти имущество, пойти на поклон к Кравчему, который его с благодарностью примет, к человеку, который уже многое понял, и не будет рассматривать 15-16 летних мальчиков, да и девочек, кстати, тоже, как обузу, а скорее наоборот - как щедрый подарок судьбы. И оставить ЭТИМ все то, что они создавали - законсервированную технику, ангары, каркас для теплиц, запасы продуктов, а главное - ожидания, мечты и надежды. Судьба и везение не дали ей ни шанса, ни полшанса.

Этот разговор *'по - душам'*, как обозначил его представитель 'Выживальщиков' Геннадий Равильевич - поставил все на свои места. Стали понятны и странные несчастные случаи последнего времени, и странная, - а как оказалось - предупредительная, стрельба из снайперки на шоссе, и то, как быстро ее сдал Кравчий, а вернее, почему так быстро сдал. Все на поверхности:

- выживальщикам нужно ее место, а Кравчему нужны ее мальчики и ее девочки;

- выживальщикам не нужно, что бы им стреляли в спину выжившие или обиженные, а Кравчий - лучшая гарантия, что

согнанные с места 'педагоги', как их окрестили местные, будут правильно себя вести.

И главный итог - команданте Кравчий, этот жирный боров, с его истинно хохляцким пофигизмом и невмешательством, получает почти сотню будущих 'штыков' в лице ее воспитанников, кучу девочек, которые вот-вот войдут в 'брачный' возраст или уже вошли, а еще и благодарного союзника в лице компании 'сюрвайверов'. А всего-то надо - не вмешиваться!

Ну а сюрвайверы - получают их Дом, и дело остается за малым: сделать так, что б они свалили - сами и добровольно. А если нет, то действия выживальщиков будут куда более жесткими и решительными, и кровь будет уже на ее руках.

Их тут около 200 человек: детей, специалистов, оставшийся персонал, несколько 'пожарных'. Но если предложить им выбор - идти под защиту Кравчего, в его рай вечной (ой, вечной ли!?) тушенки, крупы и концентратов, или попробовать оказать сопротивление врагу, расположение которого они даже не знают?! Младшие будут однозначно - За! Но за 'пожарными', 'первозванными' и 'спецами' будет последнее слово. И они однозначно будут против неоправданных поступков. - Зачем рисковать жизнью своей, и детей, если лучше и безопаснее отступить?

Ну а кто не поедет к Кравчему в любом случае? - Наверное, она,- пальцы ложатся на маленькую «берету». Да еще Бортник, ее однорукий 'чекист' - консультант по вопросам безопасности. С его слов, у Кравчего, во время еще их первого визита, он встретил как минимум с десяток человек, которых он умолял в первый день Беды поберечь хотя бы семьи, а в ответ слышал обвинения в паранойе. Как он потом сам сформулировал: если ты переходишь через реку, а сосед по лестничной клетке, оказавшийся рядом, - говорит *'не ходи, лед тонок'*. А ты идешь, проваливаешься, и топишь жену, мать, детей, родителей. Затем, выходишь и видишь человека, который тебя предупреждал, - разве простишь ты ему то, что он предупреждал тебя всего 2 минуты, а не 10-15 минут или все полчаса? Да, к Кравчему и он не поедет - там ему не жить, а с одной рукой - долго он сейчас не протянет... Хмурые у него перспективы. Рука ее чертит две фигурки - мальчик и девочка взялись за руки: это она и Бортник, люди которые останутся тут до конца.

Стук в дверь.

- Войдите! (*'...а пистолет мы пока в стол положим...'* - шепчет она про себя)

Это - Женя, худой, смущенный и бледный. Хотя нет, ее Женя был не просто бледным, а очень бледным. Они теперь все для нее 'ее'. Свою роль, как часть их тихого договора у дороги, он уже давно сыграл, и сам знает это. Бортник же будет приятно удивлен, узнав о 'троянском коне'.

Мужчина начинает с места в карьер:

- Я попрощаться зашел.

- Так мы еще не уезжаем. Пока еще мало кто знает, но думаю, что дня через три-четыре, никак не раньше - начнем.

- Я знаю. Но, доктор сказал, что у меня есть еще максимум пара недель. Никак не больше. Морфин уже почти не помогает...

- Увеличить дозу? Если что - запасы есть.

- А смысл? Уже увеличивали, и не раз.

- Женечка, милый мой, но что я могу сделать для тебя - ты говори, и я сделаю... - Ей вдруг до боли становится жалко этого человечка - такого худого и нескладного. Вспомнила, как увидела его в первый раз - со слингом, мешком, полным памперсов, детского питания и морфия. Будто бы бледная смерть несла на своих тощих костлявых руках спящую розовощекую жизнь.

- Вы знаете.

- Знаю. Нет, скорее догадываюсь. Но хочу, что бы это сказал ты сам - лично и вслух.

- Завтра я умру. Сам умру. Просто возьму и... вы же понимаете. Не держите меня, пожалуйста. И не обижайтесь. Мне очень больно, а еще я очень сильно устал. Неделей раньше - неделей позже. Какая Вам разница?

- Понимаю. Держать не буду. О твоей лапочке я позабочусь, или Маша. Как карта ляжет, кому из нас двоих о ней заботится.. Я..В общем, Женечка, ты за нее не волнуйся.

Они еще долго сидят. Женя пришел не с пустыми руками и его бутылка 'Армянского' коньяка была настоящей и очень старой.

Женя наливает, и они пьют не чокаясь. И хотя он считает, что поминают его, но прав он только наполовину. Женщина куда как более информирована - это поминки по ним обоим.

Дверь ее кабинета закрывается за ним ближе к ночи, а она все еще продолжает сидеть в своем глубоком кресле - то ли маленькая девочка в кресле папиного кабинета, то ли паук-тарантул перед своим последним в жизни броском.

Взгляд ее падает на бутылку дорого коньяка, на две палочки на белом листе - это она и Бортник, люди, которые к Кравчему точно не поедут. Она - потому что амбициозная дура и уже не сможет по-другому, а Бортник - потому что там его и так попросту прикончат.

Пьяной рукой она прорисовывает еще одну палочку - это Женя. И долго смотри на это странное трио: Ходячий мертвец, однорукий 'чекист' и она - леди 'Макбет Мценского уезда'.

Жуткая и странная мысль пронзает ей мозг. - *А почему бы и нет!? Чем они ТУТ рискуют?! Ничем!* - Дешевое и пошлое название 'Заговор обреченных' лучше всего подходит для этой ситуации.

Звук опрокинутого стула в общем коридоре хорошо слышен в ночи. А сильно поддатая тетка метется через весь жилой корпус и вниз, для того лишь, что бы сбежав на первый этаж в одну из комнат, и раскрыв дверь, зашептать нежно и умоляюще: *'Женечка, дорогой ты мой, только не сейчас, ты мне очень нужен, и Бортнику, и всем остальным! Ради Женечки - подожди неделю. Только неделю!'.*

Удивленные глаза Жени смотрят на нее, а в лице человека, готового взглянуть в лицо вечности, появляется легкий интерес. Она не просит его НЕ умирать, и тянуть до конца, она просит его прожить еще неделю...

Получив удивленный кивок Евгения, женщина буром прет по ночным коридорам дальше. Нет! Бортника она пока трогать не будет. Его - завтра! Сейчас она будет 'тиранить' доктора.

Двери в комнате доктора раскрываются сами после очередного сильного стука. Шаг в комнату, включить свет, - вот кровать доктора, одеяло, нога из под одеяла. Не доктора. Об этом говорит и размер, и маникюр. А еще испуганное лицо. Настя Кирпа! Девочка испугана. Потом!

- Где наш Гиппократ?!

- Кто?

- Твой...учитель (нейтральное слово, учить то можно разному и по-разному)

- Не знаю. Он был тут, мы, - лицо становится бледным, а уши розовыми, - спали, я проснулась от стука, его и нет.

- Ладно, спи. Ему привет, скажешь, что бы утром ко мне зашел. Срочно!

Женщина выходит, и уже собираясь уходить, когда видит раскрывающуюся дверь соседней комнаты. Там должны были спать обе девочки - ученицы и ассистентки доктора: Настя, и Оля. А если Настя спит ТУТ, значит последний час доктор 'спал' ТАМ.

Усталый и жизнерадостный взгляд пожилого 'сеятеля разумного и доброго' встречается с взглядом женщины. И резко меняется.

- Что случилось?

- Мой дорогой Парацельс, - женщина возбужденно берет доктора за полы его летнего халата, - ваше 'обико морале' будущего молодожена мы сейчас обсуждать не будем, девочки взрослые. Разговор о Жене - важный и срочный?

- А что, он уже...?

- Нет, но собирался.

- Не держите его. Ему две-три недели, максимум. Будь я в клинике - я бы все равно больше ему не дал.

- Нет, доктор, я буду его держать, и вы тоже, очень будете держать Евгения.

-Зачем вам это?

Женщина подходит к доктору, близко-близко, так что он начинает слышать запах исходящие от ее волос, и тихо произносит: - Неделя, доктор, всего одна неделя. Через пять-семь дней Евгений должен выглядеть максимально здорово и игриво, хотя бы на пару-тройку часов. Потом - хоть потоп, но три часа у нас быть должны. Гоните нахрен свои 'тычинки' спать, вы их уже достаточно наопыляли, и начинайте думать, какую клизму вы поставите Жене сейчас, и какой 'боевой коктейль' засобачите через 5 дней. И еще, Женя, возможно, будет не единственным вашим клиентом.

Утром, после стандартных процедур, вроде 'Доброе утро' всем в столовой, краткой планерки, и быстрого обхода территории, которые она должна сделать, женщина зовет Бортника в свой кабинет. За последние дни он, как и Женя, сильно сдал. Теперь она видит, как выглядит человек, который не работает, а просто честно дорабатывает.

Первой начинает она:

- Я приняла решение. Через 5-6 дней я еду туда с Женей. Постараюсь убить всех, или как можно больше. - Договорить она не успевает, ее прерывает смех собеседника. Не натужный, истеричный или издевающийся, а искренний детский смех.

Наверно Бортник последний раз так смеялся лет 10 назад, кода его бабушка, еще живая и бойкая 90-летняя старушка, вдруг позвала его и показала на Шварценеггера в фильме «Комма́ндо», в тот момент, когда он нес четырехствольный гранатомет, со словами - *'Ты дывись якый гарный физкультурник'*.

Последние месяцы своей жизни он, по-сути, играл. Лет пятнадцать назад, еще будучи молодым 'скубентом', он записался на модный в узких кругах тренинг 'пикап технологий'. Молодые мальчики 16-17 лет шли туда учиться, а он, да еще пять-шесть мужчин в возрасте от 30 до 40 лет пришли просто поиграть. И играть было действительно интересно! - Заставить себя спеть в незнакомо городе 5 песен подряд в переполненном общественном транспорте, а потом на кураже назначить свидание самой красивой девочке ВУЗа, и через сутки, когда она уже будет с готовностью ожидать близости с ним, сказать *'извини, но ты не в моем вкусе как женщина, давай останемся друзьями'*. Тогда, игра на адреналиновом драйве, на грани фола, ему показалось до жути интересной.

Очень похожее было и сейчас, когда ему, однорукому калеке, с весьма печальными перспективами, эта женщина предложила стать *'консультантом по вопросам внешней и внутренней безопасности'* в заведении, которое только чудом избежало первого удара Беды. В заведении, которое еще большим чудом смогло выстоять, и даже, в какой-то мере, процветать этот недолгий срок. Это была и его заслуга, но еще больше - заслуга этой бешеной тетки, которая делал такие странные нестандартные ходы, перед которыми он в душе снимал шляпу. Ее изначальная идея давать всем власти, полномочий и ответственности 'по чуть-чуть' вполне себе сработала. Тут существовала фракция 'первозванных' - те, кто не покинул ее в самые первые дни - они имели право внеочередного доступа к ней и право первого и последнего голоса, а еще группа 'технарей', в который входил и он сам.

Причем, от технарей зависело многое, но и технари-калеки тоже зависели от многих.

А еще отряд 'Хунвейбинов' - пацаны 15-16 лет, отряд 'Лиситраты' - девочки того же возраста.

А еще с несколько 'вояк' - обычных вдовых мужиков пожарных с 3-4 детьми на руках, навербованных в лагере Кравчего и подчиненных непосредственно ей. Все это создавало определенную систему противовесов, которая позволяла ей худо-бедно управлять, - нет, скорее, править, эти террариумом.

А ее идея с маскарадом?! - Мальчиков из отряда «Хунвейбинов» теперь можно распознать очень легко. Одежда цвета хаки, жиденькие подкрашенные усы и бородка, визуально делали пацанов старше на 2-3 года.

'Бойцы' от такой униформы и выглёнда просто млели, а Бортник сразу понял ее идею: когда они в очередной раз будут потрошить пригород, то к машине с парой солдат и десятком странных 'ваххабитов' будет куда меньше 'вопросов', чем к двум солдатам и десятку сопляков.

Но всему приходит конец. Они держались за это место, потому что у них не было прямого и сильного конкурента или противника, что по сути одно и то же. А теперь он появился - взрослые дяди, которые из собственного благоразумия и гуманизма просто даю им шанс свалить отсюда тихо и без жертв. Но пойдут дальше, если 'педагоги' не поймут намеков.

И ему вдруг стало легко и весело. Этот наполеончик в юбке серьезно заявляет, что через 5-6 дней поедет к 'сюрвейерам', где одних мужиков, предположительно человек 20, и постарается всех убить. Но продолжение разговора дало понять, что все куда и куда как серьезнее, чем он думал.

- Ты слышал, сколько нам дали срока?

- Неделю. Вернее, Уже шесть дней.

- И что ты думаешь, я буду делать.

- Еще один 'случайный' пожар, 'случайное' нашествия "обратившихся", или стрельбу неизвестных с расстояния 1-2 км из снайперки по зданию склада. Это, я думаю, мы переживем. Но на этом они не остановятся. Нет, не остановятся. А потом прольется кровь - и мы просто отсюда побежим. Катя, я думаю, что через 5 дней ты начнешь комплектовать первый из транспортов, а еще через два дня полностью перевезешь всех к Кравчему. С полного согласия всех

взрослых сотрудников и солдат, с которыми ты должна считаться. Переездом они будут недовольны, но и рисковать своей жизнь сочтут - излишним.

- Ты ошибаешься в одном. Через 5 дней две наши полуторки повезут самых маленьких к Кравчему. Там он получит конверт от меня с просьбой срочно прислать весь его наличный транспорт для эвакуации, и объяснением, что я делаю в данный момент. К моменту прибытия транспорта для эвакуации, посланного им, остальные подростки или будут к ней готовы, или надобность в ней уже отпадет.

- Поясни.- Лицо его вдруг становится серьезным.

- Женя умирает.

- Открыла Америку!

- Он хотел сделать передоз сегодня ночью, предварительно привязав себя к кровати. Я его отговорила. Он умрет через неделю. - Она делает паузу,- у тебя есть гранаты или взрывчатка? Если нет - ты знаешь, где их достать!?

- Катя, Вы сошли сума! Извините за резкость.

- Извиняю. До конца дня подумай, - готов ли ты быть со мною вместе, или снова будешь бежать и жалеть, что мог бы сделать большее, но не захотел или не смог. - Она делает паузу, и продолжает, открывая стол, показывая свою маленькую 'берету'. - Вчера я из него хотела выстрелить. Меня остановил, вернее спас, приход Жени. Когда последний человек покинет это,- она делает круговой движение вокруг себя, - он таки выстрелит. Я так решила. Но и у тебя, после эвакуации тоже не самые блестящие перспективы. Бортник, подумай, у нас, у тебя есть небольшой, микроскопический шанс, но он есть. Я в это верю! Помоги мне, прошу тебя! Если у нас получиться, то и - эвакуации не будет, и все будет как прежде, а если мы не сможем, то все будет как сейчас.

Взгляд мужчины скользит по поверхности рабочего стола: лист бумага, а на нем почти детский схематический рисунок - человечки 'девочка' и 'мальчик', взялись за руки и куда-то идут. То, что мальчиком был Бортник - он не сомневался. Редко когда так тщательно рисуют отсутствие одной руки. А то, что девочкой была она, можно было догадаться по наличию на голове миниатюрной короны.

- Сначала я хочу услышать, как ты себе это все представляешь?

Женщина начинает говорить. Сначала отрывисто и сбивчиво, но потом, взяв себя в руки, спокойнее и увереннее, так словно защищает свой второй диплом. А он слушает ее, не перебивая, изредка вставляя замечания, поправляя ее или задавая вопросы.

Стороннему наблюдателю в этот момент могло показаться, что тон мужчины ернический, шутовской, ироничный. Но через десять минут, то же наблюдатель отметил бы, что ирония в голосе мужчины сменилась здравой критикой готовой сорваться в конструктив. Но наблюдателя тут не было, а то, что от иронии и сарказма относительно планы этой бешеной тетки, он перешел к техническому обсуждению деталей, и сам Бортник обратил внимание только через полчаса.

Было около 11 часов дня, когда Директор дома № 5 имени Макаренко услышала - *'Надо попробовать'*.

Часть третья - 'Вторник, среда, четверг, пятница'

Вторник , 5 часов утра. - Одинокий ВАЗик пылил в сторону города. В кабине ехали Бортник, и приглашенный из центра Кравчего его старинный знакомый - Игорь Пселл - один из 'эмигрантов' - пожарных, тихой страстью которого были ножи, да и сам он был в прошлом инструктором по ножевому бою.

Остальная боевая группа сидела в кузове - трое 'Хунвейбинов' постарше, и двое «пожарных».

Своих детей у Игоря Семеновича Псела не было, но была сестра с двумя девочками, и сирота-племянник и четыре племянницы, и все в возрасте от 10 до 16 лет, - их оставлять в 'мужском' царстве Кравчего, Игорю Семеновичу не хотелось. Поэтому он и поддался на уговоры Бортника сменить место жительства.

Проникнуть в городе на автомобиле было нетривиальной задачей, учитывая гигантские пробки заторов, которые намертво запечатали транспортные артерии города. Еще труднее, оказалось, пробиться к магазину с заветным названием *'Оружие'*.

'Солдата' из пожарников звали Иваном, и пацана из 'хунвейбинов' звали тоже - Ваней. Два Ивана, Бортник и Игорь смогли, расстреляв по пути двух 'обратившихся', пробиться в большой зал. А оттуда и в кладовку-хранилище, правда, уже кем-то вскрытую. Там и стало ясно, что огнестрельного оружия тут нет и в помине - вынесены были все ружья. И даже крупные ножи, типа мачете. Зато ножи небольшого размера имелись в необозримом количестве - они лежали во вскрытом

сейфе, под ногами, на полках. Но Бортника это, похоже, совершенно не расстроило. Он просто сказал двум Иванам: - «Собираем все раскладухи, которые найдем. Лучше - если это будет 'бабочка', но сойдут и другие. На месте разберемся.»

Обратно дорога шла труднее, на выстрелы стали подходить другие 'обратившиеся', но, пока не атакуя, а лишь группируясь поодаль, словно бы собираясь по сигналу ломануться толпой и задавить числом.

Бортник не собирался давать им такого шанса, да и остальные тоже. С двумя рюкзаками, забитыми, по самое нехочу, банальными ножами четверка выскочила из подъезда прямо в стоящую напротив машину, мотор которой даже не глушили.

Уже на выезде из города Бортник приказал остановиться, и вместе с Пселом они ужами проскользнули в открытый магазин со звучным названием **'Sex-shop'**. Вернулись они оттуда буквально через 5 минут, неся в руках внушительных размеров коробку. Но лица у обоих были серьезные, и к смеху не располагали.

Лишь на середине пути по дорогое домой самый молодой из 'пожарных' рискнул взглянуть на содержимое коробки, которую бросили в кузов. Любопытство заразно, и сразу несколько юных и не очень юных лбов чуть не столкнулись, пытаясь первым увидеть «хабар».

Они ожидали увидеть 'латексную' бабу, горы афродизиаков или что-то наподобие этого, но содержимое их потрясло. Вся коробка была забита фалоимитаторами и лубрикантами.

Вторник , 7 часов утра.- Евгений писал правой рукой. Графоманией он не страдал, но сейчас он хотел больше написать для своей ненаглядной малявки: кто он такой, как встретил ее маму, как они радовался, пусть и каждый по отдельности, ее появлению на свет. Он пытался описать и оправдать всю свою жизнь. Писать ему было не очень удобно. Ведь левая рука лежала неподвижно. Михаил Ефремович начал с самого утра заливать в него коктейль, щедро сдобренный глюкозой и витаминами. Лежать под капельницей было скучно, но доктор сказал - *'Хуже, в твоем состоянии от него все равно не будет, так что потерпишь'.*

А в соседней комнате трое детей возрастом от 9 до 16 лет и один солдатик из пожарных наворачивали особое меню, приготовленное Томой. Оно отличалось двумя качествами - было вкусным и сытным.

А сам 'лечащий' доктор Михаил Ефремович, решал, кто же первым из этой четверки, со столь редкой 1-й отрицательной группой крови, будет давать кровь для переливания. А потом решил: *Первым пойдет солдатик, потом дети, а в последний день снова 'подоим' служивого и немного того что постарше. А пока что жуйте, дети мои, жаренную свиную печенку, пейте гранатовый сок и готовьтесь...А что у нас там для Жени?* - Доктор глянул в свой блокнот, перечитывая написанное им еще в ночь с понедельника на вторник: **глюкоза, витамины, антидепрессанты, щадящее питание, вливание 'коктейля', переливание 'детской крови'.** А в пятницу, помимо морфия еще и хорошая доза адреналина перед выездом, шприц с 'боевым коктейлем' с собой, а в маленькой фляжке - 'балтийский чай', что в расшифровке рецепта - банальная водка с кокаином. Его доктор однажды пил. Помимо вящего эффекта, когда действие кокаина усиливается водкой, мозги от него становятся как бы хрустальными, прозрачными и отстраненными, а личность возносится над бренностью бытия. Неплохой раствор для расстрельных команд, каким он, в сущности, и был. А значит, будет не плохим раствором и для Евгения.

Вторник , 8 часов утра. - Геннадий Равильевич, наблюдатель от 'Сюрвайверов' дремал в своем 'Гелентвагене' в 10 километрах от объекта 'Дом', когда получил сигнал вызова на нужной частоте.

Он ответил. Сообщение было весьма кратким, но приятным: противная сторона признала бесперспективность своего положения и их руководитель готов к конструктивному диалогу - сегодня в 12.00, на оговоренном, еще в первую их встречу, месте.

Геннадий Равильевич был абсолютно невоенным человеком, и перспективаперехода к возможным жестким мерам его, - нет, не пугала, а скорее очень сильно огорчала. Ведь он не садист, а семейный человек, у него есть жена и взрослая дочь. Но за место под солнцем надо бороться, и то, что их оппоненты проявили благоразумие, было очень даже неплохо.

Вторник, то же время, ПГТ Зачепиловка.

- Я же сказал - не отдам.

- Я не прошу отдавать. Продай, обменяй - что ты хочешь за них?

- Нет!

- Оружие...

- Нет!

- По два автомата за четырех...

- Ты с ума сошел?

- Да или нет?

- Да, но девочек я не продам.

- А сколько всего?

- Двенадцать, пол на пол..

- Шесть мальчиков две девочки, и я еще сверху даю...два 'цинка' патронов ....

- Мы не гордые. Хочу! Сейчас будешь забирать?

- Мальчиков - в четверг вечером или пятницу утром, а девочек - прямо сейчас - покупатель на миг задумался, - И еще. Всегда есть желание кинуть в самый последний момент, типа цену поднять или что еще... Так вот, если все пройдет без сучка, то мое руководство 'выпишет тебе 'премию': бесплатное обслуживание всей твоей семьи у нашего дохтура в течение трех месяцев. А ежели в пятницу я приеду и узнаю, что пацаны подохли, сбежали или свинья не может перенести разлуку со своим выводком, или ты передумал... В таком случае наш доктор никогда не придет в вашу дыру и никого отсюда не примет. И все-все твои соседи с зубной болью или аппендицитом обязательно узнают, по какой причине их не будут лечить.

- Понял-понял! - Вид у мужика был возбужденный и испуганный одновременно.

Прохор, старший завхоз, член 'фракции первозванных' Дома, вышел на улицу, но прежде чем сесть в машину, закурил и надолго задумался. Задание было необычным, а за ценой можно было не стоять. Но зачем они ей, и именно они, и именно по такой дорогой цене? Этому Прохор не находил разумного объяснения.

Вторник, 11 часов утра. Ножевик - Игорь оценивал привезенные и разложенные на столе ножи. Им были выбраны два одинаковых балисонга - ножа бабочки. Это были простые, прямые ножи, без фиксирующей защелки, в меру длинные, сделанные из хорошей стали.

Выбрал он и два одинаковых 'пенала' для ножей. Один нож был сразу упакован в 'пенал', а второй - оставлен для тренировки. А после обратился к Бортнику, который молча наблюдал за его приготовлениями: - 'Вот что, торпедоносец, ходить с торпедой будешь сначала под руководством доктора, а с тобой мы будем отрабатывать

удары ножом, и строить ситуации. Два раза в день по два часа - утром и вечером. Сегодня же вечером и начнем. За неделю в ниндзя я тебя точно не превращу, но пару десятков ударов до автоматизма мы довести успеем.

Вторник , 12 часов дня. - 'Джип' подъехал ровно в оговоренное время. Геннадий Равильевич, в прошлой жизни старший налоговый инспектора, а в нынешней - 'сюрвайвер', радостно улыбнулся. Да, все-таки они не звери. И им уже не надо ими становиться...

Из машины вышла женщина. То, что именно она всем тут вертит, было видно сразу. Вежливая улыбка, легкий кивок. А затем она заговорила:

- Добрый день, меня зовут Катерина Тимофеевна, в данный момент Домом управляю я. А как к вам можно обращаться?

- Геннадий Равильевич, можно просто Геннадий. Я просто посредник…

- Геннадий, я готова рассмотреть ваше ОЧЕНЬ НАСТОЙЧИВОЕ предложение об изменение нашей дислокации, но обсуждать я его буду с вашим главным и у него.

- Я не уполномочен..., - ответил, было «простопосредник», и хотел продолжить дальше, но женщина его остановила.

- Мы готовы рассмотреть вариант эвакуации в течение 5-7 дней. Полностью. Но под особые гарантии.

- Какие еще гарантии?!

- Вот об этом мы с вами и хотим поговорить. У нас есть предложение. Завтра, в 7.00, если вы будете тут, приеду я и еще один человек, мой...тот, кто будет меня теперь всегда сопровождать. Мы будем без оружия. Вы можете передать это вашему руководству?

- Сейчас передам.

- Хорошо. Немедленного ответа я не требую, но буду на связи. У меня есть к вам контрпредложение, но обсуждать я его буду только с вашим главным и у вас. Если вы боитесь выдать свое 'инкогнито', можете завязать нам глаза.

Через час уже знакомый голос из динамика «Моторолы» сообщил ей, что ее предложение продолжить переговоры принято и их будут ждать.

Вторник , 13 часов дня. - У Томы было необычное задание. Мало того, что она должна была приготовить новое блюдо. Так она еще

должны была научить его приготовлению и Катерину Тимофеевну. И на все про все было только две попытки.

Вторник , 19 часов дня, Центр спасения «Томаковка», кабинет Кравчего –

- Бросали бы вы фигней страдать, товарищ Бортник, да перебирались бы все под нашу эгиду. Не эта шелупонь, так другая вам жизни не даст, а у меня солдат маловато, что бы на каждый ваш чих платочком прикрываться.

- Да так, наверное, и сделаем. Сейчас еще побарахтаемся, а к концу недели - созреем.

- Тогда, на кой ляд, ты сейчас ко мне приехал?

- Я тебе позвонил первым, когда все это началось. Ты мне поверил?! Потому твои сейчас в соседней комнате и сопят. Живые. - Бортник, сделал упреждающий знак рукой. - Я не медаль себе прошу али орден, а прошу еще раз поверить моей чуйке. Мне нужны два-три твоих специалиста из группы 'А', буквально на 3-4 дня. Потом верну...

- А зачем они тебе?

- Сейф один хитрый нужно будет взрывать. Да есть подозрение на сюрпризы... Вот и нужен спец. И материалы.

- Надо бери. Но боюсь, что все ценные спецы уже или сдриснули, или мертвы... Тут же кругом или ДПС-ники, или военные, а из наших - я, да еще пару десятков человек.

- Хм.. проблемка. Ну, вы ж, наверное, хоть запасы какие то вывезли?

- Их - да!

- Дашь, чего ни будь? С возвратом если не пригодится за 3-4 дня. А там, наверное, уже все наши на эвакуацию созреют?

- Много возьмешь? И чего?

- Ну, там провода - пару десятков метров, пластида 7-8 килограмм и прочего - по мелочи...

- Бери, сейчас человека позову. А людей - нет. Но я спрошу. А ты, если хочешь - можешь у людей снаружи первого кольца поспрашивать.

В 'Божественной комедии' Данте Алигьери ад представлял собой девять кругов, чем ниже круг - тем там страшнее. С этой точки зрения, первый радиус 'Центра' был почти раем, где обитало несколько сот небожителей - военные и их семьи, но вторым - было уже чистилище, где жили знакомые - знакомых, и так до последнего, где прибывали

только что прибывшие, которые пребывали в карантине и держались друг от друга поодаль. Кто-то, очень верно охарактеризовал это устройство как помесь дантовкого 'Ада' и 'Одноклассников'.

Однорукий мужчина в сопровождении здоровенного мужика в униформе, к которому он порою обращался как к Игорьку, ходил от одного человека к другому по всем радиальным секторам кругам Центра и задавал вопрос. Вскоре его это утомило.

- Игорек, есть идеи?

- Есть, вообще то. Фигней мы страдаем.

- В смысле?

- Ну не в том, что ищем, а в том, как ищем. Нас должны искать. Люди тут уже почитай, как 3 месяца сидят, перезнакомились, иерархия сложилась. Все друг - друга уже знают.

- И что ты предлагаешь?

- Сейчас увидишь?

Он резко дернулся и обратился к щуплому пареньку, о чем-то споривщем с таким же задохликом:

- Парень, нам специалиста надо найти. Особого. Кто тут помочь с его поиском сможет? - Поможешь, отблагодарю!

- И чем же?

- Ведро молодой картошки устроит? И килограмм зелени - петрушка, укроп и прочее.

Глаза парня раскрылись, а кадык дернулся к верху. Он быстро сказал: - 'Пойдемте'.

Через три минуты они вошли в обычную палатку. Глянув по сторонам, Игорь расхохотался, а потом сказал Бортнику - 'Ну конечно, кто бы еще мог быть?! Цыгане!'.

Паренек же тихонько тявкнул, - Уважаемый Парно Бахтеевич, эти люди к вам, очень помощи просят, - и так же тихо выскользну к воротам первого радиуса, ждать оплаты.

Парно был большим и грузным мужчиной, мало похожим на цыгана, практически славянской внешности, но в палатке было около десятка женщин с детьми, стояло двое ромов помоложе, и только Парно сидел. Да он же и есть славянин, вдруг понял Бортник. Парно же, быстро взглянув на гостей, потом еще раз - внимательнее и движением руки предложил им сесть. Одновременно он что-то цыкнул и его 'свита' тихо выскользнула на улицу.

Его звали Парно Бахтеевич Крикунов. И он вовсе не был цыганским Бароном. Но в данный момент он был тут главным среди этой группы цыган, и его слушались.

То, что ищут именно минера-взрывника, его не удивило, но он сразу же поинтересовался ценой решения вопроса. Впрочем, мешок молодой картошки, два мешка овощей и небольшая 'Берета' в качестве оплаты - его вполне устроили. И он заверил, что к вечеру проблема будет решена.

Уже подъезжая к объекту 'Дом' Бортник услышал, как заработала рация. Его вызывали от Кравчего. Нужный человек нашелся.

СРЕДА

Среда, 6.30 - Мужчина и женщина стояли у дороги и молчали, ожидая появление 'сюрвейеров'. От того, как должны были пройти переговоры с ними - зависело очень многое.

О чем молчал ее спутник, женщина не знала... Но и ей тоже было о чем помолчать. В свои намерения, мотивацию, которую она будет демонстрировать «выживальщикам», она вживалась несколько суток, как актер в свою роль. Когда-то бессмертный герой Челентано сказал: **'Чтобы блеф удался, нужно самому в него поверить'**. И последние несколько дней она заставляла себя, порою через силу, особенно по началу, верить в свой блеф. Но чем дальше, тем более охотно ей в него верилось. Ей уже самой до чертиков хотелось послать все и вся, сесть в армейскую 'Шишигу', груженную патронами и продуктами, с прицепом топлива. Усадить за руль своего мужчину, взять 'брата', который все равно долго не протянет в силу недавнего повреждения рассудка и долгой болезни (именно поэтому она его и не бросит), и послать всех лесом. Ей было нужно то, что менеджеры западных компаний называли 'золотым парашютом'.

А потом она взяла мужчину за его худую жилистую ладонь. И так держала ее, пока не им не стали видно очертания уже знакомого 'Гелента'.

Подъехал. Пять человек. И один из них уже знакомый им - Геннадий Равильевич. На лицах сидящих была настороженность.

Женщина первой сделала шаг навстречу и начала говорить: ' Я - руководитель Дома, Екатерина, а это мой зам. По вопросам безопасности...'.

Но, самый рослый из сидячих в машине мужчин не дал ей договорить, остановив ее движением руки, - ' И вам не болеть! Кто вы такая, я уже понял, а меня зовут Сергей Петрович Ольховский, можно просто Сергей. Будем знакомы. А вот вашего комиссара я, кажется, знаю. Здравствуй, Игорь!'.

К удивлению Женщины Игорь делает шаг навстречу машине и говорит так, словно знал этого седого мужика уже много лет - 'И вам не болеть товарищ Ковпак! - Здравствуй, Ольховский!'.

Черных повязок или мешков у них не нашлось. Но оказались вполне годные зимние шарфы, которые, правда, не только закрыли обзор, но и вызвали легкое раздражение на лице.

Среда, 13.00. - Двое мужчин стояли на крыльце дома и смотрели вслед уезжающему 'Геленту'.

- Ты ей веришь?

- Она предлагает вполне реальный вариант. Мы можем их дожимать еще несколько недель, но наши возможности небезграничны, а Кравчий может изменить свое отношение к происходящему. Может произойти все что угодно. Он может психануть. А там,- он машет в сторону, подразумевая Центр и Кравчего,- может пойти грызня и какой то группке станет интереснее иметь СВОЙ дом, а не сидеть на условно-вечных запасах концентратов. Коля, может произойти все что угодно. Если есть возможность без боя и крови мягко выселить этот сиротариум и занять его самим, то нужно это делать сейчас. Как там, у классиков, не помню у кого, - 'Вчера рано, а завтра - поздно'.

- А не кинут?

- Да баба ж себя в заложники предлагает, Бортника, как я понял они теперь вместе, да еще братца своего придурошного. Но и от нас кто-то в заложниках будет, пока не въедем. Это справедливо. Нам нужно только ждать от нее нужного сигнала, ориентировочно в четверг - пятницу.

- А дальше. Платить будешь?

- Я человек честный, - тот, кого тут называли Ольхой - ухмыльнулся, - когда въедем и обоснуемся, съезжу к Кравчему в гости, заодно приглашу что бы засвидетельствовали, как я ее, эту прошмандовку, отпускаю с хабаром. После этого у Кравчего за нее ни одна тварь не заступится и хорошим словом не вспомнит.

- А дальше. Шишига, оружие, патроны, золото?

-Золота я ей ни дам. Да его у нас и не особо... Если будем легко соглашаться - не поверит. А по остальному?- Ведь мы будем знать, куда она поедет - дорога только в две стороны идет? А если случиться так, что через пять - шесть километров на повороте они напорются на шипы, и их кто-то обстреляет - ну значит судьба такая...

- Так я так хлопцам и передам?

- Не след. Хлопцы и сами догадаются, кто поумней. А кто глупый - пусть не нее волну катит, когда она тут будет. Ей же спокойнее будет, что не кинут. Зачем нам нервная баба раньше сроку?

Среда, 14.00. - Двое брели по узкой дороге по направлению к Дому. Игорь Псел ждал их там же, где и высадил утром. Но за десять минут до подъезда к Дому его пассажиры почти в унисон попросили остановить - им нужно было просто пройтись ногами и по земле.

Идти им предстояло еще с добрых полкилометра, когда мужчина заметил, что его спутница дрожит, и явно не от холода. Мозговедом он не был, но то, что у его спутницы начинается сильнейшая истерика, было ясно и ему. Попытаться успокоить? – Да! И как можно скорее. Ее не должны видеть такой. Прижав ее к себе, он начал гладить ее, что-то говоря - спокойно, ласково, так, как будто бы успокаивал собственную дочь. Стресс и напряжение переговоров были сильными, и как она смогла там не проколоться - для него было загадкой, на которую он теперь получал ответ. Он не сразу заметил, как ее руки, сквозь рыдания и слезы тоже обхватили, а вернее вцепились в его худощавый торс, а ее губы мягко ткнулись в его шею.

А минуту спустя уже двое животных катались, вцепившись друг в друга по траве лесной поляны. Еще недавно у них были имена, но тут и сейчас они были безымянными, - просто женщиной и мужчиной, которые с животной страстью и жадностью хотели познать друг - друга.

Любовью, нежностью тут и не пахло, а скорее звериной похотью, болью и голодом. Весь свой страх последних месяцев и недель, напряжение, притворство и игру они топили в желании поглотить и овладеть своим партнером, отдать себя всего без остатка, кусать, целовать, впиваться ногтями и зубами в такое теплое и желанное и живое тело любовника!

..А потом она закричала...

Среда, 22.00. - Когда Бортник и Игорь Пселл вошли в кабинет Кравчего, было еще достаточно светло. Но маленький неприметный человек - метр в кепке и в прыжке, был увиден ими не сразу.

- Вот ваш специалист, мне его 'вояки' присоветовали, - сказал Кравчий, показывая на маленькую фигурку сидящую в тени шкафа.

-Спасибо, товарищ команданте, верну лично через два дня, - ответил Бортник, пытаясь одновременно 'прочитать', что за типа им предложил комендант.

- Запомним, запомним. А зовут его Семеном Марковичем, специалист он широкого профиля по взрывотехнике, взрывным устройствам и разминированию. И попрошу не ржать, - повысил голос Кравчий, - а любить и жаловать. Мы про него, собственно даже и не знали, а как ты параметры поиска дал, дык мы его среди беженцев, во втором круге и обнаружили.... Знаешь, как там, в детской *сказке 'Корову свою не продам никому, Такая скотина нужна самому!'*. Так вот - Семен Маркович для нас не корова, а ценный специалист. Вернешь через три дня в целости и сохранности. И отблагодаришь, и его, и...ну в общем как жаба позволит.

- Лично отвечу за возврат, головой ручаюсь, - бодро ответил Бортник, про себя подумал, что абсолютно не врет, действительно - отвечает головой.

Уже на выходе, Бортник вдруг обратился к Кравчему:

- Я вот что подумал. Я же вчера свой кейс набивал исходя из того, что нам может пригодится, а тут специалист есть. Не будете возражать, если он в ваших запасах пороется, пару тройку деталей возьмет. Для вас - мелочь, а для нас лишний раз ездить не придется. А к концу недели, все, что не пригодилось - вернем.

- Да иди ты уже! Кашу с топора варит он. Сегодня деталька, завтра катушка, и собрана пушка...

- Так я же на всякий случай! Надо! Понимаешь, просто надо....чувствую, что можем опоздать.

После долгого ворчания по поводу приживальщиков и нахлебников, Кравчий таки дает добро, вызывая в кабинет НачВора Центра Спасенния.

По пути в центр Семен Маркович обратился к своему однорукому работодателю:

- Можете хотя бы на пальцах объяснить суть задачи.

- Н-да... значит, представь, что я в танке, и из него на расстояние в 150 метров в разные стороны идут провода к платинам с пластидом, которые нужно привести в газообразное состояние нажатием кнопочки на пульте. Пульт и заряды соединяют провода. Вот под такую задачу и выгребай закрома.

- Я воль майн женераль, - усмехнулся метр в кепке,- но я должен задержаться на несколько часов. Хорошие люди попросили в гости зайти. Отказать будет некрасиво.

- Ждем у выхода первого кольца через...через…Четырех часов хватит?

- Не знаю, думаю, что да. Но если не хватит, вы ж еще пару часов сможете подождать? – Со стороны Семена Марковича это был не вопрос, а скорее утверждение.

Они расстались, и 'Низкий', как окрестил его про себя Бортник ушел в глубь лагеря. И тут, впервые за все время, голос подал Игорь Псел:

- Ты трех мушкетеров читал?

- Ну да...

- Плохо читал. Нехорошее у меня чувство. Ладно, давай пойдем к Парно.

Идти им предстояло около пяти минут. Придя к цыганам, они застали Парно в отличном настроении:

-Готовь плату, нашел я тебе человек!

- А где он?

- Сейчас придет!

В 'Трех мушкетах' Атос, Портос и Арамис назначили дуэль одному человеку в один и тот же день. Бортник вспомнил это, когда в палатку вошел Семен Маркович.

Они шли к машине, и настроение у Бортника была не самое лучшее. Впрочем, не смотря на то, что они полиняли этим хитрым ромам, есть ведь и положительный момент. Если две независимые стороны рекомендуют одного и того же человека, то значит, у него есть репутация. А это многого стоит.

Впрочем, пора было ввести 'Низкого' в курс дел. – Подъезжая к Дому, Бортник повернулся к приглашенному специалисту и произнес:

- Семен Маркович, я ведь вам не всю правду сказал...

- Вы что-то хотите добавить?

- Не будет танка. И провода в 150 метров тоже не будет, максимум метр, полтора, что бы заряды соединить...Вы меня понимаете?

- Ну, чего-то такого я и опасался. Кто он?

- Доброволец. У него лимфома. Ему жить три-четыре недели. - Сделав паузу Бортник добавил. - Вы хотите отказаться?

- Ну почему же. Именно такого я еще не делал, и мне будет просто интересно попробовать. Но хотелось бы узнать, что получу я лично. У меня матушка, сестры с детьми и их кормить надо-ть. А на тушняк они уже смотреть просто не могут.

- Так их сейчас же Кравчий будет кормить? Раз Вы так ему приглянулись, - попытался парировать Бортник.

- А мои хотят есть много и вкусно....

- В воскресенье вернетесь к Кравчему. Дадим продуктов столько же, сколько же за ваш поиск дали цыганам. И еще – столько же. А если постараетесь, и Ваша хрень сработает, то еще в два раза больше и сотую часть трофеев.

ЧЕТВЕРГ

Четверг, 7.00 - Сегодня Тамаре дали индульгенцию от всех обычных работ, кроме одного задания. И оно действительно было заданием. Как там, в детской сказке *'перемой-ка всю посуду, и помой полы повсюду...'*. Нет! У нее была куда как более ответственная работа. Сначала - 'ограбить' теплицу и отобрать с десяток килограмм самых свежих овощей и зелени, найти пару тройку лимонов. Накопать молодой картошки. Рано?! - Ничего - хоть всю выкапывай, но с мешок должно быть - крупных хороших клубней.

И главное! Прохор, завтра в 5 утра, вернется из Саивки. Он должен привести мешок с выводком молочных поросят - шесть 'мальчиков'. А 'девочки' были вкусными. Тома плотоядно улыбнулась. Их запах свел тогда с ума всех вокруг.

Мальчика надо будет помыть, 'упаковать' в клети. Рядом с клетями приготовить белое вино и специи, уголь в пакетах, жидкость для растопки, и шампура. А к этому ей надо приготовится уже сейчас.

Четверг, 10.00 - Как лучше всего спрятать вещь? - Надо положить ее на самом видном месте

А как незаметно спрятать на человеке со средним ростом и весом в 50 килограмм **'пояс шахида'**? - Надо сделать так, что бы этот пояс был виден всем, и на него бы просто не обратили внимание.

Двое мужчин сидели за столом. Один из них в прошлой жизни работал в СБ, - в той же жизни он еще находил время для чтения книг. Читал он и Макиавелли. И там была замечательная и простая до гениальности мысль: любой заговор и тайное общество с увеличением числа посвященных приближаются к провалу. И потому расширять круг посвященных нужно как можно позже - перед акцией, выступлением или переворотом. Поэтому обратиться за помощью к этой женщине он решил только сейчас, а к мужчине же - лишь 20 часов назад.

Тут она была чем-то вроде главного повара, и звали ее Тома. Хорошая и добрая тетка, которая имела маниакальную страсть накладывать малышам порции выше нормы. Всегда. Но она запаздывала, и у него было несколько минут для отвлеченных размышлений. А еще она шила, а вернее очень хорошо шила.

Тома, 40-летняя бодрая и весела толстуха появилась чуть позже назначенных 10.00. В этот раз на ее лицо было насторожено. Вчера Катюша сказала ей явиться сюда с нитками, иголками, дала образец материи, с которой придется работать, и велел молчать и ничему не удивлять. И еще раз - молчать!

Бортник встретил ее коротким приветствием.

-Здравствуйте Тома.

- Здравствуйте товарищ Дзержинский, - сказала Тома, улыбнувшись. Но попытка сострить была не удачной.

- Вы знаете, что нам понадобятся ваши таланты?

- Готова к труду и обороне! - В этот раз мужчина ей улыбнулся, правда, через силу.

- Вы знаете, что это такое?

- Наверное, бронежилет? Да - это бронежилет!

- Правильно Тома. А вот какую работу вам предстоит сделать... Давайте лучше товарищ вас объяснит, его Семеном зовут. Семеном Марковичем.

Щуплый мужичок вышел из затененного угла комнаты, достал из сумки, заранее приготовленные пластины и начал объяснять:

- Это бронежилет 'ОПЕРАТОР'....Вот тут внутри, вот тут, тут и тут - зашиты прямоугольные куски. Их мы, распоров швы, аккуратно вынимаем, а на замену кладем вот этот белый сплошной

прямоугольник, который сверху, то есть снаружи, будет прикрываться тонкими металлическими пластинами, а изнутри - тканью.

А вот тут, с внутренней стороны у нас будет аккуратная дырочка, из которой будет выступать небольшой шнурок - максимум 4-5 сантиметров. И его аккуратнейшее должны прикрывать, что-то вроде липучки или съемной пуговицы. Конец шнура не должен упасть внутрь. Идея такая - дергаешь посильнее за пуговицу, и выпадает 3-4 сантиметра шнурка. И таких шнурков будет несколько - на всякий случай. Мы должны управиться за 10-12 часов. Вам все понятно?

Тома кивнула, и молча принялась раскладывать свой швейный инструментарий на одном столе, в то время как Семен Маркович начал колдовать на другом.

Бортник уже уходил, когда услышал что Тома, перекраивая добытый им бронежилет "ОПЕРАТОР' начала тихо шептать молитву 'Отче наш'...

Глупой женщиной она не была, но кто сказал, что умные люди - это сплошь бесчувственные сухари и циники?

Четверг, 17.00 - Странная у них получилась компания. Идея совершить акцию используя Женю и убить по возможности всех или сколько получиться - принадлежала абсолютно гражданской бабе. Мысль с вариантом 'торпеды' посетила Евгения. А вот ему, человеку явно не штатскому пришла в голову абсолютно не военная идея, но не менее амбициозная, чем у Катерины и Евгения. Но и Евгений, и Катерина одобрили ее. Одобрил ее и доктор, что немаловажно.

Дело оставалось за малым. Бортнику нужно было еще раз выбраться в город. Сама мысль голову ему бы не пришла, если бы он не знал того человека. Но он его знал. Это было еще в прошлой жизни, лет 5-6 назад, когда ему поручили его разработку. За три месяца работы он много узнал о том, чем и как работает Виталий Владимирович Мищенко - скромный украинский миллионер, с кем спит, что есть и что пьет. И слово пьет, было тут ключевым. Господин Мищенко был увлекающимся алкоминималистом, с большими средствами и возможностями. А значит, в подвале его дома могло храниться и что-то уникальное.

Выезд происходил по прошлой схеме - на грузовике, шесть человек в кузове, и два в машине. К дому бывшего алкоминималиста удалось пробились затемно. Было четко видно, что там никого нет. Об

этом говорили открытые двери и окна, отсутствовал, как ни странно, и тошнотворный запах 'обратившихся'.

Вся операция заняла около 10 минут: короткая разведка, бросок световой гранаты подвал и быстрый рывок вниз после вспышки. Никого! Многое было вынесено, но Бортник не зря 'разрабатывал' уважаемого негоцианта и гешефтмахера несколько месяцев. Под дверью подвала располагался очень и очень незаметная задвижка, дернув за которую отодвигалась часть стены, и зрителям открывался обычный винный шкаф, но с необычным содержимым.

Одного взгляда на его начинку Бортнику хватило, что бы сказать *'Бинго'!*

Четверг, 22.00 -'... полученная мною и товарищем Бортником информация говорит о том, что в том, случае если мы не начнем эвакуацию завтра же, 'сюрвейеры' пойдут на более жесткие меры. Вплоть до насилия... и открытого пролития крови. А у нас - дети!...

.. Я приняла решение: в течении двух-трех ближайших дней состоится плановая эвакуация детей и персонала в центр Спасения Кравчего. По договоренности - весь персонал будет определен на жительство и довольствие в первый радиус, а дети - во второй...

...Завтра в 7.00 утра состоится объемен заложниками, как гарантия выполнения условий с нашей стороны, и безопасности эвакуации - с другой...Прошу собрать личные вещи. Имущество Дома прошу не портить. Это я прошу крайне убедительно..

..на период моего отсутствия, по понятным вам причинам, исполняющим обязанности Дома до его окончательной эвакуации назначается Игорь Владимирович Псел...' - Отрывки диктофонной записи выступления Руководителя Дома перед персоналом.

Четверг, 23.00

- Игорь!

- Да?

- Это правильно - Слушай и запоминай. Ты, как понял, с завтрашнего утра тут самый главный. Эвакуацию затягиваешь дня на два. Приехавшего представителя 'Сюрвейеров' не обижаешь, даешь возможность регулярно выходить на связь и ловишь момент, когда на связь он выйти не сможет. Если это не будет технический сбой, а в течении, ну скажем часа, а лучше - двух, он не сможет выйти на связь с

их базой - арестовываешь его и стопоришь отъезд. До... До того момента, пока или они или мы, не выйдем на связь. Ясно?

- Вполне. Разрешите не по делу...

- Давай.

- Я думаю, что у вас есть очень хорошие шансы, около 20-30%. Я так думаю.

- Спасибо.

Часть четвертая «Смерть»

Суббота , 3 часа ночи.

Странно, зачем он ее бьет? - Такой большой и красный бьет по щекам эту женщину. Отсюда, с высоты нескольких метров над ними это хорошо видно. Что то кричит… Не пойму. Слова такие глупые. Их трудно понимать. А вот эмоции толстого понимать проще. Он растерян, испуган, он хочет ее разбудить, и хочет сделать ей больно, очень больно. А еще он понимает, что начал ее бояться. Однорукий пытается его остановить, но толстый его отталкивает. У однорукого человека эмоции читаются проще - страх, растерянность, злость...Злость у калеки на себя, а страх за женщину.

Ну а бить то ее зачем, она же вообще мертвая… или не мертвая? Наверное, сама еще не решила. А толстый, скорее всего не бьет, - разве избивают только по щекам, - так в чувство приводит... Вот глупый!? - У нее сердце останавливается, а он ее по щекам.. А вокруг полукругом стоят люди-люди-люди. Много детей. Дети плачут. Те, что постарше, стоят группкой отдельно.

А вон к ним бегут двое - девушка и пожилой мужчина на протезах. Как он может так быстро бежать - непонятно. В руках у девушки два шприца. Они собираются ей что-то колоть? - Зачем?! Ей ведь уже хорошо, она так улыбается. Не надо! Пожалуйста, не надо!

Острая боль слева. Почему?! - Это нечестно! - Укол в сердце делают ей, а больно мне. Чувствую, как падаю с высоты прямо на землю. Плашмя. Дышать не могу. Или могу? Открываю глаза. На меня смотрят люди. Кто-то кричат, кажется, что-то насчет воздуха и расступиться.

Однорукий пробивается ко мне, это толстый его, наконец, пропустил, - держит меня за руку. Плачет.

Наверное, нужно всем улыбнуться? - Улыбаюсь...

За двадцать часов до этого.... Пятница, 6.00 - Самурай без меча похож на самурая с мечем, только без меча...Так гласит японская пословица. А в моей голове вертится аналогия этому перлу, когда вижу то, что происходит. Аналогия вертится, да сформулировать ее не могу. Ну и хрен с ней, с этой аналогией! Но вот сама пословица в мозг въелась, как кислота в железо, и почему то вспоминаю именно ее, когда вижу как знакомый мужик, наш 'куратор - наблюдатель' Геннадий Равильевич идет мимо нас 'сдаваться в заложники' к машине Псела, а мы...А мы не двигаемся, а стоим и ждем. Трудно идти, когда рядом с тобой пару мешков овощей, и клетка с хрюкающим выводком, да чемодан с платьями и носками. Когда возле машины останавливается их машина и оттуда выходят четверо представителей 'сюрвейеров', мы сдаем им наше оружие: я - свою 'берету', а Бортник 'Макарова'. Затем нас обыскивают - долго и нудно. Здоровая баба - щупает меня, а Ольховский лично хлопает по ляжкам Игоря. Потом переходят к Жене. Его штаны не вызывают особых вопросов, как и голый и тощий исколотый торс с надетым на него бронежилетом. Главное, что б они не заинтересовались самим бронником. Семен Маркович решил пойти самым простым путем, а потому - никаких жучков, датчиков или таймеров выявлено не будет. Женя молчит, преданно смотрит на меня, и делает все, что я говорю. Психа он играет грамотно.

А потом звучит ожидаемое требование - расстегнуть бронник. Это - ожидаемо…

Желание человека помыться - естественно. Но Евгений тут оказывается художником, и являет публике едва ли не главный шедевр жизни. Как может пахнуть тело умирающего человека, последние четыре дня живущего на лекарствах, морфии, и прочих стимуляторах, и ровно такое же время не прикасавшегося к воде? - Я стою в нескольких метра, но когда Женя распахивает свой бронник - его амбре становится слышно даже мне.

Ругаются. Спрашивают - когда он последний раз мылся. Отвечаю, что неделю назад. А запах пота он глушит запахом сигарет, так что пачка 'Camel' и зажигалка в кармане его брюк - это не роскошь, а скорее мера дезинфекции. Так сказать - для вашего же блага...

А вот свежим овощам, молодой картошке, вину и молочным поросятам – уроды радуются как дети. В чемодане Игоря - мои

трусики, бюстгальтеры, трусы и носки Бортника, яркая коробка с обручальными кольцами и НАШ коньяк - две бутылки.

'Это наше, - говорит Игорь, с упором на слове НАШЕ,- *он редкий. Для нас и для ОСОБОГО СЛУЧАЯ. Не разбейте, пожалуйста. Я саквояж сам понесу'*.

Саму эту идею мне подкинул Игорь. - На элитный коньяк в отдельной упаковке могли и покуситься, но если дама держит его между обручальными кольцами, упаковкой презервативов и своими трусами и трусами своего мужчины, то реквизировать бухло как то неудобно...Все равно что из дамской сумочки прокладки украсть.

Мало внимания обращают и на мою сумочку: калькулятор, ножнички, прочая мелочь, включая наполненный шприц для инсулиновых инъекций да с десяток ампул инсулина. Что поделаешь - сахарный диабет с началом Беды не исчез.

Как и в прошлый раз, нам закрывают глаза, и следует несколько часов езды.

Пятница, 12.00 – Всего их было порядкадвадцати человек. В основном мужчины. Но было несколько женщин, а также подросток и годовалый ребенок. Эта группа объединялась вокруг семи или восьми 'отцов-основателей' во главе с Ольховским.

Последние несколько месяцев они обитали тут. Первоначальная эйфория от 'выживания' закончилась у них через пару месяцев после начала Беды, и сейчас их 'геморрой' сводился к двум проблемам - низменной и высокой: к вопросу жратвы и перспектив. Оказалось, что консервированные продукты в новом мире достать еще вполне и вполне можно, но вот выращиванием свежей зелени и парной телятины вчерашние горожане, оккупировавшие села вокруг городов, не сильно озабочены. А если и выращивают - то сугубо для себя. Выходом выживальщикам виделось занятие какого ни будь хорошего, желательно бесхозного или слабо защищенного, потенциально перспективного ПГТ, рядом с городом, с хорошей местностью, и с возможность подселения туда на правах опекаемых и защищаемых сельских жителей, которые будут возиться в земле...и еще много всяких условий. И как ни странно, они нашли с десяток таких пунктов, но наш им показался пусть и не самым подходящим, но самым беззащитным.

Были и другие пункты. Но все сводилось к проблеме мести. Мало занять пункт, надо еще его и удержать. А если обиженные будут мстить?

В нашем же случае, если весь Сиротариум уходил к Кравчему - то он был бы сам заинтересован в том, чтобы никто не мстил. Зачем ему себя и свой Центр подставлять? Тем более, если под его непосредственное начало попадет около сотни человек несемейной молодежи.

И сейчас, в двухстах метрах от домов у дороги стояли три трейлера, куда выживальщики сложили все самое ценное, что они намарадерили за несколько месяцев.

И если их человек в очередные полчаса не выйдет на связь, то они просто сядут и уедут, уходя из-под нашего возможного удара. А потом, с расстояния в пару километров, через день, недельку или месяц, по Дому заработает КПВТ, мстя за своего заложника и обманутые надежды.

А в целом, это были обычные люди, - семейные и холостые, женщины и мужчины. И все они просто хотели своего места под солнцем.

Впрочем, нервозная обстановка бывшая поначалу, разряжается, когда их человек - Геннадий Равильевич, сообщает о том, что первая группа эвакуируемых (самые маленькие) уже покинула территорию Дома. Эта весть облетает всех почти мгновенно. Шампанское они, конечно, не открывают, но ощущение *'у нас получилось'* в воздухе явно стало витать.

Несколько меняется отношение и к нам. По крайне нам уже не дают понять, что мы заложники, а делают упор на слове гости. И как гостья, я намекаю, что неплохо бы перекусить, ведь свинки молочные и до вечера без мамки не доживут. А мариновать их недолго - максимум полчаса... Тем более, что я уже готовила и могу показать.

Бортник все время рядом, - изображает влюбленного козлика, только и мечтающего о случке. А Женя, как и положено тихому и дисциплинированному психу сидит с краю полянки, стараясь не светить и не пахнуть.

Разводка была тупая и примитивная - шашлык из молочных поросят, свежие овощи, зелень и картошка. Но для людей, чей рацион последний месяц составляли в основном крупы, консервация и

тушенка, и чье настроение было на подъеме - этого было более чем достаточно.

Наверное, машина с самыми маленьким была на полпути к Кравчему, когда на полянке, между четырьмя домами, раздался предсмертный визг первого зарезанного поросенка.

Еще через сорок минут порционные куски свинины легли над углями. А уж как готовить - Тома меня научила.

Пятница, 15.00 - Необратимость - это очень страшное слово. Мы сидим за столом, слева Игорь, справа Ольховский. Пора начинать действовать, а я, дура, смотрю на этот стол, мангал, радостных людей, совсем не извергов, и не сволочей, а просто людей, и как молитву вспоминаю про себя старое-престарое стихотворение мертвого поэта:

'Есть в неудачном наступлении
Тот страшный час, когда оно
Уже остановилось, но
Войска приведены в движение,
Еще не отменен приказ,
И он с угрюмым постоянством
В непроходимое пространство,
Как маятник, толкает нас.'

Мое то 'наступление' наоборот - идет вполне успешно, но, Боже мой, как же хочется, что бы его вообще не было.

Тетки, - это сестры или жены этих мужиков, подают поросей. Но компашка вокруг нас в целом таки мужская. Как я понимаю, за эти четыре месяца тут установился жесткий патриархат, а женщин за общий стол, когда сидя мужчины, не приглашают. А я сейчас не женщина, а представитель капитулирующей стороны. Причем капитулянт на почетных условиях.

И вот сидят два капитулянта, два ссучившихся и сдавших своих, руководителя, и жрут шашлык. И глушат на двоих бутылочку коньяка. Не простого коньяка, а - внимательно читаю названии - **Remy Martin Cognac Black Pearl Louis XIII**.

Если верить Игорю, то его стоимость в ценах старого мира была полста тысяч долларов США за одну бутылку, и что во вкусе этого чуда порядка 1200 вкусов от 40 до 100-летних коньяков которые смешанных вместе. Может быть - может быть. Вкус действительно неплох.

Поначалу на нас с коньяком смотрят искоса. Впрочем Игорь уже скоро толкает короткий тост на тему - что это за хрень, сколько она стоила и чем знаменита и предлагает дегустировать...Первым решается худой мужик, - кажется его зовут тут Деном, а за ним еще несколько человек. Пузырь темного стекла быстро пустеет.

А потом наступает мой выход. Очередной тост и мой капризный и чуть плаксивый тон с требованием еще этого нектара. Знаю чего требовать - бутылка ведь уже пустая.

- Катя, давай я тебе из своего стакана налью, - возражает Бортник.

- Сам пей из своего стакана. Я тост хочу сказать. Не жлобись открывай - новую.

- Эта же последняя...вообще, наверное последняя.

- Так и ты у меня тоже любовь - последняя. Я про тебя говорить буду - открывай!

Бортник нагибается к саквояжу за последней бутылкой, а легкая семейная разборка начинает привлекать внимание. Всегда интересно понаблюдать за сорящимися парами.

Наконец Бортник открывает бутылку и наливает мне полрюмки. Пальцем провожу по срезу рюмки - намек, что бы лил полную. А затем, поднимая стопку, обращаюсь к нему: *'Игорек, это точно последняя бутылка такого...'* - взглядом киваю на пузатый черный пузырь стекла.

Дождавшись его положительного ответа, продолжаю - *'Тогда обнови бокалы. Счастья всем и пусть никто не уйдет обиженным. Тост!'*.

Он льет всем, кто протянул свои рюмки. Льет и себе, когда кто заметил, что он сачкует. Дурак! - Мог бы отшутиться.

А теперь мой выход и начинаю говорить трогательные банальности: о том, что произошло, о том, как встретила Игоря, о том, как мы решили быть вместе, и, заканчивая тост, предлагаю выпить за самого лучшего человека на свете которого очень люблю и ни никого не променяю, и за любовь.

Когда дама поет за любовь - принято пить стоя и до дна. Так все и поступают. Даром что дама после тоста слезу от умиления пустила. А потом, начинает реветь как белуга - зрелище не очень приятное, но вполне объяснимое: у влюбленной бабенки от алкоголя, чувств и

стресса начало сносит крышу. Ей бы, болезной, успокоиться да в порядок себя привести.

Извиняюсь за столь бурное проявление чувств. Встаю из-за стола, левой рукой беру сумочку, а правой за руку Игоря, и прошу проводить меня в..в..в - *'Может, кто ни будь показать, где тут ванная комната?'*.

По реакции Ольховского понимаю, что упредила его распоряжение о навязчивом сервисе.

Встают двое. Один толстый мужик лет сорока, а второй - совсем еще мальчик. Они нам покажут. А потом мы им.

Пятница, 15.30- Ванная. Я и Игорь. И еще пара минут на то что бы попытаться успеть промыть желудок, выпив как можно больше воды, а потом склониться над унитазом, засунув два пальца в горло. Еще раз, и еще ... Процедура повторяется раза три, пока Бортник решает, что пока все, хватит - надо вводить антидот.

Ввожу Игорю раствор атропина и адреналина. Клофелина во второй бутылке коньяка было предостаточно для глубокого сна, а может и для смерти, да и выпила я его больше всех. Атропина мало, - ведь он долен был колоться только мне. По плану и Бортник не должен был пить из второй бутылки, а теперь ведь его ход. И его ход должен быть трезвым, быстрым и жестким.

Ну а теперь вещь необходимая, но неприятная. Этого мы, почему то, не репетировали, но что делать я знаю хорошо. Со своей одной рукой Игорь не смог бы быстро осуществить задуманное, и я ему помогаю: расстегиваю и стягиваю брюки, трусы, а он нагибается...

Как там *'дерни за веревочку, дитя мое, двери откроется...'*. Нас обыскивали на дороге, но внутриполостного досмотра, слава Богу, на обочине не устраивали. Начинаю аккуратно тянуть за шнурок и через секунду мне в руки, испачканная в крови, лубрикантах и кале, выпадет 'торпеда' - небольшого размера эластичный фалоимитатор. Эту очередность действий я, хотя и не репетировала, но продумывала разов двадцать:

ПЕРВОЕ - Быстро вымыть, затем насухо вытереть 'торпеду'

ВТОРОЕ - Поднять стельку туфли Бортника или свою - без разницы, - и достать бритвенное лезвие

ТРЕТЬЕ - Сухими руками вскрыть 'торпеду' и вынуть из нее балисонг Бортника (нож бабочку)

ЧЕТВЕРТОЕ - Быстро одеть своего 'торпедоносца'...

Чувствую приближающиеся, но пока еще слабые, симптомы отравления клофелином, - как доктор и предупреждал, - сонливость, сухость во рту, и легкое головокружение. Ладно, свое соло я уже отыграла. Если все пойдет правильно, Игорь откачает, а если нет - так лучше и не откачивать. Но я то, слабая баба, и выпила из бутылки больше всех, а у тех это должно настать с оттяжкой - минут на пять-шесть позже, и не так резко. Так что еще несколько минут у нас еще есть.

Пятница, 15.40 - Пора! За дверью ванной комнаты, находится качок. Ему лет сорок и он весит под сотню килограмм, если не больше. Ильёй, кажется, его зовут. И надо его надо убить сразу и так, что б он не успел закричать. Внизу еще один, но с этим, возможно, будет проще - ему лет шестнадцать, максимум двадцать. Почти мальчишка.

Ложусь на пол ванной, прикрываю глаза, ноги трагически подломлены... Слышу, как Бортник тихо просит подойти бугая: ' Мужик, с дамой плохо. Помоги вытащить'.

Сквозь полу прикрытые веки вижу, как он входит в ванну, наклоняется, смотрит. А я, сквозь полуприкрытые веки, смотрю на силуэт у него за спиной.

Пора! Резко открываю глаза и хватаю бугая за уши, а рука Игоря выскакивая откуда то сзади и кажется что только гладит балисонгом горло Илюши, как перышком. Но его кровь упругим горячим фонтаном сразу бьет мне прямо в лицо, а сам он, хотя и не может уже кричать, и быстро слабеет, но еще пытается вырваться. Поздно! - За три секунды во время тренировок Бортник наносил семь ударов ножом по размороженной свиной туше, а балисонг не настолько короток, что бы не достать до сердца жирного. Наконец он падает на меня, продолжая булькать кровью из своей улыбки под подбородком. Когда же я выбираюсь из под его туши, то вижу только сжимающиеся кулаки да мелко дергающиеся ноги в смертельной агонии..

Оружия в карманах убитого нет.

Пятница, 15.43 Молодой парень, стоящий на крыльце был, кажется, племянником одного из 'отцов основателей'. Бортник настоятельно советует жестами мне спрятаться и не маячить. Поэтому наблюдаю за происходящим осторожно - со второго этажа. Оттуда скорее вижу, чем слышу их непродолжительный диалог:

- Парень, тут дело такое деликатное - можешь помочь?

- Да ради Бога...

- У меня шнурок развязался. Я с одной своей рукой - инвалид. Можешь помочь?

Его смерть была практически мгновенной и настигла его в виде удара балисонгом в левый глаз, когда он, преклонив колено, по доброте душевной завязывал узел 'бантиком' на ноге однорукого и 'безоружного' инвалида. Наверное, именно так сразу и попадают в рай. Лезвие его убийцы, пробив глазное яблоко, через глазницу черепа вошло глубоко в мозг и там провернулось.

Как звали мальчишку я не знала, и это было не важно. Важным было другое - но у него на поясе оказалась кобура с АПС.

Пятница, 15.45

Ударом в глаз Бортник добивает жирного. В ванной уже невозможно дышать - у покойника расслабились все сфинктеры. Терплю. Делаю еще одно промывание желудка, а Игорь тем временем приносит из соседней комнаты какую-то банку с непонятным кофе. Растворяю его в банке воды, пью. Спать мне сейчас нельзя ну совсем никак.

Бортник с пистолетом уходит на первый этаж - перекрыть баллон с газом на кухне. На всякий случай, ну а я топаю за ним. Там, за закрытой дверью, он находит двух теток, которых, почему-то мы не видели среди присутствующих. Вид мужика с пистолетом в комментариях не нуждается, и они не кричат. Старшая, мать, по видимому, хочет помочь Бортнику сделать правильный выбор: *'Внизу есть подвал, мы спустимся, а вы закройте нас. Только не убивайте, пожалуйста, прошу вас!'* - Говорит она быстро и шепотом.

Два цветастых мячика, каждый под сотню килограмм, катятся по приставной лестнице вниз, а сверху за ними щелкает защелка, а нам остается только наблюдать за событиями оттуда и ждать нападения. У меня - его нож. Если дело пойдет совсем плохо - то маленький укол в яремную вену решит все проблемы, а больше я сделать уже ничего и не смогу.

Пятница, 15.52 - С улицы слышны крики. Аккуратно выглядываю из-за шторы со второго этажа. Кажется, началось.

Когда было решено использовать клофелина, то это было обусловлено несколькими вещами: его было легко достать, он не

чувствовался в коньяке, а его использование давало некоторый шанс исполнителю...Ну, по крайне мере больший чем цианид или мышьяк.

Коньяк пили отнюдь не все. За столом сидело около пятнадцати человек, не считая нас и тех двоих, что сейчас лежат в доме. А дегустировать соблаговолили человек восемь-девять. Много это или мало?

Для того чтобы убить насмерть сразу и всех - катастрофически мало. Но вот для того, что б через 10-15 минут после поднятой чарки у выпивших начали закрываться глаза, более чем достаточно.

Смех над уснувшими, затем недоумение, затем беспокойство, а как финиш ситуации - паника. Все это происходит буквально за минуту. А дальше счет идет на секунды...

Вон кто-то с криком *'Где эта сука!'* буквально летит от мангала в сторону нашего дома. У него в руке револьвер.

Еще несколько человек - в основном женщины бегут в сторону обеденного стола, где уже начали лупить по щекам уснувших, а у некоторых пытаются вызвать рвоту. Да, бегут в основном женщины, но есть и двое мужчин: один движется от трейлеров, второй - от крайнего дома. Во втором я Женю.

В это время раздаются выстрелы. Хотя АПС намного тише 'Макарова', но все равно, его сухой треск заставляет почти всех собравшихся на поляне на мгновение умолкнуть и замереть, повернувшись в сторону нашего убежища. Почти всех кроме Жени: преодолев половину расстояния, он останавливается, левой рукой приподнимает полу бронника, рвет оттуда пуговицу, за которой выпадет короткий шнур, и чиркает зажигалкой. Видно, что она дает пламя не с первой попытки. А затем, он, уже не бегом, а быстрым шагом - что б не сбить пламя, движется в сторону 'круглого стола'.

Пятница, 15.53 Состав С-4 широко известен своей мощностью и пластичностью. А самым надёжным способом вызвать взрыв является применение капсюля-детонатора. Убежать же от взрыва - невозможно. Для стороннего наблюдателя взрыв происходит почти мгновенно: всё хорошо, а потом через секунду всё разрушено.

Одного килограмма С-4 хватает, чтобы взорвать грузовик. А на Жене было около более трех килограммов пластида. Время, когда ему действовать, должен был определить он сам. Так мы с ним решили заранее.

Вижу в его руках зажигалку, и сразу все понимаю. Прыжок от окна, к лестнице, вниз...еще вниз... кричу - *'Игорь, Падай!'*.

А потом лежу на нем сверху, - а он такой легкий и щуплый, а у самой глаза закрыты, и уши - руками, а рот открыт,- так как учил наш минный Заратустра, - Семен Маркович.

Несколько секунд спустя что-то горячее бьет меня в бок, приподнимая в воздухе. Эпицентр взрыва находится метрах в ста от нас. Но дом был построен не из фанеры, а из кирпича. И именно поэтому он не обрушается, хотя теряет все окна и часть шиферной крыши.

Пятница, 15.55 - Глаза убитого смотрят на меня. То, что человек мертв - видно сразу: его глаза пусты, и в них нет жизни. Сначала я грешным делом думаю на Игоря, но потом меня отпускает. У моего чекиста волосы черные, а этот рыжий. Наконец пыль оседает, а до меня начинает доходить, что если Игорь и жив, то он подо мной, и точно жив - вон он как пытается столкнуть с себя одну контуженую дуру. А это, наверное, это тот, что побежал вести подлых отравителей на суд обЧества или сразу порешить.

В револьвере убитого оказывается четыре патрона. Меньше чем нужно для боя, и больше чем нужно для суицида. Но и это неплохо.

Когда он вламывался в дом, Игорь поступил просто и незамысловато - встал в углу открывающейся двери. А потом - просто выстрелил ему в затылок.

Приподнимаюсь. Пыль душит, но сквозь нее пробивается свет и становится виднее. Хочу выматериться, но мягкая рука Бортника закрывает мне рот. Молчу.

Пятница, 16.00 - Тетки, запертые в подвале, тоже молчат. И то ладушки. Зато орать начинают снаружи. Один дом - сложился от ударной волны. Два остальных, не считая нашего, - устояли. Много трупов, но есть и живые, которые контужены, у многих сломаны конечности. Ждем еще минуты две, и умершие начинают 'обращаться'. Они еще тупы и неповоротливы, но их потенциальная пища сейчас контужена или обездвижена.

На улице начинают кричать - дико и истошно. За минуту криков прибавляется - орут уже несколько человек.

Хочу бежать туда, добить тех, кто еще может оказать сопротивление, но Игорь делает знак губами *'т-сс'*.

Еще минута и я его понимаю. Покойный Ольховский не был идиотом, - сюда идет дорога, так или иначе. А на дороге принято выставлять секрет. Много там находиться не может, - скорее всего - больше чем один, но меньше четырех. Так оно и оказывается.

Машина с открытым верхом появляется минуты через три-четыре со стороны дороги. Три человека - двое мужчин, и девушка лет 15-16, практически еще ребенок. Оружие есть у всех, и если бы они знали, точно, что тут произошло, то полумертвой от клофелина тетке и однорукому инвалиду - пришлось бы кисло. Но с их колокольни видно лишь то, что произошел мощный взрыв, что большая часть людей - их людей, мертва, а меньшая находится в жутком бедственном положении и не в состоянии оказать какое-либо сопротивление, и что их людям нужна помощь - тут и сейчас. Если бы это были чужие друг другу люди, они бы, скорее всего, постарались просчитать ситуацию и разобраться, что тут произошло. Возможно, что кто-то из немногих уцелевших, успел бы и смог бы дать им понять, откуда исходит главная для них опасность.

Наверное, все было списано на взрыв газового баллона. А может, они и не строили никаких предположений, а просто рванули назад, когда услышали взрыв, а зрелище, когда твой отец или брат с перебитым позвоночником, контуженый или просто в крови, уже укушенный, пытается отползти от бредущего к нему 'обратившегося', - это зрелище может снести башку кому угодно.

Машина рванула в самый центр того, что еще недавно было двором, а потом загрохотали выстрелы. Не выходя из машины, встав в полный рост, двое из трех начали отстреливать бредущих к ним 'обратившихся'. Что бы добить всех кто умер и успел 'вернуться' троице в машине понадобилось меньше минуты. А потом из развалин полуразрушенного второго этажа на спусковой крючок пистолета нажал Бортник.

Для того, что бы расстрелять полный магазин в двадцать патронов из АПС поставленного на автоматический режим стрельбы - достаточно двух секунд. Этого времени Игорю хватило вполне.

Пятница, 16.10 - Всего их было шесть человек. Раненый в живот мужик из дальнего дома, две раненые молодые женщины из дома, что поближе, две 'наши' бабы, и 'шкет' лет четырнадцати, да еще ребенок года полтора, не более, но его не в счет... В принципе их 'биомассы' и

сейчас хватало, что бы задавить нас, но сказывается их шок и наглость Бортника. Пленных можно было понять. Только что они были хозяевами положения, которые крепко взяли за яйца глупую тетку с ее сиротариумом... И вдруг - массовое отравление, затем взрыв, и, как вишенка на вершине пирожного, безоружные заложники вдруг оказываются вооруженными и расстреливают последних их 'бойцов' и копошащуюся внизу биомассу, которая только что была парой десятков крепких вооруженных мужчин и женщин.

Если бы они знали, что их шесть человек, что они со всех сторон окружают дом, а внутри умирающая от яда баба, которая пихает в пустой желудок ложки кофе, да однорукий инвалид с четырьмя патронами в револьвере, - они бы нас просто зачморили. Но... Как там сказано: слова, сказанные перед НО, можно игнорировать.

Тихий и уравновешенный Бортник, хороший мальчик-отличник любящей и уже покойной еврейской мамы, человек - самообладание, человек-Штирлиц после первого в своей жизни убийства, начинает ловить кураж, подобно человеку, который уже сорвал куш в казино ставя на два раза на 'зеро', но идет ва-банк и снова играет…Азартно, но дьявольски жестоко и расчетливо.

Когда однорукий мужик без оружия выходит на балкон и кричит, что все кончено, валите сами в свой Центр спасения к Кравчему, - ему никто не отвечает. Но он и не ждет ответа, а продолжает говорить коротко и отрывисто, делая паузы, что бы дошло до всех.

Спрятавшиеся слышат, что у нас еще восемь зарядов (а о каких зарядах - пусть их фантазия сама додумает), что надо сдаваться, и что самое важное - сдаваться будут 'без последнего', то есть последний сдавшийся будет расстрелян.

Ожидание тянется добрых полторы минуты, а потом из соседнего дома начинает раздаваться плач младенца. Поняв, что ее позиция открыта, мать ребенка решает сделать отчаянный шаг, и семенит на поляну, ложась, как и было сказано, плашмя лицом в землю. За нею тянутся и остальные. 'Последнего' - грузного мужика серьезно раненного осколком щепки в живот (наверное от стола) Игорь, вопреки обещанию, не добивает. Правда перед этим кричит, что если есть еще кто-то, то лежащие на земле будут убиты. На что получает весьма горячие заверения, что все кто жив, лежат тут.

Игорь спускается к ним. Они лежали в рядок, ожидая чего угодно. Гуманистом Игорь не является, но и бессмысленным убийцей его трудно было назвать. Он просто ищет нужных людей. Процесс 'потрошения' пленных из моего внимания ускользает, - я начинаю 'плыть'.

Пятница , 17.30 - Прихожу в себя из-за того, что Игорь льет мне на голову воду. Прийти в себя то - прихожу, но все происходящее вокруг - какое-то смазанное, что ли. Впрочем, от меня многого уже и не требуется. Всего лишь выщелкивать патроны из магазинов к 'ПМ', которые Игорь нашел у убитых дозорных, и набивать ими магазин к АПС. А сам Бортник сейчас отводит каждого пленного в сторону и в течение 10-15 минут задает вопросы. Пленных не много - мужик, раненный щепкой в бок, две женщины - одна из них с полуторагодовалым ребенком, парень лет 14-16, да наши 'цветные колобки'. Уже через полчаса он фиксирует то, что нужно: наше реальное местонахождение и находит нужных нам пленных. Ими оказываются те самые два наших 'цветных колобка' из кухни - Марина Геннадиевна и Эвелина Саркисовна, которые были дочерью и женой 'нашего' заложника. Они то и были нам нужны. И, причем обе, - по отдельности их ценность была близка к нулю. Равно как и ценность Геннадия Равильевича, который сейчас безуспешно пытается выйти на связь...

А потом раздается выстрел...

'Шкета' звали Ваней. Ему было 15 лет. Как потом рассказала Марина, мать и младший брат парня 'обернулись ' в первый же день беды, но отец успел вытащить старшего сына из окон третьего этажа, когда мама с братиком пытались его скушать...

А сейчас его отец лежал среди обломков стола. То, что у него есть нож, Игорь понял, - как он потом говорил, - практически сразу. Но даже если бы ножа не было, я думаю, приговор Ване был бы тот же. Но у него был нож! - И за это Игорь ему был благодарен. Разумный человек всегда ценит умеренно грязную совесть, и наличие нужных оправданий перед самим собой. Ведь крайне трудно заснуть, когда сниться парнишка, хватающий тебя за штанину и шипящий от ужаса - *'дядька, не убивай'*.

Игорь поворачивается к пареньку всего на секунду, и ему этого хватает, что бы вытащить свою игрушку и сделать шаг к убийце. А

затем Бортник стреляет. Смерть парня наступает мгновенно.

Поднимаю голову на выстрел и успеваю увидеть смерть мальчика - он падает как подрубленный.

Бортник боком подходит ко мне, и протягивает пустой АПС. Сам он держит в руке Наган с оставшимися тремя патронами. Один магазин к АПС у меня и полностью снаряжен, а на второй уже нет ни сил, ни патронов. Слышу его слова - *'Вставь иотдыхай'* и несколько мгновений спустя я действительно вырубаюсь на несколько секунд или минут - точно уже не помню.

Когда сюда приедет Кравчий, ничто не должно говорить ему кто именно тут был. Нет, не так! - Кто тут был Кравчий, и так скоро догадается...Но одно дело догадываться, что тут погибли его бывшие коллеги, и, возможно, и бывшие друзья...Мало ли людей носят фамилии Ольховскй, Гургенов, Ващенко? - А совсем другое дело - знать! Но тогда зачем ему показывать то, в чем он сам не захотел бы окончательно убеждаться?!

Когда-то я читала критику Шекспира. И там было здорово отмечено, что Отелло, по всей видимости, и не хотел собственно душить Дездемону, но общественное мнение его бы просто не поняло. Кравчему надо было всего лишь помочь не увидеть то, что сейчас лежало...И сделать еще кое что.

В АПС снова двадцать патронов, а сам пистолет снят с предохранителя...

Игоря я не осуждала, а даже наоборот - поддерживала и сама подталкивала к тому, что он собирался сделать. Мысль о том, что нельзя быть чуть-чуть беременным принадлежала именно мне. А вот Игорь и покойник тяготели к ущербному гуманизму. Впрочем, мой аргумент, о том, что через 1-2 года, если не раньше, мы рискуем заполучить 'неуловимых мстителей' - их тогда охладил. Там, в пятидесяти метрах, лежали почти два десятка трупов - мужчин и женщин. В основном мужчин. И они все кем то им приходились большинству выживших - мужьями, отцами или братьями. Нельзя быть чуть-чуть беременной, но можно быть чуть-чуть милосердной. И это будет той ошибкой, что хуже самого преступления.

Слышу голос Игоря: - *'Ты и ты - поедете с нами*, - Это он говорит нашим 'колобкам'. - *А вы, трое* - это уже он говорит остальным, - *берете пацана, и тащите его в ту сторону. Собираете всех жмуров*

до кучи, и валите в Центр Спасения к Кравчему, или куда хотите. Грузовики с содержимым мы оставим себе, 'Гелент' - ваш.'

Унести тело длинного не по годам подростка для девушки и раненного - проблемно, поэтому Бортник движением пистолета - с нее на труп, молча приказывает женщине с ноющим ребенком помочь нести тело.

Раненый в бок и вторая девушка еще пытаются сами оттащить труп, когда мать с ребенком передает свою ношу Эвелине. О том, что сейчас будет, из всех пленных, кажется, догадывается только эта. Она гладит ноющего мальчугана по голове, и я слышу, как она тихо произносит - 'Успокойся, Колечка'. А потом разворачивается, делает с десяток шагов по направлению к своим, - и оседает. Три выстрела из АПС Бортника сливаются в трескучий протяжный шум.

Марина начинает что-то истерично то ли орать, то ли шипеть, но ее мать, Эвелина, оказывается куда как умнее. Она, молча, начинает качать ребенка, который от звуков выстрелов почему-то замолкает, а потом разворачивается к дочери и что то спокойно произносит на своем языке.

Игорь с пистолетом подходит к нам.

- Эвелина Саркисовна, вы можете объяснить своей дочери, почему я вас не убью? Вы, как я понял, уже все поняли?

Та молчит, а потом говорит абсолютно спокойно: - Потому что между нами нет крови. Среди убитых нет моих родственников, только знакомые. Это я уже своей дочери сказала, - делает паузу, - попыталась сказать.

- Мы должны кое-что сделать, и сразу уедем. Но есть одно НО...

- Какое?

- Катя умирает, - кивает на меня, - и ей нужна помощь. Чем раньше мы уедем - тем раньше она ее получить, и тем меньше риск, что она умрет.

- Поняла...

- А если она умрет, я буду очень огорчен. И посчитаю, что вы недостаточно быстро мне помогали.

- Не пугайте меня. Я, за сегодня, уже достаточно насмотрелась. Делать то что!?

Распоряжения Игоря просты и незатейливы. В одном из домов находят седативные препараты. Эвелина мешает их в бутылку, а затем

пытается напоить мальчика. Тот делает несколько глотков - хоть тетка и незнакомая, но пить то хочется. Вот он и пьет. Потом наступает очередь Марины.

Младенца и Марину Игорь запирает в кабину 'Гелента' и фиксирует снаружи двери. А Эвелина начинает работать.

Когда Ольховский и Ко заняли этот поселок, людей тут было очень и очень мало. Поэтому вопрос с обороной решили просто и незамысловато - оставили себе четыре дома, а остальные снесли взрывами, посчитав, что они закрывают обзор.

Именно на руинах разрушенных дачных домиков Игорь с Эвелиной за 10-15 минут находят то, что нужно: кирпичи, два швеллера, и с десяток небольших металлических труб, уголков и прутьев. За полчаса они приносят все на поляну.

А я снова 'плыву'.

Пятница , 19.00 - Прихожу в себя от дикой боли в руке - Бортник, сволочь, решил в чувство привести зажигалкой. Молодца! Спать мне нельзя....

Открываю глаза и вижу 'сооружение'... От шока на несколько минут даже пропадает желание спать! Н-да, у Игоря точно, что очень больная, но очень богатая фантазия. Посреди лужайки теперь возвышается именно что сооружение, от слова соорудить: четыре стопки кирпичей поддерживают на высоте 40-50 сантиметров два двухметровых швеллера. На швеллерах поперек - они с Эвелиной положили трубы и прутья...Снизу дрова, доски, а вот сверху! А сверху аккуратная пирамидка из мертвецов: нижний слой - семь человек, между ними небольшие чурки дров , а затем сверху еще человек шесть, и так до самого верха -почти два десятка трупов.

Но не это было самое жуткое в этой конструкции. Очень трудно складировать два десятка человек на площади полтора на полтора метра, пусть даже в стопку, штабелем. Игорь нашел простое и до безумия гениальное решение ...Найденные швеллера и трубы были слишком короткие и тела не влезают? - И хрен с ними - пусть торчат ноги, а все остальное будет в зоне огня. А если положить мертвых друг к другу с вытянутыми 'вверх' руками, которые, как и ноги, будут торчать из массы тел, - то их еще больше сможет набиться в одном слое...

Гигантская мертвая многоножка, с десятками щупалец, которые еще недавно били руками и ногами живых людей -торчала во дворе дома. А наверху всего этого 'цветной колобок' - Эвелина, переставляя лестницу, с разных сторон поливала это сюрреалистичный погребальный костре из канистры с бензином.

Внизу погребального костра уже были накиданы доски, дрова, обломки стола, бутылочки с растопкой для шашлыка. А еще большая куча топлива лежала рядом, ожидая своей очереди.

Затем Бортник бросает спичку и пламя костра с ревом начинает рваться вверх. Острый запах горящей человеческой плоти бьет мне в нос - меня выворачивает в очередной раз.

А Игорь с Эвелиной продолжают заниматься погребением: он подкидывает дрова в костер, а она машет на пламя широкой фанерной доской, нагнетая воздух для тяги. Это продолжается около часа, пока не становятся видны 'результаты' нашей работы, а запас дров существенно иссякает.

И тогда Игорь отводит Эвелину к дочери в 'Гелент', а сам начинает делать тяжелую, но необходимую работу.

Пятница, где-то после 20.00 - Что означает фраза **'Ушел в небытие'** - Это означает умереть? - Далеко не так. От человека остаются документы, вещи, друзья, дети, долги и много чего еще. По настоящему отправить человека 'в небытие' крайне сложно, и Бортник сейчас занимался именно этим.

Сначала он обошел два не сложившихся кирпичных дома и проверил на предмет спрятавшихся, а затем открыл 'Гелент' и вывел оттуда Эвелину. Но буквально на 5-6 минут. Всего лишь для того, что бы она облила из трех маленьких канистр сложившиеся руины деревянного дома, а затем отвел назад.

Горящие руины деревянного домика, огонь от костра и фары 'Гелента' давали хорошую подсветку, хотя было еще довольно светло. И Бортник продолжал проводить операцию 'Небытие'.

Что бы сжечь человеческое тело - нужно несколько сот килограмм сухих дров. Впрочем, при нагнетании кислорода - процесс ускоряется, включая в реакцию горения еще и человеческий жир. Именно для этого он заставил Эвелину в течении часа махать противнем, и именно для этого они за час до этого собирали между четырех домов поленья куски досок, обломки дерева, ветки и все, что горит.

В принципе, мы могли уже давно уехать, оставив трупы, но в таком случае сюда бы уже через несколько часов приехал Кравчий. И мог увидеть то, чего видеть он не хотел бы и сам. И поэтому, кроме дерева, в огонь летит одежда, а после краткого осмотра и найденные документы, и вещи, и все остальное, что могло бы указать на личность покойных, или простоможет гореть. Они должны были уйти в небытие еще один раз.

Пятница, после 23.15

Костер еще пылает, но все что можно было в него бросить - уже брошено. Худой однорукий человек затравленно мечется между трех домов, выискивая любые вещи, которые еще могут гореть, или которые имеют 'отпечаток личности' владельца - фотография, документ или просто какая ни будь одежда. Все летит в огонь. Периодически он подбегает ко мне, суя в руки поллитровку минералки или заставляя пережевать еще пол-ложечки 'Якобса'. А сам продолжает метаться по двору, заметая следы нашей победы.

Легко быть героем в глазах женщины, гарцуя на белом коне, или совершая героический поступок. А для меня в тот день героем того дня становится худой однорукий убийца, которому последние несколько часов было адски больно делать каждый новый шаг - открылось кровотечение из-за ношения 'торпеды', - человек, сумевший за три часа отправить в небытие более двадцати человек разного пола и возраста, их вещи и документы.

Пятница, после 23.40 - Игорь решает отдохнуть. Все что можно было бросить - уже брошено в огонь или лежит рядом ожидая очереди. Зато наступает очередь отдохнувшей Эвелины снова, около часа, махать фанерой, нагнетая воздух в костер, или подбрасывая топливо.

Суббота, 02.00 - Огня уже нет, но есть угли. И Нам пора отходить. В двухстах метрах от дома стоят три трейлера. Что в каждом из них, Эвелина не знает, поэтому выбираем наугад один из них, а 'Гелент' тросом пристегивает к нему сзади.

А два остальных?...Скорее всего, нам они не достанутся. Кравчий начнет выламывать нам руки, и они будут откупом, разменной монетой, но никак не нашим 'призом'. Ну и хрен с ними!

Мы отъезжаем на двести метров, когда Игорь останавливается и выпрыгивает из кабины. Неторопливо идет в сторону бывшего

жилища людей, так - словно экономит силы. А возвращается через три минуты и бегом. И сразу врубает по газам.

Со слов Бортника, как он потом рассказывал, он сразу отметил - готовили еду выживальщики на газу. Причем, понятное дело, газ шел не по трубам, а был в баллонах. Поэтому, вернувшись назад, он сначала вытащил небольшой баллон и оставил его возле затухающего погребального костра, а затем открыл баллоны с газом во всех трех уцелевших домах.

У него было мало времени, он рисковал, отмеряя на глаз, но ему повезло. Баллон с газом возле погребального костра, который он чуть приоткрыл, уже убегая к машине, детонировал первым, но не сразу, вызывая детонацию других баллонов.

Вакуумная бомба - вещь жуткая. А баллоны газом и безветренная погода создали ее вполне вменяемое подобие.

Суббота, 02.55 - смерть. - Кто-то бьет меня по лицу. Открывать глаза или нет? - Наверное, стоит.

Открываю. Вижу глаза Игоря, а в них - испуг. Его взгляд скошен на почти пустую емкость 'Миргородской'. Я вдруг вспоминаю, что малыша и Марину Игорь 'притормозил' седативным коктейлем, намешанным в 'Миргородскую'. А мне все время совал 'Моршинскую'. Все время...А потом или я, или он - сделали ошибку, прихватив в спешке в кабину грузовика эту, початую, бутылку воды.

Наверное, мы поняли это практически одновременно, ведь именно в тот момент, когда я высовывалась в окно, Бортник резко прибавил скорость, в попытке успеть дотянуть до Дома и доктора с Машей.

Он очень старался - мы доехали меньше чем за час. Но все равно не успел. Мое сердце пошло вразнос в тот момент, когда фары грузовика уже осветили Дом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ – «САМАЯ КОРОТКАЯ»

Маленькие детские ножки стучат по холодному полу. Ну да ничего - сколько ей, маленькой девочке пяти лет от роду, бежать?- Из своей детской в спальню родителей, - всего ничего! Еще темно, дворники еще не начали убирать снег, а за окном такое холодное и прекрасное воскресное зимнее утро.

Маленьким котенком она протискивается между папой и мамой, которые уже привычным движением накрывают ее своим одеялом, и она снова начинает дремать. Она не знает, что сейчас она просто счастлива, - ей просто хорошо.

Но нет ни мамы, ни папы, ни доброго домашнего зимнего утра, - это она понимает мгновение спустя. Что-то детское, слезливое и бессмысленное начинает подниматься в ней, грозя залить ее лицо молчаливыми слезами обиды, обиды на весь этот мир.

Но неожиданно, чья то теплая рука ложится ей на макушку и ласково, как ребенка начинает гладить. - Она открывает глаза и видит Его.

- Ты?

- Угу. - Голос Игоря, ее Игоря, - тверд, но вот бледность на лице выдают его с головой. Вид у него - краше в гроб кладут: мешки под глазами, видно, что скинул несколько кило, а на скуле - гематома. - Поспи. Тебе сейчас нужно просто поспать.

- А..

- Тебе нельзя сейчас беспокоиться.

- Бортник, - ее голос звучит слабо, но решительно, - я очень беспокоюсь, я очень волнуюсь, я уже наверное не смогу заснуть, пока ты мне не расскажешь все, что было после...ну... ты понял?

- Тебя спас доктор. Ты уже собиралась нас покидать, когда он засадил тебе укол адреналина в сердце.

- И?

- И все. Ты тут. Кравчий - уехал к себе. Заложники отпущены. Фура разгружена...

- Что?!

- Фура...

- Да не о фуре. Я о тех троих...

Тяжелый вздох Бортника подсказывает ей, что рассказ будет если не долгим, то уж точно, что содержательным. - Так оно и получается.

Получив письмо от *'этой суки'* с объяснением, что она делает в данный момент, и что она просит его - Кравчего, - Сергей Петрович вовсе не впал в панику. Нет! Паникой это было назвать нельзя. Его охватил тихий и всеохватный ужас. - Так по крайне мере описал его состояние Дмитрий Кореньков, вручавший конверт ему лично в руки. - Ехать от Дома до базы Кравчего было около часа-полутора, но Кореньков, помня полученные инструкции, смог затянуть переезд на несколько часов, плюс еще около сорока минут терпеливо дожидался приема у Сергея Петровича. - Одним словом, шесть часов спустя, после того как 'террористы' получили доступ 'месту жительства' Ольховского - предупреждать Ольховского было уже поздно. И хотя Сергей Петрович попробовал несколько раз вызвать своего партнера и клиента, ответа он не получал.

Поэтому, прихватив Коренькова, предварительно удостоив его личной оплеухи, Сергей Петрович, подняв 'в ружье' около двадцати человек - практически всех 'своих', и рванул в сторону Дома, по-видимому, не решив еще окончательно, что он будет делать.

Приехав на место, он, наконец, дал выход гневу: долго бегал, кричал, посадил 'под арест' практически всех взрослых мужчин, включая инвалидов, и конфисковал имеющееся оружие.

Потом, так же в сердцах, велел всех выпустить из спорт-зала превращенного им в карцер.

Узнав же о наличии 'ответного' заложника, который уже несколько часов заперт в кабинете - он вломился к нему, но только затем что бы прокричать, что он арестован уже им, Кравчим.

Затем, видимо решил, что отсутствие радиосвязи с базой 'сюрвайверов' может означать, в том числе и то, что те уже начали ответную карательную операцию и сознательно поддерживают режим радиомолчания. - Это предположение было вполне логичным, взвешенным и трезвым.

И решение Сергея Петровича тоже было по-своему правильным и логичным: загрузив или затолкав в одну из машин около сорока девочек постарше и детей возрастом до десяти лет (а таких было

немного), он раздал ранее конфискованное оружие и заявил, что берет временное командование на себя.

- Вот так они и сидели до самой темноты, - закончил Бортник, - с десяток людей Кравчего и наши. Пока не увидели нашу фуру.

Затем, со слов Бортника, Кравчий сначала умудрился буквально за двадцать секунд сначала выволочь из кабины и крепко его приложить своей пухлой ручкой, при этом отдать приказ своим - не спускать глаз с баб, что в легковушке. И, что самое главное, рявкнуть сюда доктора, потому как женщина сидящая в кабине фуры уже начала отдавать Богу душу. - Ну, а пока доктор летел со шприцом, наполненным живительным адреналином, Кравчий попытался даже провести некие реанимационные мероприятия в виде нанесения пощечин, чередуемые массажем сердца.

Дальнейшее развитие событий свелось к простому квесту, первым и уже пройденным шагом в котором была 'торжественная встреча' диверсионной группы Бортника - Лядовой, и удачная реанимация ее руководителя.

Зато вторым шагом, который сделали Кравчий и Бортник той ночью был их непростой и бурный разговор. Результатом которого стало срывание Сергея Петровича Кравчего со всей своей наличной командой - к ебеням в черноту ночи - туда, где в 50-60 километрах от Дома еще наверное тлел погребальный костер, а неподалеку стояли две громадные фуры, загруженные чем то хорошим и ценным. - Странным было то, что Кравчий не попробовал взять с собой ни Бортника, ни жену или дочь Геннадия Равильевича. Это наводила на мысль, что расположение группы Ольховского он знал или догадывался, где она базируется.

- Ну?

- Баранки гну! Ввиду того, что группа Ольховского уничтожена в полном составе, эвакуация отсюда становится бессмысленной, особенно в свете того, что мы нашли в 'нашем' трейлере?

Больной нельзя было волноваться, - волнения и срывы предыдущих месяцев изрядно подкосили ее здоровье, и поэтому Бортник не стал тянуть кота за хвост.

- Около тридцати автоматов, - нормальных А-74-М, а не наших укоротов, гранаты, несколько СВД и много патронов. Очень много. А еще еда - много еды, много витаминов и много лекарств. - Короче,

много всего. - Он все еще продолжал оглашать список того, - и что им досталось из трофейного трейлера, и как из Томаковки вернули ранее эвакуированных детей, и что еще и еще, пока не обращает внимание на усталое и изможденное лицо больной. - Лицо у нее было как у только что родившей кошки - непередаваемая смесь усталости, спокойствия, радости, - и все это 'приправлено' ощущением - 'отстрелялась'! - Казалось она его почти не слушает, когда фраза, сказанная Бортником, возвращает больную на землю.

- Он сказал что дней через 7-8 приедет сюда еще раз, когда ты отлыгаешь немного.

- Кто он? Кравчий.

- Угу.

- И что мы будем делать?

- Как я понял, он приедет 'на поговорить'. И, как он сам сказал, приедет 'почти что сам'.

- Игорек, - голос женщины хотя и был все еще слаб, но вид у женщины стал куда спокойнее. - Как его принимать - подумаем...Но, что у нас с пленными 'колобками' и этим 'отцом семейства'.

- Они очень полезные люди, нам с них пылинки надо бы сдувать...именно поэтому я их отпустил.

- Только поэтому?

- Еще бы! Их 'показания' там, - его голова кивает в сторону окна, - для нас стоят гораздо больше, чем их тушки тут. И еще, - Игорь делает паузу, а потом продолжает, - ты очень неосторожна в пометках.

- Блокнот?

- Угу...Зря ты его так оставила. Ты ведь Евгения в роли шахида экспромтом играла, - тебе он нужен был тут как источник информации. - Видя, как больная, молча, чуть заметно ему кивает, он продолжает, - не стоит такие вещи бросать, пусть даже в ящик стола. Я догадался, что означают пометки **'Е 43'** и твои тактические схемы стрелочками, так и другие могут догадаться...Ладно уж, агент ты мой недоделанный, - он наклоняется, с нежностью гладит ее волосы, целует в нос и уходит.

Он уходит, а она засыпает, и сон ее спокоен и долог. Причиной этому могла быть и чистая совесть, и усталость, и доза морфина.- А потом приходит новое пробуждение, и к ней снова приходят 'на прием' ее Игорь, Маша, доктор, Псел и прочие, и прочие, и прочие. - И она

снова погружается в круговорот дел, просьб, ходатайств, текущих и срочных проблем, вызовов и архи-срочных задач.

Выныривает она из него лишь затем, что бы окончательно принять решение - абсолютно частное, касающееся сугубо ее, и никого более, но все равно - шокировавшее и потрясшее практически всех обитателей Дома. Впрочем, если мужчины в массе своей хранили потрясенное молчание, то женщины в лице Томы, Маши, Маруси и других, - выражали ей поддержку.

И когда, как и обещал, неделю спустя, приезжает Кравчий, его встречает не то чудо в перьях которое он лупил по щекам, а ухоженная и приведшая себя в порядок, одетая в красивую английскую тройку, женщина лет сорока - Лядова Екатерина Тимофеевна.

Впрочем, и Сергей Петрович, в этот визит решил обойтись без помпезного эскорта, ограничившись одним охранником - водителем.

На официальный визит это мало тянуло. Было видно, что эта неделя нелегко далась Кравчему, - о причинах можно было догадываться, но результаты были на лицо - перед ними стоял уже не очень здоровый человек лет 60, тучный, с маленькими заплывшими жиром глазками, на дне которых было нечто, чему она не могла дать названия.

Много позже, 'обсасывая' с Игорем визит Кравчего она поняла, что подсознательно прочла на дне этих маленьких заплывших жиром глазок. Нет! Там не было мощного интеллекта, звериной интуиции или холодного льда логики. Там было вещи гораздо худшие - опасность и непредсказуемость. Нет! Этот не был мастером шахматной игры или мощным интуитом. Но ЭТОТ же мог в ходе шахматной партии резко поднять ставки...и начать играть в 'в Чапаева'. И этим он и был опасен.

Короткий протокол, во время которого ни одна из сторон еще не знает чего ждать от другой стороны, и как к ней относиться.

От приглашения отобедать гость отказывается, при чем, по видимому, - к радости обоих сторон, но на чашку кофе в кабинете главы 'этого заведения' с удовольствием соглашается.

Горячее сладкое, практически приторное тройное экспрессо - так попросил себе приготовить гость. А потом, после долгого молчания, повернув лицо в сторону окна произносит лишь одно слово - КАК?

И она начинает говорить, - и про то, как чуть не погибли несколько детей от 'предупреждений группы Ольховского', и про

девочку, успевшую в последнюю секунду сигануть в дыру уборной, и про их подготовку, про Женю, согласившегося стать "камикадзе", и про саму акцию. - Ее рассказа, кажущийся ей самой таким долгим и подробным укладывается в не более чем в пять минут, после чего в кабинете на достаточно долгое время наступает тишина.

В принципе то, что говорила эта женщина, примерно неделю назад повторял и Бортник, но в тот раз он 'выступал' перед своими - доктором, Машей, Марусей, Прохором, Кореньковым, командой спецов и еще десятком 'ближников'. И говорил он то же, с той лишь разницей, что упомянул о том, что у них теперь появилось и оружие в товарных количествах, и боеприпасы, и много другого разного и вкусного. - Но тогда, в соседнем кабинете было еще трое слушателей взятых в плен при 'зачистке Ольховского' - мать, отец и дебелая девица, приходящаяся им дочуркой.

Тогда, в сущности, все выступление и было затеяно ради этих трех слушателей. - Их, буквально через полчаса после 'отчета о проделанной работе' разделили, отвезя отца семейства в Саивку, а мать и дочь в Адамовку и Царичанку соответственно.

Как потом объяснял ей Бортник, местные бы все равно узнали, что это именно они зачистили группу Ольховского, и то, что у них теперь появилось значительно больше оружия, но, как говорят англичане, дьявол кроется в деталях.

Поэтому очень важно было сделать так, что бы местные пейзане узнали, как далеко лично готово пойти руководство Дома в защите 'своих инвестиций' (вплоть до риска собственной шкуркой), что оно готово и может использовать смертников-камикадзе (а это всегда пугает), и что они теперь имеют не только мощные челюсти, но и зубки в этих челюстях. Ну, еще и то, что Дом вовсе не так сир, убог и беспомощен, каким раньше казался. - Ну а разделение семьи - просто перестраховка, что бы семья мытаря не могла сговориться и выбрать интересную им версию того, что произошло.

То, насколько сработала такая тактика информирования соседей, показал случившийся через два дня случай на шоссе.- Тогда на дежурную просьбу *'дядь, дай чЁ пожрать'* со стороны патруля Дома, адресованную проезжавшему транспорту мародеров из Царичанки, в ответ последовала беззлобная ругань и слова *'Кончайте ломать комедию, придурки!'*.

Молчание нарушает гость.

- Это все?

- В принципе - да. - На этот раз право отвечать гостю берет на себя Бортник.

- Нет. Не все. Вы сообщили что у вас было четверо пленных...хм...это слишком громкое слово. Пусть будет - задержанных.

- Семья Шамсутдиновых отпущена восвояси. Глава семейства вчера отвезен в Саивку, а его жена и дочь соответственно в Адамовку и Царичанку.

-Зачем такие сложности?...А хотя понимаю...Вы хотели донести информацию о своей готовности отстаивать свои...ммм... инвестиции...назовем так.. до местных, но так что бы 'источники информации' не могли сговориться?...Хм. Вполне разумно. А четвертый задержанный?

К удивлению Кравчего Сергея Петровича принимающая сторона, она же 'хозяйка этого мьзюк холла' Лядова Екатерина Тимофеевна вдруг поднимается и подает ему руку.

- Пройдемте.

- Куда?

- Не бойтесь, - в соседний кабинет, или мою спальную комнату - как вам будет удобнее это называть.

Нельзя сказать, что Сергей Петрович был туповатым солдафоном. То, что рассказывала ему эта женщина он аккуратно, словно пазлы по кусочкам собирал последнюю неделю. Но он должен был услышать и ее для того, что бы принять окончательное решение.

Какое? - Он и сам еще не знал. То, что комбинация Кравчий-Ольховский ушла в небытие стало ясно еще полторы недели назад. Более того, - кое кто на базе стал догадываться о его желании усилить личное влияние таким нехитрым способом...и ему дали понять, что делать это нежелательно.

Но Сергей Петрович был не тем, человеком, который оставляет последнее слово за оппонентом, - последнее слово в этой маленькой пьеске он хотел оставить за собой...

Дверь скрипнула, и Сергей Петрович неожиданно для себя понял что в 'пазле', который он собирал последнюю неделю были пропущено несколько важных элементов.

В комнате была большая полуторная кровать...а еще две детские кроватки и манеж, и двое детей - мальчик и девочка.

- Чьи это? - Он уже догадывался 'чьи это', но хотел услышать от нее.

- Это? Это мои дети - Женя и Коля. Их родители недавно умерли - папа взорвался, а мама...вы знаете. Поэтому их мамой стала я.

Маленькие злые поросячьи глазки Кравчего сверлили нее, а она, словно не чувствуя того негатива, который исходит от ее гостя начала тихо говорить - короткими фразами.

- Я не брошу детей. Ни моих воспитанников. Ни этих, - она кивнула в сторону маленьких кроваток, - тем более этих. Своих у меня уже не будет. Наверное, не будет. Не знаю. А эти? -А это дети которые теперь мои. Отцу Евгении я пообещала заботиться о его дочери, а ...матери Николая я ничего не обещала. Я ее убила. И теперь, теперь я его мама. - Может быть не самая лучшая, но другой у него не будет. И я смогу его защитить, смогу о нем позаботиться.

Человек по натуре гибкое существо, очень приспосабливаемая тварь, которая может быть хитрой, изворотливой, меняющей приоритеты. - Сергей Петрович был именно таким, - не самым умным, не самым одаренным интуицией, но умеющим вовремя предать, извернуться или подложить соломки. - И именно об этом он думал, возвращаясь к себе на базу в Томаковку.

Его положение оставалось все таким же шатким, и даже ухудшилось, от его группы за последнюю неделю явно откололось еще два человека. А сколько тайно?!

Но это враг внешний. А ведь есть еще и враг внутренний?!- Перенесенный года два назад инсульт, два микроинфаркта и диабет напомнили ему, что и он смертен...

Смертен, смертен, смертен....Ему не хотелось умирать. Он хотел жить, дышать воздухом, гладить траву. Просто жить!

Но кроме желания жить было еще кое что. Это 'кое что' заключалось в двух парах горящих глаз и том розовом свертке, который лежал в кроватке в соседней от его кабинета комнатке.

Та идея, показавшаяся ему поначалу бердовой, после визита к Екатерине, как он стал называть начальницу 'Сиротариума', уже такой не казалась.

Но спешить стоило не спеша. Еще две недели он пробовал перетянуть хоть кого то на свою сторону, - что то ему удалось, что то нет.

Впрочем, это не помешало ему, через две недели наведаться в гости к Лядовой Екатерине Тимофеевне...с гостинцами.

И гостинцы были странные и щедрые: небольшой грузовичок, забитый крупами и пищевыми концентратами, бинтами и парой бочек топлива. А еще он привез двух вихрастых пацанов и маленького розовощекого младенца женского пола, мать которого, со слов Кравчего 'ушла вперед' во время родов.

А еще он хотел поговорить с Екатериной Тимофеевной - лично и приватно.

Их разговор длился около двух часов, после которого 'Спаситель отчества' и двое его старших отпрысков убыли восвояси, оставив хозяйку перебирать небольшой альбом с семейными фотографиями.

- Что ему от тебя было нужно, Катя? - Бортник был не взволнован, а скорее заинтересован.

- Он...он просто несчастный злой испуганный человек, а еще...еще он очень любит своих детей. И, - тут Катя запнулась, а затемм продолжила, - еще он предложил мне сделку. Личную сделку между мной и им. Все по-честному.

-И?

- Я согласилась. Думаю, что скоро нам придется достраивать складские помещения...и думать, что из продуктов и материалов нам надо будет в первую очередь.

- Катя?!

- Все в порядке. Он не попросил ничего сверх того, что я бы не смогла ему дать...

- А все таки?

- Оставь это, Игорек. Прошу тебя, и так голова болит.

Последующие четыре месяца маленький грузовичок Кравчего приезжал с регулярность раз в две в недели. Обычно он возил продукты, пару раз смог привести топливо или медикаменты.

На третий или четвертый раз он окончательно перевез 'розовый конверт' в кабинет начальника сиротариума, и теперь в ее спальне стояли не два, а целых три детские кроватки. А, учитывая высокий статус VIP-клиентки, занявшей третью кроватку, бонной к ней, и

попутно ко всем трем оставшимся детям, были приставлены Мария и доктор.

Приезжал и Кравчий. Обычно он вез с собой и маленький альбом, и запираясь в кабинете Лядовой, они о чем то долго говорили.

За эти четыре месяца было видно как сильно сдал Сергей Петрович: постоянный нервный стресс, переутомление помноженные на проблемы со здоровьем делали свое дело. Но он пока держался.

Со слов Коренькова и Прохора, которые были несколько раз 'на складах', между 'убогими' и 'ментами', а потом и 'внутри ментовских' пару раз вспыхивали разборки и едва не доходило до стрельбы, но 'команданте' каким то образом смог тогда сгладить противоречия и накормить волков, оставив в живых овец.

Мальчики Кравчего переехали в Дом окончательно только в конце октября. Вместе с ними из Томаковки переехали еще человек пятьдесят: несколько подростков которые ошивались среди 'убогих', несколько многодетных семей как от 'пожарных', так и от 'убогих', и с десяток инвалидов, которых, впрочем, отбирала уже сама Лядова.

Мальчиков поселили 'на общих основаниях' среди других подростков, и хотя их 'акклиматизация' прошла более-менее успешно, как минимум одна пара глаз всегда присматривала за ними.

Наступил ноябрь. Визиты Кравчего стали чаще - он приезжал едва ли не каждую неделю, с парой десятков мешков муки или крупы, и тремя-четырьмя «новобранцам» - как правило, сиротами, женщинами не первой молодости, или 'работными' инвалидами. Его тут уже хорошо знали, и почти не обращали на него внимания, а он, маленьким толстым мячиком летел в блок №4, где обитали его мальчики.

А потом случился декабрь. И, как рассказывали очевидцы, бучу начали 'убогие'. Решив что их хотят 'зачистить' они пошли на опережение. А может, 'менты' их действительно хотели 'зачистить', и люди, обитавшие за периметром, пошли в последний, единственный и далеко не безнадежный бой, имея на то причину ...

Как бы то ни было, случилось то, чего с самого начала боялся Сергей Петрович Кравчий, - Комендант Лагеря спасения 'Томаковка'.

И ему снова удалось сдержать от взаимного уничтожения враждебные группировки лагеря, - уже не путем интриг, кадровых перестановок, а единственно возможным в той ситуации способом -

выскочив прямо на линию огня, бешено матерясь, рассыпая угрозы и мольбы в обе стороны...

Когда большой внедорожник подъезжал к Дому, в Томаковке уже шли 'выборы' нового главы, а на заднем сидении автомобиля лежало свернувшись калачиком маленькое грузное тело бывшего Начальника Депртамента снабжения областного СБ, дезертира, убийцы, труса и Коменданта Лагеря Спасения Кравчего Сергея Петровича. - Десяток пуль ударивших его в шею и спину сделали его уход очень быстрым, что в какой то мере было везением.

Неизвестно кто им сказал, но словно два маленьких щеночка, двое мальчишек выскочив к машине, и, едва глянув внутрь, замерли, вцепились друг в друга и стали рыдать.

Останавливать их никто не собирался - хотя бы для того, что бы дети смогли прорыдаться. Но потом, минуты через две к ним подошла женщина, которую они уже несколько месяцев называли между собой - тетей, и, обняв их головы, прижала к себе и долго- долго гладила шепча что то утешительное, ласковое и теплое.

А затем, парой часов спустя, Лядова Екатерина Тимофеевна, успокоив по мере сил своих 'племянников' и передав их под присмотр Марии, стояла в своем кабинете - закрыв глаза и уткнувшись лбом в стекло.

Она услышала как скрипнула дверь, и по шуму шагов узнала - кто вошел, но оборачиваться не стала.

- Со смертью 'Толстого' ваш договор теряет силу?

- Нет, Игорек. Как раз таки наоборот. Вступает.

- Так у вас был договор на-смерть?

- Что-то типа того. Иначе, как ты думаешь, почему он так расщедрился? Его помощь была не бесплатной.

- И чем ты будешь платить?

- Ну...для его детей - я буду дальней родственницей со стороны отца. Для этого Кравчий и таскал сюда альбом семейными фотографиями...

- А для маленькой?

- А маленькая ничего и не узнает. Третья кроватка так и будет стоять в моем кабинете, и она будет носить мою фамилию. Это тоже его условие.

- Ты ведь могла его кинуть. Да и сейчас можешь.

- Раньше - да. А теперь...Знаешь, покойник ведь был редкой сукой - он словно почувствовал чего от меня можно просить, и запросил по-максимуму. Но я на него не в обиде.

Она замолчала, и в комнате повисло долгое молчание. Каждый из двух думал о своем, и тем неожиданнее для него прозвучали ее слова...

- Знаешь, Игорек, а давай я тебя с Машкой сведу?

- Не понял?

- Ну, подумай, зачем я тебе? - Нужна тебе многодетная мамаша за сорок с расшатанными нервами?

Голос ее был полушутливый, но он понял, что шуткой тут и не пахнет.

Обстановка была совсем не романтичной - этажом ниже в медчасти все еще лежал труп мужчины, а где то рядом как два волчонка обнявшись скулили два осиротевших мальчика.

Поэтому ему пришлось постараться, что бы одной рукой задернуть штору, развернуть к себе женщину, обнять и поцеловать ее в мочку уха.

Они стояли так еще долго, прижавшись, словно помогая друг другу не упасть тут и сейчас, и в жизни.

Потом она заплакала. И когда его рука легла ей на затылок, а такой родной и любимый голос обозвал ее дурой, она поняла что у мамы троих детей и тети двух маленьких племянников будет и свой папа.

Через полчаса....нет, гораздо раньше, уйма проблем, вопросов и вызовов снова обрушится на нее. Но эти полчаса и в этом кабинете были только их.

От его свитера пахло сигаретами и одеколоном…

КОНЕЦ

Аудиокнига

https://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=5057934